

А. Г. Булгаков

«Святая инквизиция» в России до 1917 года

Дай им, Господи, вечный покой...

Зачем написана эта книга?

Наивные люди полагают, что атеистическое прошлое кануло в Лету и что ныне наступило время Веры. И в самом деле: кругом купола, звон колоколов, освящение оптом целых воинских подразделений; первый Президент России передает власть второму в присутствии патриарха — это говорит о многом красноречивее всяких слов. Уже крестились почти все россияне, полагая, что тем самым подстраховались от чего-то там.., ну мало ли чего.

У ракетных войск теперь есть небесная покровительница — если не изменяет память — Варвара Великомученица. Уж она-то не даст опозориться нашим ракетам.

Вот уже все более-менее уважающие себя чиновники побывали на Земле Обетованной (за счет налогоплательщиков), и даже кое-кто крестился в самих иорданских водах. Видно, считают это пропуском в Царство Небесное — вроде как мусульманину побывать в Мекке.

Вспоминается, как патриарх обращался к Ельцину сразу после августовского путча в 1991 г. с призывом отнестись милосердно к коммунистической партии, извратившей русскую душу, и если бы патриарх хотя бы в нескольких словах осудил антихристианский режим, погубивший столько (кто знает, сколько?) жизней и растливший безбожием столько (кто знает, сколько?) душ... Но этого не произошло, а россияне не распознали явно очерченный вектор формирующейся идеологии, смены формы властвования над умами: если раньше на это претендовали одни лишь коммунисты, то теперь вместе с ними, переряженными, крестившимися, в паре идет Русская Православная Церковь.

Люди с совестью вроде Зои Крахмальниковой или Александра Нежного об этом скажут лучше, ибо они более информированны. Скажем только — за утверждением православия стоит желание князя мира сего сохранить свою власть над душами. Только он поменял тактику: если раньше свое дело он делал через открытое безбожие, то теперь через скрытое.

В самом начале отметим: есть существенная разница между верой православной и православной идеологией. Если Вера вообще, православная или неправославная, есть понятие сокровенное (сакральное), глубоко внутреннее, личностное, устремляющееся по вертикали от души к Господу, то идеология, опять же православная или нет, есть претензия на господство по горизонтали. И в полном сознании существующей разницы между Христовой Верой и конфессиональной претензией на идеологическое господство, подчеркиваем: Вера как личностное убеждение достойна уважения, идеология как форма господства исходит не от Христа, и мы имеем право бить тревогу. Но напомним апостольское завещание: наша брань не против крови или плоти, а против поднебесных духов злобы. Так что духовная брань продолжается, и мы, христиане из хрущевско-брежневского времени, не для того учились распознавать духов, чтобы сейчас не увидеть, как вновь является тень Великого инквизитора.

В годы перестройки религиозная жизнь у нас стала проявлять себя более открыто и активно, а ко времени всенародно отмеченного тысячелетия крещения Руси уже утверждались некоторые многозначительные тенденции. Они нарастали, и уже в 90-м году автору, живущему в Воронеже, заместитель начальника областного Управления Комитета государственной безопасности А. К. Никифоров говорил совершенно безапелляционно: «Россия должна идти по православному пути». Сама по себе эта фраза достойна анализа и осмысления. Следует обратить внимание, *кто* говорил это. Не бабушка богомольная и даже

не какой-нибудь приходской батюшка, а человек, всю свою жизнь посвятивший неустанной работе по уничтожению «опиума народа», т.е. религии как таковой вообще — будь то православие или неправославие. Еще не было 19 августа 1991 г., но в аналитических отделах КГБ уже хорошо знали, что на смену СССР придет Россия и что для сохранения власти коммунистическую идеологию нужно поменять на православную, благо, что не нужно было придумывать что-то особенное, апробированный исторический опыт имелся.

Принятие в 1990 г. закона «О свободе совести» дало толчок возрождению религиозной жизни в России. После многолетнего информационного вакуума люди шли в церкви самых различных конфессий, чтобы узнать, в чем же заключается та самая христианская Вера, которую юридически вроде бы и не запрещали, но исповедание ее было чревато многими нежелательными последствиями: насмешки, глумления, лишение права на учебу, увольнение с работы, вынесение выговора.

Но, увы, слишком скоро обнаружилось, что слова кадрового офицера КГБ о «православном пути», по которому должна идти Россия, не были случайными, — уж очень явно обозначались контуры новой политики.

В 1997 г. был принят закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который сразу же называли законом о несвободе совести.

Волна демократических настроений схлынула. Мы надеялись, что гигантский колосс, олицетворявший собой богоборческий режим, рухнув, своими обломками не заденет никого. Поранил и искалечил многих, очень многих, и только провидение Божие спасло наш народ от кровавой гражданской бойни в 1991 г. во время путча гэкачепистов.

Но ключевые посты в политике, промышленности, управлении продолжали оставаться за партийными номенклатурщиками, и было бы несерьезно полагать, что они изменят свою натуру. Во всех сферах теперь уже не советской, а российской жизни шел планомерный саботаж. А демократы, в мизерном процентном соотношении прошедшие к власти на различных уровнях, из честолубия ли или из наивной веры переделать все к лучшему единичными мандатными голосами, не захотели демонстративно уйти в сторону, чтобы не быть участниками в чужих грехах (по апостолу Павлу). В результате повсеместно демократические идеалы были оболганы, очернены, дискредитированы. На это много времени не понадобилось, как и на принятие Закона о «свободе» совести, активно поддержанного РПЦ. До его принятия шла информационная обработка населения в казалось бы невинных формах. Вот телевизионные ведущие нас уведомляют, что, к примеру, завтра православный праздник Пасха. Любой уважающий себя диктор обязан знать, что Пасха — это праздник всех христиан, а не только православных, и что неправославных в нашей стране предостаточно. И если бы это было недоразумение, допущенное в разовом порядке, — но нет, слишком очевидна тенденция. Так воспитывается в народе психологическое противопоставление: православные — они есть, и о них упоминают, а других как бы и нет; а если и есть, то кто их знает, в какого они Бога веруют.

Кто не видел пышные церемонии «освящения» различных офисов, магазинов, банков, детских садов, школ? Конечно, никто никого насильно водой не окроплял, но ведь эти учреждения находятся в структуре государства, в соответствии с Конституцией декларирующего свою светскость, и подобные обряды посягают на свободу совести тех сотрудников, которые имеют иные религиозные убеждения или не имеют таковых. А про солдат неправославных и говорить нечего — казарм *право* как юридическая категория еще не посещало.

Многим кажется, что у нас есть проблемы посерьезнее: Чечня, например. Сетуют, что в России нет концепции национальной политики, и прежде всего в области идеологии, — время ли говорить о каком-то *праве* ?

Разве не ясно, что нас готовят к тому, чтобы мы сами — для стабильности и укрепления порядка — признали православие государственной религией. Желание выявить реальную картину происходящего в сфере религиозной жизни России подвигло автора на нелегкий труд исследования исторического материала по проблемам государственной

религии. Потребовалось изучение законодательных актов, архивных данных Святейшего Синода, Отчетов иерархов православной Церкви, исследований современников, живших на рубеже XIX–XX веков, статей и писем авторитетных общественных деятелей, свидетельства простых верующих.

Мы не будем касаться религиозно–мистических проявлений религиозного фанатизма (хлысты, бегуны, скопцы). Предметом нашего исследования будут те религиозные движения, которые Синод называл сектантскими, но которые, оставаясь в «христианском поле», признавали единственным своим авторитетом Библию и следовали ей в своем вероучении. Мы назвали бы их «рационалистическими», поскольку они не уходили от реальной жизни и принимали в ней посильное участие. К ним применяли и определение «демократические», как увидим позднее, не без основания. «Демократические течения в сектантстве, сторонники которых составляли мелкобуржуазные элементы и многочисленные представители бедняцкого и пролетаризирующегося крестьянства, а в городе полупролетарские элементы и даже (незначительно) рабочие, не останавливались на оппозиции к самодержавию, а разделяли и поддерживали основные демократические требования крестьян»¹. Эти слова принадлежит известному и авторитетному исследователю религиозной жизни России Владимиру Дмитриевичу Бонч–Бруевичу, и они свидетельствуют, что тогдашние социалисты усмотрели в движении многоликого сектантства особое течение, по стремлениям близкое программе РСДРП. Подчеркнем: близкое только лишь по стремлениям к справедливости, но не по философии. И на II съезде этой партии была принята специальная Резолюция об издании печатного органа для сектантов. «Считаем необходимым со своей стороны обратить особое внимание русских революционеров на то, что учения, распространенные в настоящее время в особенности среди «левого» крыла русских сектантов, имеют в себе много такого, что может крепко объединить пролетариат деревень с пролетариатом городов, и что эти учения настолько подготовили почву, что достаточно было бы социал–демократам сделать ряд правильных, систематических усилий, чтобы весьма значительно обосноваться в деревнях»². Отметим, что почва была подготовлена еще до возможных контактов с социалистами (например, возмущение против законодательной несправедливости по вопросам вероисповедным).

Данное исследование обращено в прошлое, но порождено нынешними тенденциями, и именно в этом автор видит актуальность своей работы. Фактический материал по правовой практике многочисленных религиозных организаций в России конца XX столетия мы предполагаем представить в следующей книге.

Хочется выразить благодарность за научное руководство доктору исторических наук, профессору Евгению Васильевичу Кузнецову (г. Нижний Новгород). Автор жил много лет в этом городе и получил там диплом историка–обществоведа в Университете им. Н. И. Лобачевского. Доброжелательное личное отношение Е. В. Кузнецова (тогда декана историко–филологического факультета) к своему студенту–христианину в 70–е годы для автора этой книги значило много, если вспомнить, какое это было время. Профессор оставался нашим научным руководителем в процессе учебы, помогал своими советами и в дальнейшем — при написании данной работы.

Автор благодарен за квалифицированные консультации сотрудникам Российского государственного исторического архива (г. Санкт–Петербург) — заведующей читательским залом Серафиме Игоревне Вареховой и ведущему специалисту Владимиру Вячеславовичу Берсеневу.

Сердечное спасибо Ирине Викторовне Тарасовой, кандидату исторических наук, ведущему научному сотруднику, хранителю Архива Государственного музея истории религии. Не имея технических возможностей по причине переезда в другое помещение предоставлять архивные материалы, Ирина Викторовна тем не менее очень помогла автору: материалы, ею предоставленные, составляют большую часть данной книги. Большое спасибо

за помощь и участие Галине Дмитриевне Калиничевой, заведующей научной библиотекой ГМИР.

Автором использованы материалы, хранящиеся: — в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт–Петербург); далее — РГИА,

— в Государственном музее истории религии (г. Санкт–Петербург); далее — ГМИР,

— в Российской национальной библиотеке (г. Санкт–Петербург); далее — РНБ,

— в Православной духовной академии (г. Санкт–Петербург); далее — СПбДА РПЦ,

— в Государственном архиве Нижегородской области,

— в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета,

— в Воронежской государственной областной универсальной научной библиотеке им.

И.С. Никитина;

— в Государственном архиве Воронежской области.

Без гнева и пристрастия

Прежде всего следует определить содержание понятий «секта» и «сектантство». Термин «секта» исходит от католической Церкви; ныне же он широко употребляется в самом неопределенном значении и в православной литературе, и в светской.

По сути своей термин этот не юридический и не научный. Тот смысл, который вкладывается в нашем обществе в слово «сектант», отражает низкий уровень нашего правового сознания (единственным объяснением, но не извинением, служит лишь то, что оно прижилось еще со времен государственной религии досоветского периода). Причем им, этим словом, пользуются даже вполне интеллигентные люди, не страдающие ксенофобией, хотя породила его ортодоксальная православная нетерпимость.

В этом контексте весьма отраднo встретить здоровое мнение, и воистину похристиански звучат слова архиепископа Иоанна Сан–Францисского, несколько цитат из сочинения которого о сектантстве мы приведем ниже:

«Ошибочно думать, что все православные суть действительно не сектанты и что все сектанты суть действительно не православные. Не всякий православный по имени таков по духу, и не всякий сектант по имени таков по духу, и в настоящее время можно встретить «православного» настоящего сектанта по духу своему: фанатичного, нелюбовного, рационально узкого, упирающегося в человеческую точку, не алчущего, не жаждущего правды Божией, но пресыщенного горделивой своей правдой, строго судящего человека с вершины этой мнимой своей правды — внешне догматически правой, но лишенной рождения в Духе. И наоборот, можно встретить сектанта, явно не понимающего смысл православного служения Богу в Духе и Истине, «не признающего» то или иное выражение церковной истины, но на самом деле таящего в себе много истинно Божьего, истинно любвеобильного во Христе, истинно братского к людям»¹.

«Тогда как среди иновероисповедных христиан есть множество живущих в истине Православия — духом своим. Есть сектанты, которые горят духом и любовью к Богу и к ближним гораздо более, чем иные православные, и вот этот дух горения любви к Богу и к человеку есть признак истинно жизненного Православия»².

«Сектант, который верует в Пресвятую Троицу, в необходимость духовного рождения, в необходимость сознательного отношения к крещению, в необходимость верующим не стыдиться веры своей среди равнодушных, но исповедовать ее перед всеми, верует каждому слову Священного Писания., — этот сектант неужели должен быть злобно гоним нами, православными? В чем же тогда будет наше Православие?»³.

1

2

3

«Можно сказать, что нет на земле совершенно православных людей, но что частично православны и сами так называемые православные и те, кто не считает себя в православии, но считает во Христовой Церкви и жизнью живет во Христе»¹.

«Наличие таких подлинно православных христиан замечается как среди православных по умовероисповеданию, так и среди римо-католиков, также среди протестантов всех оттенков, к каковым оттенкам принадлежат и русские сектанты»².

На наш взгляд, ничего человечнее и в то же время объективнее нам не встретилось в той обширной литературе, которую пришлось обработать.

Строго говоря, православие — тоже секта, но только с большим радиусом влияния, хотя от этого суть не меняется. Секта по природе своей — это строго обозначенный образ мышления большого или малого количества людей. Иное мнение воспринимается ими как заведомо чуждое, ложное и достойное отвержения. Почему, к примеру, православие и католицизм представляют собой два разных мира? Да все в силу сектантского духа, отмежевывающегося и отчуждающего. Ведь с точки зрения апостолов есть только одна Церковь. Православный по вероисповеданию философ Николай Бердяев справедливо говорил, что Церковь для нас не есть церковь поместная, национальная, не есть даже церковь православная в историческом смысле этого слова, но Церковь Вселенская. Бердяев не был наивным утопистом и не имел в виду некую организационную структуру во всемирном масштабе, как ныне религиозные фанатики пугают словом «экуменизм», не понимая сути этого понятия; философ мыслил по-евангельски и имел в виду конституцированный Христом духовный организм, универсальная жизнь которого проявляется во всех христианских конфессиях. В этом многообразии Богом заложен принцип свободы, в силу которого ни у кого нет права осуждать и навешивать ярлык — «сектант».

Никто и никогда ни на Востоке, ни на Западе не дал правового обоснования понятия секты. Можно говорить о ересь, но это дело внутрицерковное. Если же разномыслие происходит не по причине извращения фундаментальных доктрин христианства, то слово «секта» (соответственно и «сектант») во всех случаях просто неэтично.

Если быть справедливым и не применять двойных стандартов, то в 1054 г., когда произошла великая схизма, Церковь, единая до того по крайней мере формально, разделилась на две крупные секты — православную и католическую.

Если же анализировать историю русского православия, то оно тоже дробилось. Не говоря о никоновском расколе (старообрядчестве), мы можем насчитать на сегодняшний день в Русской Православной Церкви несколько разных толков, не подчиненных Московской Патриархии.

Всё, дробящее Церковь, уже является сектантством. В таком случае слово «секта» становится уже бессмысленным. Тем не менее и в научной терминологии это слово довольно прочно укоренилось. Можно было бы предложить цивилизованный вариант: применительно к российской среде всех не православных христиан следовало бы называть просто неправославными, когда речь идет об общем понятии; если же нужно конкретизировать, то — евангелисты, баптисты и т.д., — как они сами себя юридически обозначают.

Впрочем, здесь не удастся что-то поменять сразу; не удастся это и в обозримом будущем, потому что мы любим клички, что, конечно, показатель низкой культуры. Как мы увидим, слово «сектанты» являлось единственным обозначением всего неправославного, выходящего за пределы господствовавшей тогда религии, — так что придется по необходимости пользоваться укоренившимся словом при использовании цитат. Хотя, подчеркнем еще раз, термин этот ненаучный и уничижительный.

Рациональные христиане — выходцы из православия, исторгнутые самим православием из своей среды недалекими и неразумными действиями. Сами так называемые сектанты вовсе не помышляли делать русскую Реформацию, на манер западной.

Как ни парадоксально, они появились просто от чтения Библии, которая лишь во второй половине XIX века стала им более–менее доступна. Термин «секта» восходит к латинскому слову «секаре» — «отделять». Но автор склонен употреблять слово «секта» для обозначения образа мыслей, учения, очистив его от укоренившегося негативного смысла. «Отделенные» или «отделившиеся» — это ушедшие из мира или общества люди. Религиозное же движение, о котором написана эта книга, имело своих представителей не только среди крестьян, но и среди российской интеллигенции, в великосветских салонах Санкт–Петербурга, в дворянских домах Москвы и губернских городов; так что о замкнутости и отрешенности их от земного мира говорить не приходится.

О рационалистических сектах было много толков и домыслов. Можно сказать, что только теперь сформировалась догматика и сложилась структура той или иной неправославной христианской организации, испытавшей гонения уже при своем зарождении. Да и какие они секты, если на равных правах входят в многочисленные международные христианские объединения? Тогда их называли «штундистами» (с разграничением впоследствии на староштундистов и младоштундистов), «евангелистами» (кто–то евангеликами), «необаптистами» (потом просто баптистами), «евангельскими христианами», «редстокистами», «пашковцами».

Справедливо сказано, что «всякая систематизация в данной области неизбежно страдает чрезвычайной искусственностью. То, что создалось самой жизнью, что явилось плодом самобытного творчества, трудно ввести в рамки определенного учения, — сектантская идеология находилась как бы в безостановочном движении и переживает периоды постоянной эволюции»¹.

В самом деле, возьмем термин «штунда». Сначала безобидное слово, от немецкого Stunde — «час». Обозначало оно собрание людей, «любящих религиозное настроение в обыденной жизни»², потом — кличка; затем — клеймо, когда слово «штунда» проникло в официальные документы. После этого оно уже являлось «в виде универсального острого орудия борьбы с религиозным разномыслием *всех оттенков* (курсив мой. — А.Б.)»³.

Слово «штунда» стало именем нарицательным, хотя секты как таковой не было. А было массовое религиозное движение, возникшее в православной среде на почве духовной неудовлетворенности. Даже в конце прошлого века профессор Бороздин писал:

«Наконец, что касается основного термина штундизма, то и он признается самими духовными писателями только в известном *условном* (курсив мой. — А.Б.) смысле, т.к. самостоятельной секты, которую можно было бы в отличие от других назвать штундистскою, не существует»⁴.

К самобытному русскому ревивализму (духовному пробуждению) отчасти имели отношение немцы, живущие в России, «во внутренней жизни которых в период 60–х годов, как известно, происходил очень бурный процесс разложения (в смысле преобразования. — А.Б.)»⁵. Имелся в виду переход российских немцев из лютеранства и меннонитства в баптизм. Но это мало что объясняет в нашей проблеме. Немцев, во–первых, было не так уж много в России, да и далеко не все из них были вовлечены в обновленческий процесс внутри своих колоний; во–вторых, им, по российскому законодательству, было запрещено заниматься прозелитизмом, т.е. обращением в свою веру. Все они проходили по Департаменту духовных дел иностранного исповедания, и статья 4 «Устава духовных дел иностранного исповедания» устанавливала: ввиду того, что русский монарх «яко христианский Государь есть хранитель догматов и благочиния господствующей православной церкви, то право пропаганды своей религии принадлежит только

православию»¹. Была прописана и жесткая мера наказания за соращение в свою веру, а немцы были законопослушны.

Штундистское движение «возникло в первые пореформенные годы и не сводится к какому-нибудь одному виду сектантства»². Нередкой была следующая картина: «отпавший от православия простолюдин может одно лишь констатировать: что он отпал от православия и не ходит в церковь и что, читая Евангелие, ищет новых путей. Зная же, что всякого отпавшего и народ, и батюшка, проклиная во время проповеди в церкви, называют «штундистом», он на вопрос, к какой же он вере теперь принадлежит, наивно отвечает: «штундист», не подозревая даже, что кроется под этим наименованием, и лишь в редком случае он назовет себя евангелистом»³. Поэтому «очень часто бывает то, что обыкновенно называют баптистами, есть пашковство или даже молоканство; что называют штундизмом (термин крайне неопределенный и собственно ничего не говорящий), есть новоштундизм, т.е. противовес баптизму, а иногда толстовство в народе, иногда штундохлыстовщина, иногда просто «свободный рационализм»⁴.

Термин «свободный рационализм», на котором настаивал весьма компетентный специалист по сектантскому движению в России В. Д. Бонч-Бруевич, автору кажется наиболее приемлемым, хотя он будет мало употребляться в данной работе. Конечно, тот или иной отпавший от православия неизбежно примыкал к какой-нибудь религиозной фракции, потом мог переходить в другую, да и сами эти фракции были в стадии самоопределения, но поиск продолжался — кто может навести порядок в прорвавшемся потоке, увлекающем за собою всё? Автор снова подчеркивает, что объект его внимания — рационалистическое направление в новом религиозном проявлении, т. е. те ставшие неправославными христиане, которые без фанатизма, без крайнего мистицизма разумно определяли свою жизнь относительно своих семейных обязанностей, гражданского самосознания, поведения в обществе, где им приходилось жить.

Необходимо уточнить, что в книге речь пойдет не о конфессиях, а о *праве* как о совокупности устанавливаемых государством норм взаимоотношений. «...Когда в русской жизни окончательно будет изгнан произвол, и его заменит строгая законность, — тогда и в делах веры не будет применяться насилия; государство будет следить лишь за тем, чтобы никто не нарушал религиозной свободы, т.е. будет охранять все веры равно от чьих-либо насилий»⁵, — об этом говорили еще в начале нашего столетия.

Ни один пишущий не может не быть субъективным, если он не равнодушен к проблемам своего общества. Но субъективность и тенденциозность — разные понятия, и последнего автор хочет избежать. Пусть говорят исторические документы и факты.

Хорошо забытое старое

Автор имел возможность работать с фондами Архива бывшего Святейшего Синода и Правительствующего Сената. Рапорты, донесения, сообщения о положении на местах превратностями судьбы попадали в самые различные инстанции. Вернее всего их следовало бы искать в фонде 797 — Канцелярии обер-прокурора Св.Синода, — и мы их там находим. Но сведения о так называемых сектантах обнаруживаются и по другим ведомствам, например: в фонде 1284 — в Сенате, в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел; в фонде 1276 — в Департаменте духовных дел МВД; в фонде 1286 — в Департаменте полиции исполнительной; в фонде 821 — в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий.

Как видим, сектантами интересовались многие властные структуры. Добавим сюда

фонд 796 — Канцелярии Св. Синода, фонд 472 — Канцелярии Министерства Императорского Двора, фонд 1363 — Уголовного Кассационного Департамента, фонд 1261 — Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, фонд 733 — Департамента народного просвещения, фонд 802 — Учебного Комитета при Св. Синоде.

В период распространения нового христианского неправославного движения в России церковные и светские чиновники порой не знали даже, куда подавать сведения, в чьем ведении должны быть новые «дела». И, независимо от разрешения вопросов о сектантах, подача материалов шла по разным каналам: урядники, приставы направляли по полицейской линии, епархиальные благочинные — по своей, церковной. Кто-то рассуждал иначе — и подача шла как сугубо гражданское дело в Департамент общих дел. И уж совсем абсурдно то, что дела о русских гражданах шли в Департамент духовных дел иностранного исповедания. Но тут причина была в том, что русскому человеку разрешалось, по законодательству, быть только православным, а если он становился неправославным, то как бы и переставал быть русским — и «дело» о нем шло в указанный департамент.

То, что документы проходили через Департамент Министерства юстиции — фонд 1405 — не может вызывать удивления. Но зачем было рассылать различные предписания совещаний первоиерархов по вопросам о сектантах в Департамент общих дел Министерства государственного имущества — фонд 381 — это до сих пор непонятно. Сохранилось даже замечание, сделанное карандашом на очередном директивном письме, поступившем в это ведомство, — «это наверно не нам», хотя чиновники его зарегистрировали, пустили по дальнейшим инстанциям, о чем свидетельствуют поэтапные резолюции, сделанные разными почерками по всему листу.

Помимо архивных источников автор нашел обширный материал в Своде Законов Российской Империи, в императорских Манифестах и Указах, циркулярах и разъяснениях различных Ведомств, отпечатанных специально для служебного пользования; последние, несмотря на кажущуюся детальную регламентацию, весьма часто представляли собой явные противоречия основному Своду Законов. Да и в нем можно было видеть, при внимательном исследовании, очевидные несоответствия, которые мы покажем в дальнейшем.

Весьма ценным источником для данной книги являлся Фонд В. Д. Бонч-Бруевича, известного деятеля советского государства. Он собрал обширный материал по многочисленным сектам. Занимался он этим еще в конце прошлого столетия, и для него это не было какой-то служебной обязанностью. Бонч-Бруевич серьезно относился к данной проблематике, лично вел переписку со многими адресатами, кропотливо выбирал из каждодневной прессы информацию и клеивал вырезанные статьи в тетради, которые с аккуратностью датировал по годам. Автор обнаружил их в фондах Государственного музея истории религии (ГМИР), в Санкт-Петербурге.

Можно читать российские законы и всевозможные циркуляры самых разных ведомств — гражданских и духовных — и полагать, что религиозные законы и вся политика дооктябрьского периода не была в прямом смысле репрессивна по отношению к неправославным христианам. После цитирования некоторых бывших законов автору задавали недоверчивый вопрос: так, может, это были законы, всего лишь написанные на бумаге, а в повседневной практике о них просто забывали? Ответ на этот вопрос можно получить, если ознакомиться с материалами, попадавшими в местную прессу. Их так много, что можно составить целый сборник неопровержимых свидетельств того, как циркуляры воплощались в жизнь, а репрессивная машина работала без сбоев вплоть до Февральской революции. Отчасти они вошли в раздел «Приложение» данной книги.

И еще — письма. Это тяжелое дыхание загнанного, ошельмованного, осужденного, истязуемого неправославного христианина. Всю боль невозможно было передать в нескольких словах, нужно было выговориться, и письма писались пространные. Иногда описывались со всеми подробностями судебные мытарства и передвижение по ссылным этапам, иногда что-то проговаривалось наспех — не мог же муж, которого истязали его односельчане и родственники по причине его неправославия, подробно описывать, как

православные насильовали на его глазах беременную жену. И можно ли даже по письмам измерить ужас малолетних детей, когда их вырывали из рук родителей, уклонявшихся от православного причастия или крещения, и увозили неизвестно куда, в какой-нибудь монастырь? Но это — письма, живая плоть истерзанных людей. Это тоже из фондов ГМИРа.

Чиновники из полиции или из духовенства могли подавать — и подавали — факты в искаженном виде. Привлекаемого к суду простолюдина провоцировали признать себя штундистом, чтобы подвести его под карательное действие закона о штундистах.

«Нередко случается, что даже сектанты именуют себя «штундистами», но это вовсе еще не значит, что они на самом деле штундисты. Дело в том, что крестьянину, человеку темному в вопросах веры, который и о православии-то имеет слабые и весьма смутные представления, трудно определить, не имея уже ровно никакого представления о разномверии и делении на секты, к которой фракции он может себя причислить: к баптистам ли, молоканам, духоборам или иным каким, ибо о существовании этих сект он и не слышал никогда, не выходя далеко за пределы своего села»¹.

Оставлявший свою епархию благочинный мог значительно приуменьшать в своих рапортах силу влияния и количество новоявленных сектантов, чтобы начальство увидело многотрудное, но и нетщетное его рание. Принимающий же эту епархию предпочитал сгустить краски, чтобы то же начальство заранее видело его грядущие тяготы и, быть может, выделило бы дополнительные финансы для борьбы со «штундою».

Так что, извлекая эту архивную «руду» из пластов истории, не стоит считать ее безусловной ценностью, требуется тщательная ее обработка.

Перейдем к анализу литературы, которая была посвящена обозначенной нами проблеме. Историография по вопросу так называемого сектантства еще до 1917 года представлена множеством книг и брошюр, тема была весьма актуальной и болезненной, новое христианское движение не было каким-то внутрицерковным только вопросом — волны репрессий прокатывались по всем сословиям на всей территории Российской Империи.

Надо сказать, что большинство авторов, работы которых пришлось изучать, это представители духовенства; лишь некоторые имена принадлежат людям светским. Можно было бы посетовать на такую диспропорцию, но это оказалось даже и хорошо: можно сказать, что сведения мы получали как бы из первых рук — от православных церковнослужителей.

Неправославные христиане каких-либо серьезных книг не написали; не было, разумеется, и специальных исследований по дооктябрьскому периоду. Причина такого молчания проста: если уместна здесь поговорка, то им было «не до жиру, быть бы живу». Известный в так называемых сектантских кругах едва ли не единственный их адвокат И. П. Кушнеров, который по данным архивов «начал свое служение со времен яростных гонений (1894 г.), направленных против так называемых штундистов, когда всякое вступление в дело их защиты было преследуемо наравне со штундою и каралось если не ссылкой, то многими лишениями со стороны правительства и духовенства»², — так вот, Кушнеров мог бы написать пусть не научное исследование, но хотя бы хронику грамотного юриста. Но и он пострадал из-за своих христианских убеждений, вплоть до полученных увечий от собственного сына, считавшего, видимо, что таким образом он борется за чистоту православия.

Наиболее объективными, по мнению автора, были работы светских авторов, хотя их было немного. Все они православные, но не считали себя обязанными идти в фарватере официальной политики. Они не были сектантами и во многом могли быть с ними не согласны, но они отстаивали гражданскую справедливость и совесть свою не разменивали на конфессиональную принадлежность, хотя такая позиция им самим давалась нелегко из-за

1

2

психологического давления «агрессивного большинства». Они одни, к сожалению, поднимали вопрос о праве каждого человека на свободу совести.

Иеромонах Алексей (Дородницын), написавший книгу «Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды», — истый православный ортодокс. Но в своем правоверии он не впал в заблуждение, что новое религиозное движение на русской земле — это явление чуждое, обязательно привозное, искусственно насажденное извне. Однако быть до конца объективным Алексею мешало его нежелание, так сказать, потесниться, чтобы дать место этим инославным христианам. Пристрастность для научности губительна, и иеромонах высказывается весьма жестко:

«Штундисты — говорим без преувеличения — своими отношениями к святыне православной церкви скорее напоминают банды тех изуверов-крестьян из эпохи религиозных войн на западе...»¹.

Не пристало епископу заниматься клеветой: нет никаких сведений — ни в архивах, ни в специальных работах, ни в журналистике — об изуверстве штундистов. Не пришлось встретить в своих долговременных исследованиях хотя бы какую-нибудь жалобу благочинного, что бывшие его прихожане, уклонившись от православия, били стекла в церкви, рвали священнические книги, насильно кого-нибудь крестили по своим обрядам, устраивали погромы во время похорон, не давая хоронить на общем кладбище, публично пороли на сходе несогласных с собой, грудных детей отнимали от матерей, не давая им их кормить, — но вот подобных действий православных столько, что впору писать отдельную книгу той трагической хроники.

Изуверские религиозные проявления были — у скопцов, например, но, во-первых, оскотление они совершали над самими собой, а во-вторых, они не рассматриваются в нашем исследовании, потому что не являются представителями христианского рационализма, так что иеромонах Алексей их не имел в виду, говоря о штундистах.

Тон священника А. Ушинского, написавшего работу «О причинах появления рационалистического учения штунды», более спокойный. Предпочитая доверять своим глазам, он много ездит по украинским селам, по немецким колониям, беседует с людьми простыми и немецкими пасторами. Он корректен в своих обобщениях; не навязывая своего мнения, он все же показывает, что русская штунда обязана немцам только своим названием да в некоторой степени, если не впадать в преувеличение, евангельскому наставлению пасторов.

Вот актовая академическая речь священника Ф. Титова «О современном состоянии русского сектантства». Судя по названию его доклада, его не упрекнуть в снисходительности к сектантам. Дело доходит даже до казуса: будучи хорошо осведомленным о решениях и предписаниях предшествующих трех миссионерских съездов, рекомендовавших усилить репрессивные меры против уклонившихся от православия, Ф. Титов уверяет, что эти «ограничительные меры не насильственные, ибо вызваны необходимостью, вызваны самими теми, по отношению к кому они изданы»². Если бы Гоголь в свое время не написал про унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекала, то приведенная выше фраза была бы оригинальна и воспринималась бы как черный юмор. Впрочем, священник Титов не собирался смеяться; его речь была соискательской, и он надеялся получить ученую степень.

Как бы там ни было, нельзя не воздать должное его смелости, когда он позволил себе так высказаться о причинах сектантства:

«Итак, вот, по нашему мнению, первая и славнейшая причина происхождения русского сектантства: отсутствие точных, правильных, ясных понятий и познаний о своей вере у русских людей (у православных. — А.Б.), у которых пробуждалось и пробуждается желание отдать себе отчет в том, во что он

верует, истинна ли вера его, и каким путем можно достичь спасения? Незнание основных истин христианско-православной веры, неподготовленность русского человека к суждению о предметах веры, вместе с отсутствием надежных руководителей в этом отношении, лежит в основании большинства сектантских движений русского народа в качестве главной положительной причины»¹.

Не желая того, священник Титов дает повод для крамольных размышлений, что же у нас на Руси было к концу XIX века: все еще продолжающееся язычество или претензии на христианство? — «Потребовалось бы много времени для того, чтобы выяснить исторические обстоятельства и условия, благодаря которым русский народ в простой своей массе долго после принятия христианства оставался, а в некоторых местах даже и теперь еще остается без точного, правильного и ясного знания своей веры. Но это — несомненная, хотя и прискорбная истина»². Речь священника была издана отдельной книжкой.

Священник А. Введенский приводит в своей небольшой книжке «Виновато ли духовенство в происхождении и развитии русского сектантства?» донесение прокурора Одесской судебной Палаты вице-директору Департамента Министерства юстиции:

«Можно смело сказать, что ответственность за существование у нас столь многочисленных ересей и расколов должна быть всецело отнесена к равнодушию представителей православного духовенства в исполнении самой существенной их обязанности — быть проповедниками основ христианской веры, а не простым совершителем богослужения по обрядам Православной Церкви»³.

Еще донесение: исправник Александрийского уезда — Херсонскому губернатору:

«Даже поверхностный взгляд достаточно убеждает, что неудовлетворительное нравственное состояние сельского духовенства, своей жизнью подающего народу пример разлагаемости, толкает население в штундизм... Безобразная жизнь, оргии, вымогательства за требы, неумение вести себя в крестьянской среде согласно своему сану... — вот причины, по которым народ льнет к учению штундизма»⁴.

Правда, отвлекаясь и забывая то, что сам же цитировал, А. Введенский считает, что во всех пороках виновата интеллигенция:

«И в самом деле, кто заменит собою духовенство в деле духовного руководства народом? — Просвещенные классы общества, т.е. помещики, чиновники и вообще так называемый интеллигентный класс. Теперь спросим, что внесла интеллигенция в жизнь православного русского народа? Ответ ясен: индифферентизм в области веры»⁵.

Преосвященный Амвросий, архиепископ Харьковский, выступая на собрании Санкт-Петербургского братства Пресвятой Богородицы, умилялся религиозному народному невежеству:

«Его (народа. — А.Б.) образование имело характер церковности, заимствованной от греческой церкви. Он учился по книгам Св. Писания, по тяжелым славянским переводам греческих отеческих творений и не менее тяжелым произведениям отечественной письменности. За немногим исключением, он не усвоил, как должно, высокого учения своей церкви, но крепко устоялся в

церковной практике»¹.

Архипастырю отрадно сознавать, что невежественный в вере народ знает обряды. Но преосвященный признает, что так называемое сектантство — удел не только темных, необразованных народных масс. Для докладчика сектантское зло — оно и в образованном обществе зло. Разумеется, архиепископ знает, как его искоренить:

«Для прекращения этого зла нужно нашему просвещенному обществу прежде всего отрешиться от двух ложных понятий — о свободе совести и всепрощающей любви»².

Среди писавших в то время о сектантстве были и миссионеры (разумеется, православные). Здесь инакомыслие в вопросах христианской веры не допускалось. Собственно, в ряды миссионеров и шли наиболее рьяные ортодоксы вроде известных В. Скворцова, И. Айвазова, Л. Кунцевича. Последний, пожалуй, выразил общую точку зрения своих соратников, призывая на миссионерском съезде в г. Воронеже в 1913 г., чтобы «секты не были *терпимы* государством (курсив мой. — А.Б.), что «долг правительства — бороться с сектантством»³. Обратим внимание на дату. Как увидим позднее, даже после всех манифестов и деклараций о даровании свобод и о веротерпимости нетерпимость была не только в призывах.

Совершенно неожиданно встретилось лишь однажды благосклонное отношение к так называемым сектантам. Священник–миссионер М. Чельцов слушал какой–то доклад, где коренной причиной русского сектантства считались темнота и невежество народа. Этот миссионер возразил:

«Не темнота влечет христиан в секты, а склонность к религиозному критицизму и, следовательно, относительная просвещенность. С другой стороны, не порочность, не нравственная дряблость, а искание людьми Христовой правды и жизни...»⁴.

Как мы сказали ранее, православных авторов, писавших на тему о сектантстве, было много. Общий их лейтмотив — это заведомое отвержение сектантов, причем всех без исключения: крайне мистических, изуверских или рационально–демократических. Всё, что не есть православие по своей форме, должно быть искоренено. Хотя в рассуждениях о причинах возникновения нового религиозного явления некоторые авторы позволяли себе критические интонации по отношению к Церкви, служителями которой они были сами.

Теперь обратимся к авторам светским. В. И. Ясевич–Бородаевская, юрист по образованию, написала весьма серьезную книгу «Борьба за веру». Она прослеживает историю сектантства в свете законодательства, отмечая, что это законодательство фактически не давало сектантам права на существование. Она не беспристрастный исследователь: подробные извлечения из соответствующего закона или указа она сопровождает сообщениями и личными свидетельствами, показывая, к какому дикому произволу приводит религиозная нетерпимость, осененная санкциями законов. Вдаваясь иногда в богословские рассуждения, она не всегда права, но зато четко видна ее благородная гражданская позиция: она понимает, где должно говорить языком права. В разделах, касающихся религиозного законодательства, мы не раз будем обращаться к ее компетентному мнению.

Публицист А. С. Пругавин, написавший ряд работ, в частности «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством», «Религиозные отщепенцы», «Значение сектантства в

русской народной жизни», «О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства», «Вне закона», подходит к изучаемой проблеме с разных сторон. Его интересуют правовые, экономические, бытовые аспекты бурного развития нового христианского движения. Он показывает, как русский простолюдин, экономически закрепощенный, искал выхода из своей вечной нужды и порою находил его весьма своеобразно. Если крестьянин видел, что все культовые потребности (крестины, бракосочетания, погребения) можно у штундистов совершать без денег, то он, естественно, мог перейти к ним — и как осудить такого человека?

Как публицист, он уделял много внимания правовому аспекту религиозного диалога в России, говоря об этом не без горечи:

«Известно, что архивы святейшего Синода, духовных консисторий и многих наших монастырей содержат в себе огромное количество материалов, как по истории раскола и сектантства, так и об его современном состоянии, но, к сожалению, все эти в высшей степени драгоценные материалы совершенно недоступны для ученого исследователя. Проникнуть светскому человеку, да отчасти и духовному ученому в архив святейшего Синода или духовной консистории столь же трудно, как верблюду пройти сквозь игольное ушко... Тайна, глубокая тайна ревниво скрывает от общества, от народа, от науки все эти богатейшие сокровища, которые могли бы пролить яркий свет на многие стороны религиозной и духовной жизни русского народа, до сих пор очень мало выясненные. Самые отчаянные конспираторы и заговорщики могут позавидовать той таинственности, которой удалось нашим духовным властям окружить свои архивы»¹.

Статьи, посвященные вопросу о русском сектантстве, вырезаются из журналов. Книги, трактующие этот вопрос, задерживаются цензурой и сжигаются или уничтожаются иным способом. Так, в 80-х годах были задержаны и сожжены следующие книги: «Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства», «Отщепенцы: старо-веры и ново-веры. Очерки религиозно-бытовых движений русского народа», «В поисках за правдой» и т.д.

Конечно, при некотором желании и в этих фактах можно усмотреть известный прогресс. В самом деле: прежде жгли самих раскольников и сектантов, теперь же жгут только книги о сектантах².

Профессор П. Милоков предпочитает давать оценку новому явлению с этически-философских позиций, утверждая, что это явление есть часть, продолжение общерусской культуры: «...процесс религиозного развития состоял в постоянной спиритуализации религии, в постепенном превращении религии обряда в религию души»³. И здесь не откажешь профессору в проницательности: он верно увидел тенденцию ухода от «выстаивания» служб к личной сакрализации христианства.

Журналисту С. Мельгунову принадлежит небольшая основанная на фактах работа «Свобода веры в России». Его перо остро, и возражать ему трудно, когда он пишет о том, что православие освящало всякое насилие:

«Евангелие, порицавшее несправедливость и насилие в жизни, угнетение обездоленных и оскорбление слабых, учило о равенстве богатых и бедных, оно проповедовало свободу, а, между тем, церковь, вопреки христианскому учению, стала горячей и неуклонной защитницей существующего порядка — она оправдывала все происходившие насилия, к ним нередко она сама побуждала»⁴.

И далее:

«А между тем, эту свободу проповедует то самое Евангелие, которое должны духовные пастыря разъяснять непонимающему народу. Народ скорее понял сам. Народ не хотел терпеть крепостного права, а русское духовенство никогда не восставало против него, считая, очевидно, что рабское подчинение одних людей другим соответствует евангельскому учению»¹.

И еще:

«Святейший Правительствующий Синод пятьдесят лет назад (в 1857 г. — А.Б.), накануне освобождения крестьян от крепостной зависимости в своих указах запрещал духовным пастырям говорить с амвона и даже частным путем «крестьянину, что он такой же человек, как и помещик, его брат во Христе, созданный по тому же образу Божию», запрещал пастырям заступничество за «мужика» в случае даже крайней бесчеловечности помещиков»².

Последняя цитата напомнила работу некоего А. А. Соколова под названием «Отношение церковной власти к свободе совести и слова в XX веке», где автор вспоминает, как «один священник Владимирской епархии (Лавровский) был сослан в Соловецкую тюрьму просто «по подозрению» в подбрасывании листовок-прокламаций, где порицалось крепостное право»³. Про монастыри-тюрьмы еще придется говорить, хотя кто-то возразит, что это — крайности, не всех же туда сажали. Пусть так, но вот этот же автор, рассуждая о свободе совести, имеет в виду прежде всего религиозную совесть:

«Свобода слова и совести рисовалась воображению разных клерикалов, не в меру ретивых в своей религии, чем-то весьма опасным и для них самих, и для церкви, и для общества. Постоянное ожидание от такой свободы ужасной пагубы для всей церковно-общественной жизни заставляло ригористов-церковников повсюду ставить ей преграды, тормозить ее поступательное движение вперед, глушить и давить ее везде, где это было возможно, и всеми средствами, какими можно было располагать той или другой группе их. Забыв, что живая вера и по самой природе своей свободное слово не могут быть уничтожены никаким насилием и гнетом, они прибегали ко всякому насилию и гнету... И суд, и насилие над совестью людей представителями Церкви освящались религиозной идеей — служение Господу: убиением человеческой личности «мнили службу приносить Богу», как будто бы Ему могут быть угодны «над вольной мыслью человека насилие и гнет». Санкционировав же принцип стеснения и нетерпимости к иноверию и иномыслию, в выборе средств для достижения своей инквизиторской цели духовные власти уже нисколько не стеснялись. И вот — запрещения, проклятия, послания, письма, тюрьмы — все это служило орудием борцам за веру и нравственность против нынешней крамолы — свободы совести и слова»⁴.

Как представляется, наиболее всестороннее и объективное изучение многоликого так называемого сектантства провел В. Д. Бонч-Бруевич. Обширный материал, куда входят его собственные исследования, архивные данные и современная ему информация, лег в основу фондов созданного им же в г. Ленинграде Музея истории религии и атеизма (сейчас в названии последнее слово отсутствует). Памятуя, что впоследствии истории как науке навязывалась казенная философия и методология, нельзя не признать вклад Бонч-Бруевича особенно ценным.

В довольно неблагоприятной обстановке Бонч-Бруевичу все же удалось собрать обширный материал по сектантству (и по старообрядчеству). Чего стоят только его «Звенья»

по малеванцам, молоканам, ильинцам, бегунам, пашковцам, штундистам (при всей условности этого названия), прыгунам, шалапутам, баптистам, евангелистам, иоаннитам, «новому Израилю», духовборам, толстовцам — одно перечисление заняло бы страницу. И этот девятитомник автор по скромности назвал лишь сборником.

В своем научном исследовании Владимир Дмитриевич занимает нейтральную позицию. Разумеется, он прежде всего изучает историю возникновения того или другого рассматриваемого явления. Ценно и его понимание причин их возникновения; для него они кроются в желании народа удовлетворить свои духовные потребности где-то на иных пажитях, если традиционно-исторические не отвечали таковым ни по сути, ни по содержанию. Конечно, автор видит причины и в экономических условиях жизни, в социальной незащищенности, в неразумной государственной религиозной политике. Бонч-Бруевич, зная многих так называемых сектантов лично, вел с ними переписку и выступал иногда как публицист. Допуская вполне возможную религиозную опалу, Бонч-Бруевич все же писал:

«Кто же является главным инициатором, главным возбудителем всех этих противозаконных действий и несправедливостей? Мы решительно утверждаем, что все это дело — дело рук духовенства православной церкви, особенно гг. миссионеров. Мы утверждаем, что светская власть, как в лице представителей министерства внутренних дел — местных и центральных, так и в лице представителей министерства юстиции находятся в этом вопросе совершенно в руках духовных властей»¹.

Находясь на позициях своей партии, он полагал, что «сектантский «закон Бога», его предписания и реализация есть ничто иное как социально-политические требования сектантов, еще не осознанные ими как таковые и облеченные народной мыслью в религиозные формы»². Пусть так; мы понимаем такой подход: по марксизму бытие всегда определяло сознание, но никогда наоборот. Сейчас речь идет не об идеологической интерпретации данного явления; нам важно свидетельство ученого и его квалифицированная оценка.

Чтобы закончить анализ исследований по вопросу сектантского движения в России конца XIX — начала XX века, скажем еще о двух авторах советской школы. А. И. Клибанов, написавший «Историю религиозного сектантства в России» и «Религиозное сектантство в прошлом и настоящем», продолжает традицию марксистско-ленинской методологии. Он настойчиво внушает, что сектантские общины с начала своего возникновения имели основу вовсе не богоискательскую, не религиозную. На примере некоторых общин, вроде тифлисской, он, неправомерно обобщая, утверждает, что все это затевалось лишь купцами и ростовщиками в их интересах. Мы не собираемся идеализировать имевшуюся ситуацию: имущественное расслоение было явным, и даже были конфликты на этой почве. Клибанов выдает мнение овцеводов-миллионеров братьев Мазаевых за мнение всей общины только на том основании, что оба они — члены этой общины. У Клибанова и И. С. Проханов, лидер евангельских христиан, подписавший телеграмму, полную благожелательных заверений в адрес царя, оказывается выразителем мнения, обязательного для всех своих единоверцев.

Л. И. Емелях в своей работе «Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции», в отличие от предыдущего автора, приводит цифры дореволюционных статистических данных, а цифрам, как известно, возражать трудно.

«В 1905 году духовным лицам принадлежало 300 тысяч десятин, тогда как в 1877 году в их руках находилось 200 тысяч десятин; следовательно, земельные владения духовенства увеличились в 1905 году на 100 тысяч десятин, т.е. в 1,74

раза»¹.

«По сравнению с 1890 годом монастырские владения в одной только Европейской России увеличились на 28897 десятин... Даже после отмены крепостного права хозяйства монастырских имений сохранили сильные традиции крепостничества. Обещая «вечное спасение души» за работу на обитель, монахи набирали женщин бесплатно обрабатывать землю. Летние работы на монастырской земле, в садах, на огородах, на сенокосе исполнялись часто даром, ради «святых чудотворцев» или «святителей»².

Если даже вынести «за скобки» трудовую эксплуатацию, — в конце концов, люди и поныне в религиозном послушании готовы жертвовать многим, не только личным трудом, — то все равно остается вечно больной для России вопрос о земле. Недаром же в архивных описях мы и сейчас читаем о многочисленных самовольных запашках церковных и монастырских земельных угодий. Можно было бы много внимания уделить подобным цифрам, но наш разговор о другом. Во всяком случае, помня о тенденциозности работ Емелях, нельзя не согласиться, что эпизоды, которые она приводит, — это непридуманные бытовые картинки той жизни: «...Барское поле. До сотни работающих крестьян. В ближайшем селе ударили к вечерне. «Слышь, слышь, ребята! Отец Иван деньгу-то кует! Ишь, выковывает, ишь выковывает» (из свидетельства свящ. М. Левикова)³. Или — свящ. В. Рюминский: «Ты дай мне двугривенный — тогда я похороню твоего ребенка, а не хочешь — он будет гнить в жаркое лето...». «Бывают случаи, когда из-за невозможности заплатить за право освящения любви христианским обрядом люди живут в браке невенчанными, и родящиеся дети записываются незаконнорожденными»⁴.

О так называемом сектантстве есть еще одна книжка — «Политическая роль сектантства» Ф. Путинцева, но ее нельзя даже с натяжкой назвать исследованием. Здесь все заведомо спекулятивно, отдает идеологическим отрицанием в духе «союза воинствующих безбожников». Это и понятно: издано в 1929 г.; большевики, еще вчера искавшие себе союзников среди сектантов, теперь готовы были их всячески шельмовать за то, что последние ни идеологически, ни тактически не пошли с ними. Да, протест был, да, лозунги в чем-то были схожими, да и всевозможные тяготы тоже. Но не более того.

Итак, мы сделали обзор и анализ работ, написанных по поводу так называемого сектантства. У них есть свои достоинства и недостатки. До октября 1917 г. исследования на эту тему выходили по преимуществу из-под пера священства Русской Православной Церкви — и конечно, превалировал тон осуждения и запретительства. После, точнее, со второй половины 20-х годов, шла откровенная борьба против всех форм религии и веры.

Есть и еще один вопрос: что думали о религиозной ситуации в России наши писатели, столь почитаемые еще и за то, что в своих произведениях они очень много внимания уделили духовным поискам? Специалистами по христианскому инаковерию они себя не считали, потому об этом ни повестей, ни романов не написали. Тем не менее свои суждения они имели. Вот что писал редактор журнала «Русский Вестник» М. Н. Катков:

«Нельзя без грусти видеть, как в русской мысли постепенно усиливается равнодушие к интересам религии. Это — следствие тех преград, которыми хотят настоятельно отделять высшие интересы от живой мысли и живого слова образованного русского общества. Вот почему в литературе нашей замечается совершенно отсутствие религиозного направления. Где возможно повторять только казенные и стереотипные фразы, там теряется доверие к религиозному чувству, там всякий поневоле совестится выражать его, и русский писатель никогда не посмеет говорить публике тоном такого религиозного убеждения, каким могут говорить писатели других стран, где нет специальной духовной цензуры. Эта

насильственная недоступность, в которую поставлены у нас все интересы религии и Церкви, есть главная причина того бесплодия, которым поражена русская мысль и все наше образование; она же, с другой стороны, есть корень многих печальных явлений в нашей внешней церковной организации и жалкого положения большей части нашего духовенства. Неужели нам суждено всегда обманывать себя и хитросплетенной ложью пышных официальных фраз убаюкивать нашу совесть и заглушать голос вопиющий потребностей? В таком великом деле мы не должны ограничивать горизонт наш настоящим поколением и с грустью должны сознаться, что будущность нашего отечества не обещает добра, если продлится эта система отчуждения мысли, этот ревнивый и недоброжелательный контроль над нею...»¹.

Мы, конечно, несогласны с тем, что в конце XIX столетия (цитата датирована 1901 годом) усилилось равнодушие к религиозным вопросам. Катков, разумеется, знал больше о своем времени, чем мы, потому так и сказал. Когда требовалось писать только «казенные и стереотипные» произведения, то подлинная гражданская совесть предпочитала лучше молчать, чем осквернять себя ложью. К тому же зачем писать, если нельзя издать?

И. С. Тургенева справедливо считают светским писателем. Тем не менее мы обнаруживаем у него пристальный интерес и симпатию к своеобразной религиозности русского народа. Чего стоит его «Касьян из Красивой Мечи»! Касьян — типичный бегун. Существовала такая секта бегунов, по философии и психологии она напоминала русское странничество. Вот и крестьяне Некрасова из «Кому на Руси жить хорошо?» ходят от селения к селению в поисках своеобразно понимаемой ими правды. Вообще на Руси «правда» всегда понималась как прежде всего «справедливость». Простые люди хотели некоей правды и ради нее они жертвовали многим. Уходили в бегуны, в странничество, как Касьян, и в этом была религиозная жажда. «И не я один, грешный..., много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут... да»².

Литературовед Н. Л. Бродский в работе «И. С. Тургенев и русские сектанты» сделал оригинальное наблюдение: писатель своей нескрываемой симпатией к подобным «странным» людям обнаружил свое сходство с ними. Ведь он тоже видел «неправду», окружавшую его в России, и тоже бежал от этой «неправды». Он тоже был своего рода странник, но барин-западник, искал «правду» все равно в России.

Его Софья из «Странной истории» хочет найти путь к Богу через «послушание» своему наставнику Василию, хлыстовцу. В этом же ряду и Евлампия Харлова из «Степного короля Лира» — хлыстовка, «богородица».

Н. С. Лесков, уж точно христианский писатель, обер-прокурора Победоносцева называл устно и в письмах не иначе как Лампадоносцевым. В этом сарказме немало личной горечи Лескова — «Лампадоносцев» доходил до абсурда, вымарывая совершенно безобидные части того или иного произведения. Почитаем его письма:

«Родину—то ведь любил, желал ее видеть ближе к добру, к свету познания и к правде, — а вместо того — либо поганое нигилистничество, либо пошлое пачение назад, «домой», т.е. в допетровскую дурость и кривду»³.

Ценная, надо сказать, оценка периода «древнего благочестия», порушенного Петром I. О Льве Толстом:

«...точку он видит верную: христианство есть учение жизненное, а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью... У нас византизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством... На церковность не для чего злиться, но хлопотать надо не о ней. Ее время прошло и

никогда более не возвратится, между тем как цели христианства вечны»⁴.

По поводу молебна по Пушкину (пятьдесят лет после смерти):

«...я могу не идти не только на обеденное бахвальство по Пушкине, но и на молитвенную комедию о нем со стороны людей, допускающих религию только «как стимул политического объединения»².

Поясним: принадлежность православию была признаком политической благонадежности.

О Вере:

«Вы даже не вникаете в сущность веры, а защищаете православие, которого не содержит и которого умный и искренний человек содержать не может. Я не хитрю: я почитаю христианство как учение и знаю, что в нем спасение жизни, — а все остальное мне не нужно»³.

Об искусственном возбуждении религиозности:

«И ныне царь закупает иконы у Постникова и их развешивает в церкви Аничкова дворца и дивуется: что это такое и откуда сочинено! Веры же во всей ее церковной пошлости я не хочу ни утверждать, ни разрушать. О разрушении ее хорошо заботятся архиереи и попы с дяками. Они ее и ухлопают»⁴.

«...Без Веры жить нельзя, и верить в пошлости тоже нельзя. Очеловечить евангельское учение — эта задача самая благородная и вполне своевременная. «Не по душе» она только «торгующим благодатью»⁵.

«Приходил благоприятель, нюхающийся с монахами, и сообщил, что старший из духовных цензоров был на днях у Лампадоносцева, и тот не утерпел и спросил его в разговоре: «Не является ли к Вам Лесков?» Монах испугался и стал уверять, что он со мною «не знаком». — «Я спрашиваю, не приходил ли он просить о... своих сочинениях?» — «Нет, — отвечал монах, — да мы ничего и не можем сделать, потому что все запретили по определению» (циркулярно. — А.Б.). — «Ну, конечно», — отвечал Пбц (Победоносцев. — А.Б.)»⁶.

«Повесть свою буду держать в столе. Ее, по нынешним временам, верно никто печатать не станет. Там везде сквозит кронштадтский «Иван Ильич» (Иоанн Кронштадтский, причисленный к лику святых. — А.Б.). Он один и творит чудеса. На сих днях он исцелил мою знакомую, молодую даму Жукову, и живущего надо мною попа: оба умерли, и он их не хоронил»⁷.

Убийственно о состоянии исторической русской Церкви сказал Ф.М. Достоевский. Мы даже не имеем в виду его замечательные слова о том, что православная Церковь находится в духовном параличе. Мы обращаем внимание на «Легенду о Великом инквизиторе». Приходится недоумевать, почему Достоевского не отлучили от Церкви, как это сделали с Л.Толстым. Видимо, причина здесь в том, что Толстой критиковал православие напрямую, а Достоевский мысль свою завуалировал; но зато сказал то, что не посмел сказать и Толстой. Писатель переносит нас в XVI век, в католическую Севилью, но разговор Ивана и Алеши Карамазовых происходит в *русском* трактире, и спор ведут *русские* мальчики. Ведь то, что

Великий инквизитор считал столпами Церкви — «чудо, тайна и авторитет», — в точности сходится с принципами православия. «Чудеса» (имеются в виду не евангельские), таинства и непрерываемость авторитета Соборов в их Определениях или авторитета здравствующего иерарха, так же не подлежащего никакому сомнению, — вот за счет чего «исправлен» подвиг Христа. И инквизитор не может сдержаться в своем признании перед Христом:

«И я ли скрою от Тебя тайну нашу? Может быть, Ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с Тобой, а с *ним* (курсив Ф.Д. — А.Б.), вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобой, а с *ним*».

Думается, авторитет Достоевского был и остается настолько мощным, что до сих пор не хватало духу говорить об этом аспекте «великого печальника земли русской». Как бы там ни было, братья Карамазовы ведут спор вовсе не о католицизме, а о русских болях, и это «исправление» подвига Христа мучило применительно к родной земле «русских мальчиков». Примечательна концовка этого жаркого спора в трактире. У Достоевского продумано каждое слово, и если он здесь что-то проговаривает как бы вскользь, то это обращение к читателю делать выводы самому.

«— Да стой, стой, — смеялся Иван, — как ты разгорячился. Фантазия говоришь ты, пусть! Конечно, фантазия. Но позволь, однако: неужели ты в самом деле думаешь, что все это католическое движение последних веков есть и в самом деле одно лишь желание власти для одних только грязных благ? Уж не отец ли Паисий так тебя учит?

— Нет, нет, напротив, отец Паисий говорил однажды что-то вроде даже твоего... но, конечно, не то, совсем не то, — спохватился вдруг Алеша.

— Драгоценное, однако же, сведение, несмотря на твое: «совсем не то». Я именно спрашиваю тебя, почему твои иезуиты и инквизиторы совокупились для одних только материальных скверных благ?..»

Надо ли доказывать очевидное: Достоевский печалился не о католическом мире, а о своем, православном.

Новоявленные национал-патриоты утверждают, что русские писатели были подлинными детьми родной матери-церкви и в помыслах не имели ничего негативного. Как видно из приведенных немногочисленных цитат, наши писатели видели проблемы официальной Церкви, но в произведениях своих не всегда могли сказать то, что хотели. Если же и пытались это сделать, то прибегали к иносказаниям. Или же — чаще всего — молчали, что уж, конечно, лучше, чем фальшь.

О «древлем благочестии»

Да не подумает читатель, что книга эта — эмоциональный памфлет. Мы предоставим в ней место голосам былого, историческому материалу. Мы увидим, что слово «инквизиция» звучало тогда из самых разных уст, и хорошо, что не мы первые его произнесли, дабы не быть обвиненными в клевете. Надежнее было бы обо всем нижеследующем промолчать, но кровь и слезы прадедов не для того лились по русской земле, чтобы и до сегодняшнего дня молчать о том, что представляла собой государственная религия.

Отмена крепостного права повлекла за собой изменения в самых различных слоях российского общества. Не оставалась неизменной и жизнь православной Церкви, хотя это была твердыня, сцементированная канонами, вековыми традициями и жесткой иерархической подчиненностью. Если говорить о кризисе в социально-политической области, о брожении умов в многомиллионной народной массе, то невозможно не обратить внимание на состояние православной Церкви, ибо люди, занимались ли они ремеслом, торговлей или сельскохозяйственным трудом, политикой или искусствами, — все они

находились прежде всего в лоне православной Церкви, а если кто и не входил в ее паству, все равно так или иначе был от нее в зависимости.

Конечно, первенствующим фактором являлось освобождение крестьян от крепостного права (точнее — бесправия). Почему—то в наше время не считается уместным говорить, что рабство это из века в век освящалось и поддерживалось правящей Церковью, и к стыду ее — освобождение крестьян подготавливалось многолетним набатом призыва к совести людей не из священства. На тему крестьянской реформы 1861 г. было написано много, и можно лишь повторить слова поэта: «народ освобожден, но счастлив ли народ?». Рабы, выпущенные на волю без земли, обреченные искать заработок, где придется, без социальной поддержки...

Вторым и не менее важным фактором следует назвать духовное обнищание. Что бы ни твердили нынешние неославянофилы о «святой Руси», какую духовность можно было ожидать от рабов? Отрадно сознавать, что на эту тему уже можно писать и в научных работах совершенно открыто, — ведь то, что ранее называлось «надстройкой», теперь вполне обоснованно именуют национальной идеей, духовными чаяниями. Причем признано — по крайней мере формально, — что неудовлетворение этих чаяний при накоплении критической массы может привести к социальным катаклизмам. Так вот, в пореформенный период духовное обнищание требовало компенсации. «Пробуждение самосознания этой массы, начало ее умственной жизни неминуемо связывается с коренной переоценкой всех утвердившихся в ней понятий и, конечно, прежде всего с проверкой ранее бессознательно воспринятых религиозных тезисов»¹.

Данная глава — о христианском состоянии России в конце XIX столетия и вплоть до 1917 г. Сознательно не говорим «о религиозном состоянии», потому что и политические процессы могут в основе своей иметь своеобразную религиозность, по философскому выводу Н. Бердяева. Делаем акцент на «христианстве» еще и потому, что при нынешней мифологизации прошлого России утверждается как аксиома, что христианство было, что оно процветало, но это процветание было поругано воинствующим безбожием.

Просмотрим для начала официальные сведения по данному вопросу.

Мы имеем в виду Всеподданнейшие Отчеты обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева по ведомству православного исповедания, которые адресовались прежде всего государю императору. Разумеется, мы должны понимать, что они тщательно обработаны, и, как ни странно, этот фактор служит на пользу объективности нашего изложения. Отчеты выходили одним солидным томом каждый год. Мы просмотрим годы начиная с 1884 и кончая 1905—м — это полный срок правления К.П. Победоносцева, которого из-за его влияния называли «вице-императором».

Государю и всем имеющим возможность читать эти Отчеты полезно было знать, в каком составе на данный год пребывал сам Св. Синод, как успешно расширяли свою деятельность православные миссии на окраинах Российской империи среди подданных царя, еще пребывающих в неправославии: язычестве, буддизме, мусульманстве и т.д.; были и внутрицерковные миссии по возвращению «заблудших чад» в лоно православия; много уделялось внимания всякого рода сметам и различным статистическим данным. Но больше всего, разумеется, Канцелярия обер-прокурора должна была показать благополучие духовно-нравственного состояния россиян «по ведомству православного исповедания». Строились церкви и часовни, открывались новые мощи святых и являлись чудесным образом новые иконы. Предоставим слово самим Отчетам.

1884 год

«Епархиальным начальствам той же (Херсонской. — А.Б.) епархии предложены через благочинных к исполнению меры для предупреждения случаев воровства в церквях. Распоряжение это опубликовано в местных епархиальных

ведомостях и заслуживает общего внимания со стороны духовенства для предупреждения весьма часто повторяющихся в последнее время случаев воровства из городских и сельских церквей»¹.

Воровство всегда считалось грехом. Но красть из церкви — грех вдвойне, святотатство. Синоду о мимолетных эпизодах в каких-то отдельных случаях писать не было смысла — значит, воровство из церквей было довольно распространенным явлением. Мы не склонны преувеличивать и не думаем, что это имело характер эпидемии, но если в отчете государю говорится о «весьма часто повторяющихся в последнее время случаях воровства» из церквей, это обращает на себя внимание. Воровали из церквей, разумеется, свои же, православные.

Ниже читаем весьма обнадеживающие слова о нравственности среди россиян:

«С утешительною надеждою можно сказать, что святая православная церковь как имела от начала, так и доныне сохраняет могущество нравственной власти посреди русского народа...»².

Можно было бы проникнуться «утешительною надеждою», но — такая досада — ложка дегтя портит всю бочку меда: «Но за этими светлыми сторонами народной нравственности есть и темные. В большинстве народа упорно держится склонность к спиртным напиткам, которые вредят ему и в нравственном и в материальном отношении, и против которой оказываются малосильными наставления и увещания»³. —

Опять речь идет не о каких-то отдельных случаях, а о «большинстве народа», и следом вполне логичное признание, что на нравственность и на достаток в доме это влияло пагубно.

Правда, тут же нашлись и виновные в этой пагубе — евреи, торгующие спиртным. А русских трактирщиков вроде как бы и не было. Да и не спрос ли определял предложение во все времена? Здесь уместно вспомнить фрагмент из доклада известного юриста, члена Государственного Совета, сенатора А. Ф. Кони:

«Достаточно припомнить следующие цифры. Из 83 000 000 ведер водки, потребленной в 1907 году, 41 000 000 выпито посредством маленьких порций, так называемых «мерзавчиков», посредством «сороковок и соток». А. Ф. Кони подчеркивает в своем весьма пространным на эту тему выступлении, что 26 000 000 ведер водки потреблено емкостью одной двадцатой части ведра, следовательно, почти вся масса водки «вливается в народ маленькими порциями, т.е. такими, которые толкают на повторение, такими, которые можно выпить находу, такими, которые не требуют пребывания где-нибудь в определенной месте (в смысле специальном, распивочном. — А.Б.), выпивают без всякого корректива пищи»⁴.

Борьба за потребителя уже тогда находила утонченные формы, и в этой борьбе национальностей не существует. Заканчивается отчет не очень оптимистично: «Целые селения, отвыкая от посещения богослужений..., охладевают к вере и церкви»⁵. Приходит унылая мысль о том, что «могущества нравственной власти» как бы и не было.

1885 год

«Преосвященный Смоленский пишет, что при обозрении церквей ему доводилось наблюдать такие случаи, что крестьяне, встречая его с домашними своими иконами, не могли сказать, какой святой изображен на иконе, кто был

Николай чудотворец, как имя Божией Матери и пр. О том же свидетельствует и преосвященный Херсонский, говоря, что в некоторых уездах его епархии недостаток религиозного просвещения граничит иногда с совершенным незнанием самых главных, основных начал христианской веры и нравственности; многие, именующиеся христианами, не имеют никакого понятия об Иисусе Христе, даже лика Его не различают»¹.

Вызывает недоумение признание преосвященных в религиозном невежестве православных верующих. Ведь речь шла не о богословских знаниях, а об элементарных понятиях. Но может быть, мы спекулируем на частных случаях? Вот выдержка из книги Г. М. Калинина «Реформы веротерпимости на пороге XX века и состояние государственной церкви в России»:

«Не было «веры» как личного, своего, как внутреннего убеждения... Тут и старое язычество, и византийские, чисто от греков, и национальные особенности, а Евангелия и небесных заветов Христовых — всего менее... Божию Матерь, считая по высокочтимым иконам, троили и четверили, называя (при вопросе) «сестрами» «Матушку Владимирскую Божию Матерь», «Матушку Казанскую Божию Матерь», «Матушку Иверскую Божию Матерь». Мы уверены, из опросов мы точно знаем, что попади эти слова в глухую деревню, и сотни баб, мужиков и ребятишек подымут с недоумением голову: «А как же? Разве же не три их? Вестимо — три».

Некоторые праздники и храмы в честь праздников, приуроченных к частнейшим событиям византийской городской хроники, выступили совершенно в ряд и даже вперед — перед храмами и праздниками евангельского содержания. «Храм Спасителя» мы сумеем сразу назвать только один: это в Москве, в память войны двенадцатого года. А храмы «Покрова Пресвятой Богородицы» есть в каждом губернском городе; «Козьмы и Дамиана» — тоже. Ни в каком из четырех Евангелий, т.е. во всем каноническом Евангелии, нет рассказа о введении Пресвятой Богородицы во храм. Между тем в одном Петербурге — и «Введенская церковь», и «Введенская улица», и даже «Введенская гимназия». Очевидно — это религиозный быт. А вот в быт не вошла ни нагорная проповедь, ни притча о мытаре и фарисее, о сеятеле и зернах; решительно «православие» сползло с евангельской первоосновы, с евангельского центра куда-то совершенно в сторону, куда-то к апокрифам и отчасти даже, если вспомним «Параскеву-Пятницу», к небылицам, невероятностям и вымыслам. Все нравственные идеалы, принесенные на землю Христом, при это сползании с первоосновы, пропали для русского народа»².

Мы не знаем, кем был автор этой книги, но совершенно очевидно, что здесь не придумано ничего.

1886 год

«По заявлению Донского архиепископа, на Донские ярмарки привозят из других губерний множество поддельных свечей. Дешевизна их соблазнительно действует на простой народ»³.

Поддельные церковные свечи изготавливались из суррогата, отчего они и коптели, и сгорали быстро. Но нам здесь видится иное: простолюдинам было обременительно покупать хотя и качественные свечи, но дорогие. А без свечей — народ был так научен — молиться было нельзя.

1887 год

По стране распространялся христианский рационализм. Проклятия, возглашаемые с церковных амвонов, действовали малоэффектно. Очередной миссионерский Съезд в Москве признал желательным (лучше сказать — необходимым): а) ввести в круг предметов, преподаваемых в духовных академиях, обличение вероучений существующих и распространяющихся в России рационалистических сект и расширить программу по предмету учения о расколе в духовных семинариях, включая в эту программу и обличение вышеупомянутых сект (приводились названия); б) учредить особую спецшколу для подготовки миссионеров против рационалистических сект.

И для пояснения, откуда же из нравственного православного народа берутся смутьяны:

«Распространителями штундизма, равно как и прочих сект, являются люди разного рода, большею частию проходимцы, имеющие печальное прошлое. Побуждением к проповедничеству является у них несомненно корысть»¹.

1890—1891 годы

Некоторые тома Всеподданнейших Отчетов были сдвоенными; возможно, из-за отсутствия достижений на духовной ниве.

«Появилось в народе ощущение голода, но не «хлеба, а слышания слова Божия...»². Данное признание духовного ведомства представляется неожиданным, и вместе с тем оно нас ободряет: мы говорим не о надуманных проблемах. Ниже читаем, что «народ получил доступ к русской Библии и притом не всегда из верных рук, но нередко из рук баптистских книгонош...»³. Если сам Синод признал, что народ духовно испытывал голод, то в чем же вина этого народа, если он принимал «хлеб» из тех рук, которые его давали? Будет ли привередливым в такой ситуации голодный? Да и сам «хлеб» разве перестанет быть хлебом, если его подадут не «те» руки?

1892—1893 годы

«Но вместе с этим Святейший Синод нашел, что одной духовно-нравственной деятельности духовенства недостаточно для пресечения дальнейшего распространения в народе религиозного сектантства, так как пастырское слово убеждения и вразумления не всегда может оказаться действительным там, где оно встречается с злою волею и недобрыми намерениями. Посему Св. Синод счел необходимым содействие духовенству и со стороны власти гражданской к искоренению сектантства...»⁴.

Своеобразная логика, вытекающая из предыдущего Отчета: был голод по «хлебу», были и руки, подававшие этот «хлеб», но руки эти были не православные. Синод спешит прибегнуть к простому решению вопроса — к применению власти гражданской. Отчет говорит о мерах, которые предпринимаются: они, конечно, мирные, это всего лишь разъяснения правительственных распоряжений. «Эта мера послужит в народе к рассеянию разных толков — о том, что отпадение от Церкви, равно как и порицание веры и духовенства

не составляет преступления»¹. Не сразу разберешься в хитросплетении, слов, но все же смысл понятен: пусть народ не думает, что можно каждому человеку безнаказанно иметь собственное религиозное убеждение; здесь подобная свобода своей совести называется конкретно: преступление. В каких формах происходило пресечение подобных преступлений, мы увидим ниже.

Впрочем, уже в этом отчете видны методы воздействия на отпадавших от православия:

«Содействие миссионерам и приходским священникам со стороны местных сельских и полицейских властей зависящими от них способами... (т.е. не следствие, не судебное разбирательство. — *А.Б.*). Эта мера является необходимою ввиду того обстоятельства, что лжеучители не только сами не являются на собеседования с православными миссионерами...»².

1894 год

«В 1894 году сектанты вошли в городскую думу с просьбой о даровой уступке участка земли... для обустройства молитвенного дома (г. Благовещенск. — *А.Б.*). Вопрос этот обсуждался в думском заседании 2-го ноября 1894 года. Можно было полагать, что православные представители постоят за дорогие жизненные для них интересы, дадут отпор притязаниям молоканской партии, и просьба сектантов оставлена будет без внимания и всяких последствий. Но, к сожалению, на деле вышло не так: большинство православных гласных... оказалось покровителем сектантства. Результат получился блестящий: без всяких рассуждений дума решила отвести участок земли сектантам для устройства ими молитвенного дома, на том простом основании, что отводила землю православным, католикам и протестантам для устройства храмов»³.

Иногда, как видим, были досадные упущения. В далеком Благовещенске, на Дальнем Востоке, городская Дума, наивно полагая, что российские граждане вне зависимости от вероисповедания имеют одинаковые права, разрешили им построить молитвенный дом. Синод явно раздосадован: молоканам не дали отпор, хотя сделать это было просто (сейчас этот старый опыт широко применяется): инициативная группа ходит по окрестным домам, где предполагается отвод земли для каких-нибудь «сектантов», и рассказывает жителям всякие ужасы, после чего подписи протеста собираются и подаются как глас народа; и законы здесь совершенно не нужны.

Читаем Отчет далее: все же старания духовных властей по сохранению своего стада велись путем духовного просвещения и предварительной профилактики.

«В своем Отчете за 1892–93 г.г. я имел счастье всеподданнейше докладывать Вашему Императорскому Величеству о тех мерах борьбы с сектантством. Главнейшие из сих мер следующие: учреждение противораскольничьих (против старообрядцев. — *А.Б.*) и противосектантских миссий, устройство епархиальных, окружных и церковных противосектантских библиотек, истовое уставное и благоговейное отправление богослужений, умножение церковноприходских школ и точное составление и своевременное кому *следует* (выделено мною. — *А.Б.*) доставление сведений о раскольниках и сектантах»⁴.

Все бы неплохо, если бы не один существенный факт: в этом году был принят самый

репрессивный закон, не оставлявший права на существование всем «сектантам» без разбора, ибо к ним ко всем был приклеен ярлык «штунда». Но на этот закон нет даже намека в данном Отчете.

1896 год

Как ни старались чиновники Канцелярии обер-прокурора Св. Синода представить Его Императорскому Величеству жизнь российскую в благополучных тонах, но каким-то образом неблагоприятные явления все же проскальзывали.

«В воскресно-ремесленной школе в том же городе (Холмско-Варшавской епархии. — *А.Б.*) учащиеся кричали всем классом: «не хотим слушать священника, пойдем в костел», и действительно все вышли из школы. 24 ноября все православные дети сложили на учительский стол книги и заявили, что родители запретили им учить Закон Божий (по православному катехизису. — *А.Б.*). Последовавшее в 1897 году изменение предклассной молитвы в учебных заведениях пробудило в учащихся неуважение к православию: на православную молитву ученики стали смотреть как на бессодержательную, неизбежную формальность»¹.

Подобные «детские бунты» не были частными случаями. Когда в начале следующего века будут высочайше дарованы основы веротерпимости, православные приходы Холмско-Варшавской епархии (и не только там) буквально опустеют, получив возможность вырваться из насильственных объятий «любящей» православной Церкви. Ведь «православные дети» были вынужденно крещены, как в свое время и их родители, в православную веру; это противодействие насилию было всегда.

Нельзя сказать, чтобы духовенство было равнодушно к создавшейся ситуации:

«Духовенство Холмско-Варшавской епархии проявило особенно напряженную деятельность в деле сохранения целостности вверенной ему паствы, а также развития и укрепления ее в православии. В этих целях оно прежде всего заботилось о частом и по возможности благолепном совершении богослужений в церквях. Кроме обычных церковных служб во многих местах установлено чтение акафистов после всенощных бдений или вечерен»².

Оказывается, проблема должна была решаться достаточно просто: нужно было лишь увеличить число богослужений и установить чтение акафистов.

Синод в этом же Отчете высказывает сожаление, что Его Императорское Величество было окружено лицами из высшего света, которые общались с простолюдинами.

«В уверенности на получение свободы вероисповедания в царствование Вашего Императорского величества к несчастью поддерживали сектантов иные из сочувствующих из лиц высшего и мнимо образованного круга. Известно, например, что весною 1896 года вожаки штунды юго-западного края ездили в Петербург, имели совещание с здешними пашковцами и, возвратившись, вдохнули в темную массу лживые надежды рассказами, что «нас-де сила великая», что «бачили в Петербурге богато братьев из панив и графов» и что «братья эти казали, что трохи подержитесь, а тамочки ваша возьмет»³.

В великосветских салонах действительно было много отпадавших от православия. Были встречи, были духовные общения, как были и надежды у приближенных к царю, что в

конце—то концов должна же Россия вступить на цивилизованный путь. Этой надеждой они и ободряли ходоков из провинции.

1898 год

Обер-прокурор Победоносцев в очередном Отчете докладывает об упорных сектантах, не желавших быть стертыми с лица российской земли, как это повелевал закон 1894 года. Они пытались укрыться под сенью закона от 27 марта 1879 года о баптистах:

«...Закон этот имеет в виду собственно немецких баптистов (западно-христианское ответвление от протестантского дерева. — А.Б.), и что под действие его подходят только лица, на законном основании принадлежащие к этой секте, т.е. родившиеся в баптизме или перешедшие в него с соблюдением установленного законом порядка из лютеранства или иных неправославных исповеданий, и что посему с этой сектой нельзя отождествлять ни одну из существующих в России сект, образовавшихся из русских людей; тем не менее русские штундисты вняли советам своих покровителей и, дабы воспользоваться льготами закона 1879 года, стали всюду, где им было нужно, называть себя баптистами. С особой настойчивостью такое стремление штундистов отождествлять себя с баптистами проявилось во время всероссийской народной переписи»¹.

Напрасные попытки: бдительное око священников и миссионеров изобличало коварство российских сектантов; ведь ясно же: религиозное инакомыслие позволительно лишь для иностранцев, русские могут быть только православными.

В этом же Отчете приводятся слова одного из штундистов, сказанные им во время беседы с миссионером:

«Мы не желаем идти за вами; ...вы с вашим Христом меняли людей на собак, а мы с нашим Христом желаем быть свободными»².

Эти слова потрясают.

К концу столетия поколение, родившееся при крепостном праве, еще было живо; дети и внуки хорошо помнили по семейным преданиям «рабство дикое без чувства, без закона», увы, освящаемое православием. Как мог забыть мужик благословляющее присутствие батюшки, когда его меняли на собак? Чему же удивляться, когда он со сладострастием после 1917 года крушил церкви.

1900 год

Синод донес государю, что на территории его империи действует сильный и коварный враг, какого еще никогда не было. «Никогда наша русская православная церковь не имела такого опасного врага, какого она имеет теперь в лице новейшего рационалистического сектантства, в особенности штунды... В этом сектантстве есть все, что только может придумать своевольная мысль и гордое самомнение, — все, что может породить и воспитать необузданное чувство»³. У царя в то время и других проблем хватало, так что лучше, да и проще, назвать этого врага смутным и маловразумительным словом «штунда».

«Описанное религиозное состояние некоторой части современного штундизма является не только результатом отрицательного отношения штундистов к авторитету Божественного Откровения, — оно в значительной степени есть и

1

2

3

прямое следствие грубого материалистического направления в жизни сектантов»¹.

«Вследствие того же материалистического направления штундистов, самые излюбленные у них вопросы — вопросы социальные. «Что это за церковь, — сказал один из штундистов миссионеру, — один имеет тысячи десятин, а другой ничего»².

1902 год

«О нецеломудрии преосвященный Архангельский сообщает в отчете: обнаружено, что это зло все более увеличивается не только среди городского населения, но и среди сельского, издревле отличавшегося устойчивостью нравственных понятий, и притом с такой силой, что... дети вступают в незаконные соития с 13 лет»³.

Это признание можно было бы сделать в каком-нибудь ином документе с пометкой «конфиденциально» или «печатанию не подлежит». А здесь — в солидном томе разглашается на всю Россию.

Преосвященный митрополит Киевский:

«По сообщениям благочинных, в воскресенье и праздничные дни храмы Божий пустуют в то время, как базары переполнены народом, с нетерпением ожидающим окончания литургии. С окончанием ее отворяются двери винных лавок, куда и устремляется большинство торгующего люда»⁴.

О пьянстве на Руси как извечной причине основных зол сказано уже столько, что неловко и возвращаться к этой теме. Но все же представим себе эту толпу, жаждущую только колокольного звона, возвещающего окончание богослужения: истово крестясь на церкви, толпа без промедления устремляется в винные лавки.

И — по нашей теме:

«Задача противосектантской миссии усложняется, между прочим, тем обстоятельством, что обычно состав миссии оказывается недостаточен сравнительно с количеством сектантов, так что для миссии весьма трудно бывает не только предупреждать появление и развитие сектантства в той или иной местности, но даже следовать за его распространением, которое отличается быстротою и неожиданностью...»⁵.

Только нежеланием похристиански разобраться в причинах подобного явления можно объяснить заключение Синода:

«...сектантство нашло самую подходящую почву в равнодушии сибиряков к религиозным вопросам»⁶.

1903 год

«Из 1240 браков, расторгнутых в 1903 году, на долю по прелюбодеянию приходится 844, а в 1904 году из 1365 расторгнутых браков на долю по прелюбодеянию приходится 1020»¹.

Эта тема вписывается в один контекст с Отчетом предыдущего года. Разводы были по различным причинам, и об этом свидетельствуют архивные дела Синода: по причине бесплодия (к несчастью, бесплодными тогда считались только женщины), по причине длительного отсутствия одного из супругов (чаще — мужчин, призванных на войну, а в числе погибших не значившихся), по причине отпадения кого-либо из супругов от православия. Но данный отчет говорит совсем о другой причине — нравственной. Причем Синод располагал только теми официальными сведениями, которые были взяты из судебных процессуальных дел.

Не будем забывать, что за нравственное состояние народа несло ответственность православие, ибо оно само возложило ее на себя; более того — ни с кем делиться не хотело. Но опять, конечно же, виноваты были только враги, которые не давали господствующей церкви распространять свое благотворное влияние.

«Тут враги Церкви и государства пользуются невежеством русского человека в теоретическом познании Христова учения; у него слабы еще знания истины православной веры; большинство крестьян еще неграмотно, не умеет как следует прочитать общеупотребительные молитвы, не понимает смысла их, а равно не понимает значения церковных действий, служб, обрядов»².

Не хватило времени, прошло всего лишь девять веков с принятия христианства — у невежественного русского народа «слабо еще знание истин православной веры», — а тут эти враги. Во все обозримое известное нам российское время во всех бедах виноваты были кто угодно — евреи, штундисты, «враги народа», — только не мы сами.

1905 год

Каким мерилom измерять духовное состояние в народе, если эта категория нематериальная? Однако Синод имел некую шкалу измерений, и довольно-таки своеобразную.

«Трудно учесть цифрами народное благочестие, но есть один признак, который позволяет, хотя несовершенно, приблизиться к определению молитвенного настроения народа — именно в тревожные 1905 и 1906 г.г.: это подсчет свечного церковного дохода за эти годы. По имеющимся в Контроле при Св. Синоде сведениям, чистой свечной прибыли в 1905 г. получено на 451 369 рублей более, чем в 1904 г.»³.

Понять то тревожное время можно: шла русско-японская война, с многими жертвами для России, и какая же мать не поставит свечку за здоровье и сохранение жизни своего сына, жена — мужа? Однако вряд ли свечная прибыль могла быть показателем благочестия, но мы здесь не судьи, ибо слишком многие дома посетила тогда смерть. После же тех лет отток от церкви еще более усилился.

Была еще одна тревога: уже который год мулсировался вопрос о предоставлении народу начал веротерпимости. Готовился проект манифеста, и определенные консервативные круги всерьез были обеспокоены, как бы свободный выбор вероисповедания

не внес разброд и в высшие слои правящей элиты.

«Комитет Министров признал необходимым высказать решительное убеждение, что неизменно подлежат сохранению и на будущее время преимущества, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей: принадлежность к ней Государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения нужд своих из общегосударственных доходов»¹.

Трудно сказать, почему Синод счел необходимым напомнить государю о его принадлежности к православной Церкви, — может быть, императрица-немка давала поводы? Этого мы не знаем.

Ряды православных редели, и — если следовать тексту — для привлечения последователей господствующей Церкви выделялись энные суммы денежных средств из государственной казны.

И наконец — опубликование Манифеста от 17 апреля 1905 г., в силу которого, по крайней мере формально, давалась возможность россиянину самому определять свою вероисповедную принадлежность. И произошло то, что с исторической неизбежностью должно было произойти —

«С опубликованием упомянутых вероисповедных актов начались открытые отпадения, причем одни из них совершались с соблюдением установленных на сей предмет правил, другие же происходили без всяких формальностей. По собранным ныне центральным управлением Св. Синода сведениям, наибольшее число отпадении от православия приходится на исповедания: римско-католическое, магометанское и лютеранское»².

Процесс, отраженный в данном месте Отчета, не упоминает весьма внушительное количество исконно русских, украинцев и белорусов, незамедлительно воспользовавшихся возможностью выйти из-под юрисдикции православной Церкви; до этого их сдерживал страх уголовного наказания.

Мы привели отрывки из «Всеподданнейших Отчетов» обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Напомним: по каждому году — это внушительный том, где много места отводится поздравлениям государя по самым различные случаям; подробно сообщается о внешней православной миссии как за рубежом, так и внутри России, ибо территории за Уральским хребтом, на Алтае, в Закавказье, на Крайнем Севере были еще далеко не везде подчинены государственной религии. Мы брали сведения преимущественно из специального раздела, посвященного сектантству. Это была официально изданная информация, несекретная, где преобладало довольно таки благодушное настроение. Но и в ней, как мы видим, вырисовывалась картина, мягко говоря, не идиллическая.

Теперь обратимся к архивным данным, которые представляют собой порою открытую межведомственную переписку, порою же — с пометкой «конфиденциально».

«Канцелярия обер-прокурора Св. Синода (отделение 2, стол 3) от 10 октября 1885 года № 4705 Господину Министру Государственного имущества

В минувшем 1884 году Святейшим Синодом разрешено было Митрополиту Киевскому пригласить в Киев Преосвященных, соседних с Киевом епархий, дабы при личном совещании с ними обсудить, какие можно предпринять более действительные меры к ослаблению в Юго-Западном крае иноверия вообще и штундизма в особенности, а также к развитию и укреплению в народе веры Православной.

1

2

Вследствие сего Преосвященные: Херсонский, Кишиневский, Волынский, Екатеринославский, Подольский, Черниговский, Могилевский и Викарий Полтавской епархии Епископ Прилукский, прибыв в Киев в сентябре 1884 г., в течение этого месяца занимались под председательством Митрополита Киевского и при соучастии двух местных Викарных Епископов совещанием по означенным вопросам и выработали соответствующие постановления, из коих одни содержат такие мероприятия, которые подлежат приведению в исполнение по распоряжениям одного духовного начальства, а другие могут быть осуществлены лишь при содействии светских ведомств.

Святейший Синод, рассмотрев первые из означенных мероприятий, сделал надлежащие распоряжения к приведению их в действие, а в отношении последних — предоставить мне войти в сношение с подлежащими Министерствами.

К числу таких мероприятий относится предположение в необходимости в видах утверждения учащегося юношества в познании Православной веры, усилить в светских учебных заведениях проповедование Закона Божия или Богословия, где оно преподается в составе полного курса, и недостаточное изучение сего предмета считать для учащихся существенным препятствием к переходу в высшие классы, причем в совещании Епископов выражено желание, чтобы на должности Начальников и Начальниц учителей и учительниц в светские низшие и средние учебные заведения, по мере возможности, и вбирались лица Православного исповедания и отличающиеся расположенностью к церкви.

О вышеизложенном долгом поставляю сообщить Вашему Высокопревосходительству —

Обер-Прокурор Святейшего Синода К. Победоносцев (подпись) » ¹.

Юго-Западный край России был одним из тех регионов, которые доставляли особое беспокойство Синоду ввиду массового отпадения людей от православия. По этой причине и состоялось Совещание архипастырей указанных епархий. Здесь нужно сделать некоторый комментарий. Синоду было нужно, чтобы во всех светских учебных заведениях преподавалось богословие, причем, говоря современным языком, не факультативно с посещением лекций по желанию, а в обязательном порядке. Вчитаемся в текст: недостаточное изучение богословия могло быть препятствием для перевода учащегося на следующий курс с последующей невыдачей аттестата. И чтобы не было послабления при либеральности какого-нибудь директора светского учебного заведения, то надзирателями, или начальниками, ставились не просто православные преподаватели богословия, но люди Церкви.

Это знакомо, мы еще не ушли так далеко от своего недавнего времени, чтобы забыть: мы помним, как насильственно преподавались предметы по марксизму-ленинизму и как несдача экзамена по диамату, истмату или так называемому научному атеизму была роковым фактором для талантливого скрипача или физика. Ну, а кто ведал этими вопросами? Конечно, идеологи-марксисты. Нам придется неоднократно вспоминать мудрость Екклесиаста из Библии: все возвращается на круги своя. И результат такой же: отвращение к духовным вопросам вообще. Кстати, сейчас на уровне Министерства высшего образования всерьез идут переговоры Патриархии о введении курса «богословия» (разумеется, православного, а не межконфессионального) в обязательном порядке, с соответствующей заменой кафедр религиоведения.

Следующее послание К. Победоносцева продолжает тему упомянутого Совещания в Киеве:

«Департамент Министерства юстиции от 31 октября 1885 года № 5226 Господину Министру юстиции (цитируем выборочно. — А.Б.).

Ввиду того, что штундизм и сродные с ним секты вредны не только в религиозном,

но и в политическом отношении, ходатайствовать перед Правительством о распространении на них мер наказания — по ст. 187–190 Уложения о наказаниях. ...Согласно определению Святейшего Синода, сообщая о вышеизложенном Вашему Высокопревосходительству, долгом поставляю, по поводу содержащегося во втором из приведенных пунктов постановлений Преосвященных Архиепископов, со своей стороны присовокупить, что если Вы, Милостивый Государь, не признаете неудобным осуществить изложенное в оном предположении, то в видах противодействия развития вредного в политическом отношении штундизма и сродных с ним сект, было бы, по мнению моему, целесообразно обратить внимание судебной власти на необходимость самого строгого применения ст. 196 Улож. о наказ., изд. 1866 г. и дополнения к оной согласно Высочайше утвержденному в 1-й день Мая 1884 г. мнению Государственного Совета к делам об означенных сектантах, возникающим в судебном ведомстве,

К. Победоносцев »¹.

В первом пункте были предписания о мерах борьбы с раскольниками (старообрядцами). Затем, во втором пункте, — с сектантами без различия. Нужно пояснить: по поводу последних была ведомственная разногласия, единого закона (он будет издан в 1894 году) еще не было; были различные «мнения Государственного Совета», циркуляры Министерства юстиции, разъяснения и пр. Победоносцев спешит помочь со своими рекомендациями, — и это было очень ценно для казенных чиновников: кто же мог лучше понимать суть дела, как не глава духовного ведомства? Правда, сей «глава», будучи профессором права, проявляет весьма своеобразный юридический подход: Победоносцеву недостаточно было ст. 187–190, он делает упор на статью 196 и настоятельно рекомендует применять ее шире. Собственно, законодательству мы посвящаем отдельную главу, скажем только, раз уж упоминается ст. 196, что она влекла за собой лишение всех прав состояния, а также тюрьмы, ссылки и прочие тяготы. За какое преступление? — За уклонение от православия.

Министр юстиции — К.П. Победоносцеву от 4 января 1891 года:
«Дело» № 231 о крестьянине Семене Вытнове:

«в различных случаях неоднократно прибегал к проповедованию лжеучения штундистской ереси в публичных местах, но так как никто из опрошенных свидетелей не мог удостоверить, что такая его деятельность имела своим последствием отпадение кого-либо из православия в раскол, то он привлечен по делу по обвинению в преступлении, предусмотренном последней частью 196 ст. Уложения о наказаниях, каковое дело одновременно с сим предложено мной Киевскому окружному суду...»².

Мы вправе были ожидать иного вывода министра юстиции: ведь, судя по самому тексту, крестьянин Семен Вытнов, по свидетельству опрошенных, никого не совратил с православного пути. Но мы же помним рекомендации обер-прокурора, и чтобы крестьянину не повадно было высказывать свое религиозное мнение, ему дали 196-ю статью.

Аналогичное «дело», только за № 230, министр юстиции описывал Победоносцеву, но теперь уже о группе крестьян села Слободзеи Балтского уезда. «Дело» рассматривал Каменец-Подольский окружной суд, о чем читаем рапорт прокурора от 12 декабря 1890 г. за № 29301³.

«Дело» № 3501 от 4 февраля 1891 г.: министр юстиции препровождает представление прокурора Кишиневского окружного суда (с приложением копии с представления прокурора Одесской Судебной Палаты от 23 января 1891 г. за № 1094).

«Имею честь донести Вашему Превосходительству, что житель села Чичмы Измаильского уезда Иустин Ковалевич 19-го сего января решением присяжных заседателей признан виновным в преступлении, предусмотренном 196 ст. Улож. о наказ, и приговорен к ссылке на поселение в Закавказье с лишением всех прав состояния...»¹.

Копия с рапорта прокурора Херсонского окружного суда г. министру юстиции от 22 марта 1891 г., № 2394:

«...дознание, произведенное по жалобе крестьянки Марии Черной, в которой она заявила, что дочь ее, Прасковья, вышедшая замуж за крестьянина Анания Нестеренко, вместе с мужем совратились в штунду...»².

Копия с рапорта прокурора Херсонского окружного суда министру юстиции от 19 марта 1891 г., № 2262 о крестьянине Якове Григорьевиче Чередниченко: ст. 177 и 196 с лишением всех прав состояния и высылка на поселение в Закавказский край³.

Рапорт из Могилевского окружного суда от 12 апреля 1891 г., № 10384 о крестьянине Козьме Шивченко: заключение в тюрьму⁴.

Правда, были решения судов для обвиняемых и благосклонные, как, например, нижеследующее. Исполняющий дела прокурора Херсонского окружного суда в донесении пишет министру юстиции:

«Честь имею доложить Вашему Высокопревосходительству, что хотя и. д. судейского следователя второго участка Херсонского окружного суда, на которого возложено производство следствия по настоящему делу, католик, то я не мог в этом отношении исполнить циркулярное распоряжение от 22 сентября 1888 за № 23663, так как и судейский следователь при Херсонском окружном суде по важнейшим делам также католик»⁵.

Здесь вмешалась судьба: сначала исполняющий дела судейского следователя оказался католиком, а потом выяснилось, что и сам следователь «по важнейшим делам» (какая же опасность была в отпадении от православия. — А.Б.) — тоже католик. Якову Чередниченко явно повезло. Но «счастливчику» все же дали аж две статьи (см. 95). Может быть, сорвали на нем досаду за нежелательный сбой в репрессивной машине?

Очень внушительно выглядит «дело» № 104 за 1892 год. Это ходатайство Центрального Исполнительного Комитета Швейцарского отдела Евангелического общества за целый ряд лиц, осужденных на ссылку с лишением всех прав состояния. Ходатайство переходило на рассмотрение от инстанции к инстанции, вплоть до царя. Но все было напрасно для осужденных. Приговор остался в силе⁶.

Следующий эпизод из судебной практики характерен тем, что здесь наглядно игнорируется правительственный Закон от 3 мая 1879 года, согласно которому баптизм, как христианское вероисповедание, признавался государством. Это «дело» № 38 от 12 ноября 1896 г. о крестьянах Пурене, Загере и Бор гуле, проживавших в Люцинском уезде Витебской губернии; упоминаются ст. 196, 197 и 203:

«...следует заключить, что наше законодательство, не делая существенного различия между ересью и расколом, отождествляя некоторым образом оба понятия, относит как к расколу, так и к ереси всякое лжеучение, или возникнув на почве

православия, составляет отступление от последнего, или хотя и заимствовало от последователей какой-либо иностранной секты, но проповедуется и распространяется среди православного населения в качестве повреждающей православную веру секты., а посему и за соращение из православия в эту секту (баптизм)... виновные должны подлежать ответственности как за соращение в иное христианское исповедание, т.е. по 187, а не по 196 ст. Уложения»¹.

Витиеватый, темный столоначальнический язык тяжел для понимания, но при терпении в нем все же можно разобраться. Сама Канцелярия Синода фактически признает, что нет особого интереса вдаваться в вероисповедные различия, — все должно быть искоренено самым жестким способом. Причем без всякого смущения признается, что баптизм — исповедание христианское; все равно искоренять, раз не в православной ограде.

Следующий случай из тех немногих, когда по кассационной жалобе пришло положительное для крестьян удовлетворение (возможно, сказалось то, что Кассационный Департамент при Сенате возглавлял тогда упомянутый нами сенатор А. Ф. Кони). Афанасий, архиепископ Донской и Новочеркасский, делает представление о верующих из селений Мокрая Чебурка и Средняя Чебурка Ростовского округа Донской епархии. Крестьяне на суде заявляли о себе, что они баптисты, а не штундисты; архиепископу же хотелось обратного.

«Тогда как на самом деле эти два слова «штундизм» и «баптизм» суть только разные названия одной и той же секты подобно тому, как и русских раскольников одни называют раскольниками, а другие старообрядцами»².

Архипастырю не закон даже Закон от 1879 года. В этом «деле» прилагается разъяснительный циркуляр, где в § II написано:

«Наставление сельским счетчикам: лица русского происхождения, не считающие себя православными, должны быть обозначены тем толком исповедания, к какому сами себя зачисляют».

Христиане неправославные подали в Переписную комиссию Войска Донского прошение, где оно было удовлетворено. Но мы не знаем, чем закончилась эта история, так как в деле № 3803 от 27 февраля 1898 г. мы видим, что архиепископ Афанасий снова просит Синод о возбуждении дела по этим крестьянам.

Заключение Святейшего Синода было неумолимо как по отношению к простолюдинам — «дело» № 566 с пометкой «арестантское»³, проходившее по Уголовному Кассационному Департаменту (1897 год), так и к великосветской знати — «дело» № 404 (1880 год) об отставном полковнике В. Пашкове, приближенном к царю⁴. Или вот преосвященный Исидор, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, ссылается на священника своей епархии Клопицкой церкви Петергофского уезда Михаила Лебедева. Тот, в свою очередь, донес, что в его приходе, в деревне Сельце, появились распространители пашковского учения, а именно проживающая в своем имении в селе Бегунищах в приходе Бегуницкой церкви баронесса Велию, которая приглашает по праздникам в свою мызу народ на молитву...⁵.

Добро бы еще, если бы в самих священнических рядах было все нравственно и благополучно. Каждый год в Канцелярию Синода поступали «дела» по духовенству. Вот только несколько, и только за 1880 год. Опись попала в руки случайно, и мы сделали выписки; не стали выискивать подобные случаи по другим годам.

«По прошении дворянина Евграфа Яницкого с жалобой на священника села Мощенной, Подольской епархии, Симеона Меньковского за нанесение побоев дочери просителя»¹.

«По жалобе крестьянина местечка Белополье, Сумского уезда, Ивана Онищенко на оставление епархиальным начальством без взыскания благочинного священника Павла Климентьева за нанесение оскорбления просителю в церкви»².

«О непристойном поступке, совершенном в нетрезвом виде, в Тверского Успенского Отрога монастыря в присутствии их Императорских Высочеств Великой княгини Александры Иосифовны и Великого князя Константина Константиновича и Ее Величества Королевы Эллинов 3 июля иеромонахом того монастыря Сергием»³.

«По предложенному рапорту секретаря Консистории о заключении под стражу судебным следователем Люблинского Окружного суда, по Холмскому уезду, настоятеля Иовецкого прихода священника Иоанна Каленюка по обвинению его в убийстве крестьянина Александра Князя»⁴.

«По всеподданнейшему прошению причетника Царскосельской кладбищенской церкви Федора Студийского о пересмотре дела по обвинению просителя в провозглашении неуместного тоста за здоровье Государя Императора при поминовении умершего»⁵.

«По донесению Преосвященного о привлечении к суду священника Сакской Ильинской церкви Василия Минского за нанесение раны выстрелом из револьвера крестьянке Стефаниде Шубе»⁶.

«По предложенному рапорту секретаря Вятской консистории по делу об истязании священником села Асановского Павлом Усольцевым и его женою девочки Аполинарии Басалаевой»⁷.

С неожиданным явлением пришлось познакомиться; кроме Архивов, нигде об этом не значится в официальной статистике: в духовных училищах и семинариях были частые случаи самоубийств. Решались на это совсем молодые юноши и девушки (из женских епархиалок). Синод пишет архиерею Екатеринославскому Антонию:

«Предложить начальникам и корпорациям вверенных Вашему попечению духовно-учебных заведений г. Екатеринослава в общем собрании обсудить вопрос о причинах, вызывающих в последние годы частых, сравнительно с другими епархиями, случаев самоубийств среди учащихся...»⁸.

Это явление, о котором, кажется, до сих пор мало кто знает, наблюдалось не только в Екатеринославской епархии. Скорбный список оказался длинным: в Саратовской семинарии учащийся утопился, в Полтавской — отравился, в Воронежской — отравился, в Подольской — повесился, в Калужской — повесился, в Донской — отравился, в Тверской — застрелился, в Волынской — утопился. В Екатеринославском женском епархиальном училище девица выбросилась из окна, в Таганрогском епархиальном училище девица отравилась, в Тамбовской семинарии учащийся утопился, в Новочеркасской — погиб от нанесенных себе ножевых ранений (далее можно еще продолжать: в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Калуге, Новгороде и т.д.).

Из Канцелярии Св. Синода препровождается в Учебный Комитет при Св. Синоде издание Врачебно-санитарной части учебных заведений Департамента народного просвещения под названием «Самоубийства, покушения на самоубийство и несчастные

случаи среди учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения в 1908 году» (редакция профессора Г. В. Хлопина). Издание это представляет собой тщательный статистический анализ частых случаев суицида. К нашим архивным данным добавляются еще сведения из духовных учебных заведений Харьковской, Уфимской, Пензенской, Таврической, Вятской, Костромской, Рязанской, Петрозаводской, Подольской, Новочеркасской, Варшавской епархий. Мы представим только некоторые данные (таблиц в этой брошюре довольно много):

самоубийств за 1908 год — 83 случая (64 мужских, 19 женских),
покушений на самоубийство — 49 случаев (26 мужских, 23 женских),
из них на православных приходится:
самоубийств — 47 мужских, 14 женских,
покушений на самоубийство — 23 мужских, 17 женских.

Газета «Русь» от 27 ноября 1907 года за № 115617 вынуждена была задать обществу вопрос:

«Но все-таки, господа, поднимите завесу с того, что делается за стенами закрытых учебных заведений» (духовных. — А.Б.)¹.

Можно сказать, что одной из причин распространения суицида было увлечение модным в то время спиритизмом, о чем свидетельствуют отдельные расследования. Но это — единичные случаи. Основная причина глубже.

Известно, что священники, дьяконы и прочие клирики были предопределены изначально идти церковной стезей по примеру еврейских левитов. Эта предопределенность и создавала то, что понимается под сословием духовного звания. Бесспорно, были священнослужители, которые выполняли свой нелегкий труд по внутреннему убеждению, по призванию. Но мы понимаем, что из многочисленных отпрысков священнического сословия далеко не все хотели идти по стопам своих дедов и отцов. А больше им некуда было идти, им по рождению была уготована ряса. На службу государственную или общественную дорога была закрыта. Может быть, они и могли заниматься чем-то иным, но как бы между прочим.

В 1911 г. сенатор А. Ф. Кони в своем выступлении в Государственном Совете говорил об обсуждаемой уже неоднократно отмене ограничений, связанных с оставлением духовного сана. Эти ограничения предполагали определенный срок, в течение которого сложившие с себя сан не имеют права поступления на государственную службу, и ограничение в месте проживания. Оправданная критика этих ограничений содержится в книге сенатора «На жизненном пути»².

Нетрудно представить, с каким нежеланием, доходящим порой до отвращения, вынуждены были чада из духовного сословия проходить богословские предметы, которые продолжали школу немецкой схоластики. Для ознакомления с внутрисеминарской обстановкой можно прочесть хотя бы очерки Помяловского о бурсе.

Безысходность и нелюбовь к вынужденной учебе приводили к частым случаям самоубийств. Атмосфера доходила до накала, и в духовных академиях, семинариях, училищах происходили в буквальном смысле бунты. Только по одной описи фонда Учебного Комитета при Св. Синоде, и только с 1900 по 1908 год, насчитывается 144 таких бунтов, или волнений, как деликатно они именовались в многочисленных рапортах. Причем были случаи покушений на убийство ректора, были и убийства (в г.г. Туле, Пензе, Тамбове, Самаре, Иркутске).

С предписанием «совершенно доверительно» товарищ министра внутренних дел пишет К. П. Победоносцеву в 1902 г.:

«Милостивый Государь Константин Петрович,
В Департаменте полиции получены указания, что 8 февраля с/г ожидается

общеуниверситетская забастовка, причем предполагается, что к ней примкнул также Духовные Семинарии. В последних идет в настоящее время деятельная агитация в этом направлении, и, по слухам, до 50 семинарий согласилось уже, будто бы, принять участие в движении.

Об изложенном считаю долгом сообщить Вашему Высокопревосходительству для сведения, покорнейше прося принять уверение в совершенном почтении и преданности»¹.

Могут возразить, что время было смутное, социалисты подбивали, где только могли, на разного рода стачки и забастовки. Но посмотрим, какие требования выдвигали духовные «забастовщики». Возьмем хотя бы 1901 год — это еще далеко не 1917-й — из требований Московской и Казанской академий и семинарий (выборочно): «Уравнение программ семинарского курса учения с таковыми же светских учебных заведений, дозволение поступать в университеты и другие высшие светские учебные заведения по окончании курса учения в 4 классе..., сокращение богословских предметов и усиление светских, устранение монашествующих лиц от управления семинарами... Во многих семинариях, к сожалению, уже произведены были беспорядки, выразившиеся в диких, нетерпимых в учебных заведениях поступках, а именно — буйных сходках, битье стекол и ламп, поломок вещей и даже чугунных перил на лестницах» (из доклада о принимавшихся Синодом мерах борьбы с волнениями учащихся Духовных академий и семинарий)².

Требования стоит прокомментировать. Уровень программ в духовных учебных заведениях был намного ниже, чем в светских, и знания духовных выпускников были недостаточны для поступления в университет. Многие же выпускники хотели, если уж судьба предредила им учиться по духовной линии, хотя бы по окончании своего курса поступить в светские высшие учебные заведения. Ко всему прочему ректорами и инспекторами Духовных академий и семинарий назначались, по сложившейся обязательной практике, лица из числа так называемого черного духовенства, монашествующих. Они не знали атмосферы семьи, не знали проблем взрослеющих детей и потому не могли быть в полном смысле духовными наставниками. В силу самоограничения эти монашествующие начальники были жестоки и несострадательны к учащимся, которых, как мы сказали, сама фатальность их жизненного пути просто угнетала. Так что революционеры были ни при чем; хотя справедливости ради надо отметить, что они искали себе поддержки везде и порою находили как среди воспитанников духовных заведений, так и среди уже рукоположенных священников.

Вот материал из провинции о студенческих волнениях в Воронежской духовной семинарии; сходка была зафиксирована полицейским филером у Чернавского моста 27 ноября 1912 года. Приводим некоторые выдержки из семнадцати пунктов требований:

4 — свободный доступ в фундаментальную библиотеку;

5 — уничтожение обысков (в смысле их прекращения. — А.Б.);

6 — неприкосновенность ученической корреспонденции. А вот отрывок из листовки:

«Наши доморощенные Шерлок Холмсы довольно хорошо подготовлены для этой почтенной деятельности (для обысков. — А.Б.), но не нужно забывать, что они педагоги-наставники, а не сыщики... Кому приятно, когда грязные руки копаются в их белье, читают их письма, узнают заветные тайны и быть может глумятся над ними»³.

Разумеется, было возбуждено следствие:

«Его Превосходительству Воронежскому губернатору Воронежского полицмейстера Рапорт

В дополнение к рапорту от 29 сего ноября за № 13479, доношу Вашему Превосходительству, что сего числа занятия в Воронежской Духовной Семинарии происходили только в 6-м классе; воспитанники же первых 5-ти классов, в количестве около 500 человек, из города Воронежа выбыли по домам, причем все они Правлением семинарии считаются из семинарии уволенными... В настоящее время в семинарии осталось лишь 65 воспитанников 6-го класса...»¹.

Следует обратить внимание на донесение начальника Воронежского губернского жандармского Управления от 5 декабря 1912 года № 15284, адресованное Воронежскому губернатору:

«Семинарское движение возникло исключительно на почве недовольства внутренним распорядком этого учебного заведения»².

Зачинщики в составе 16 человек были в последующее время под постоянным полицейским надзором, о чем свидетельствуют донесения уездных урядников: они имели ограничения в выборе местожительства, в поступлении на учебу в другие учебные заведения.

Историк А. Карташев в 1906 г. написал небольшую работу «Русская Церковь в 1905 году». Его наблюдения как современника для нас немаловажны:

«Духовная школа всех трех ступеней, стоявшая по уставу 1867–70 г.г. на пути к нормальному развитию до типа наиболее естественного и чуждого внутренней фальши, в печальную эпоху 80-х годов была сознательно сдвинута с этой дороги и устроена как раз наперекор течению и запросам своего времени. Ненормальность постановки быстро дала себя знать многими печальными явлениями как внутреннего (омертвение, апатия), так и внешнего (бунты и бегство из ведомства) характера. Прямо кричащая потребность в реформе возникла уже давным-давно, а к настоящему моменту школа, особенно средняя, уже буквально перезрела все реформы, дошла до полного разложения, перестала совсем функционировать. К концу года чуть ли не 50 семинарий было закрыто»³.

Рапорты благочинных были полны тревоги. «В знании истины Веры и нравственности христианской прихожане Заречных приходов вообще слабы»⁴ — это мы приводим ряд сообщений по Нижегородской епархии.

«Относительно прихожан прежде всего должно сказать, что зараза раскола (старообрядчества. —А.Б.) распространяется и пускает более и более глубокие корни в массу темных и неразвитых крестьян»⁵.

Впечатляюще звучит сообщение благочинного 4-го округа Гор-батовского уезда:

«Ряд сел, где прихожане заражены суеверием и расколом, характерны тем, что народ ко храму Божию холоден, в исполнении христианских обязанностей нерадив, о православной христианской Вере и благочестии понятия имеет нечистые, слабые и сбивчивые... И как в сих селах находится перевес неверия над правовеверием, то прихожане к богослужениям притекают не многие, отчего и наставления пастырей не достигают своих целей»⁶.

По Дукояновскому уезду читаем:

«Раскол, как стоглавая гидра, вместо одной отсеченной головы тотчас вырастает другая»¹.

«Жители поименованных сел по большей части народ торговый и промысловый. Имея частые сношения с жителями Дона, Урала, Волги, заразились расколом и внесли эту язву в свои семейства»².

«Но почти во всех уездах (курсив мой. — А.Б.) встречается так, что приходы соседние — на одной полосе — совершенно противоположны один другому по религиозным убеждениям: в одном все православные..., а в другом все раскольники или по крайней мере чуждающиеся церкви. Раскол, или старообрядчество, сильно и упорно держится по Поволжью»³.

Вот отчет о проповеднической деятельности по Арзамасскому уезду за 1899 год:

«с церковных амвонов говорится о христианских добродетелях, о значении праздников, даже о пользе грамотности; открываются церковно-приходские школы, ведется попечение о благообразном хоровом пении; пастыри проводят внебогослужебные собеседования. Но в Нижегородской духовной консистории все чаще разбираются дела «об уклоняющихся от исповеди прихожанах различных сел»⁴.

Что следует понимать под словами «уклоняющиеся от исповеди»? Сетования батюшек однозначны: оскудение веры. Вспомним слова «...и как в сих селах находится перевес неверия над правоверием, то...» Только ли оскудение веры было причиной уклонения от исповеди и причастия? Ведь еще Некрасов писал: «...А чуть работа кончится, глядишь, стоят три дольщика: бог, царь и господин». Была экономическая зависимость от духовенства, а это при бедности прихожан фактор немаловажный.

Престиж казенной Церкви явно падал, и тем резче проявлялась ее нетерпимость к инакомыслию.

«Не лучшим ли примером ненормального положения служат факты, что на 175000 населения старообрядцев в громадной Нижегородской епархии приходится лишь 12 разрешенных правительством моленных... Естественно, что при таких условиях помимо официально существующих... имеется масса неразрешенных моленных: в Нижегородской — 172...»⁵.

Разумеется, были тайные службы и молитвы, и были штрафы, аресты, ссылки. Не единственным было «ходатайство, с которым в 1901 году обратились старообрядцы Поволжья за подписью 49 713 лиц: они просили избавить их от преследования «за мнение о вере»⁶. Обратим внимание: это происходило в то время, когда церковно-полицейские репрессии были более направлены на так называемых сектантов. Кроме того, это было время назревавшей церковной реформы, так и не осуществившейся по нерешительности последнего царя. О ситуации десятилетиями ранее (и даже веками, ибо раскол произошел при царе Алексее «Тишайшем»), можно только догадываться.

Надо отметить, что официальная статистика давала довольно сбивчивые и противоречивые данные о количестве молящихся вне православных врат. «Еще при 10 ревизии 1858 года число явных раскольников определялось в 805 тысяч человек; причем,

исследуя данные о расколе, «Военно–статистический сборник» Обручева говорит, что к этому числу зарегистрированных раскольников следует прибавить до 5 млн. лиц, явно к нему принадлежащих, а именно до 2 млн. лиц, показанных по отчетам духовного ведомства в 1859 году «исповедовавшимися, но не приобщившимися святых тайн», и до 3 млн. лиц, «неисповедовавшихся по нерадению»¹. Тут своеобразная головоломка: то, что упомянутые 5 млн лиц не являются старообрядцами, это скорее всего так. Но кем они были в 1858 году?

По этому поводу известный публицист А. С. Пругавин писал в 1880 г.: «Раскольник «записной» для причта человек потерянный, с него не получит он ни копейки. Напротив, «незаписной» составляет важную статью в домашнем быту церковнослужителей. За то, чтобы у него не исправляли треб, он платит гораздо дороже, чем усердный церкви прихожанин за исправление их»². Поневоле приходится удивляться находчивости русского человека, в данном случае — священника: выгоднее для своего семейного бюджета в отчетах не всех «раскольников» упоминать; чтобы он, священник, не приходил в дом к старообрядцу и насильственно не совершал там своих православных служб, старообрядец готов был заплатить больше, чем он платил бы как «записной».

И далее следует: «До каких поразительных неточностей доходила в этом отношении официальная статистика, можно судить по следующему примеру. В Пермской губернии в 1826 году показывалось 112 000 раскольников; в тридцатых годах при бывшем там архиепископе Аркадии обращено из них в православие ни больше, ни меньше как 100 000, но в 1841 году, по официальным сведениям, раскольников остается еще 108 000. Откуда явилась эта новая сотня тысяч раскольников, по–видимому, никто не интересовался знать»³.

«В Нижегородской губернии, по официальным сведениям, числилось 20 246 раскольников; по исследованию же статистической экспедиции их оказалось 172 500 человек, т.е. более в восемь с половиной раз.

В Ярославской губернии официально показывалось 7454 раскольника; по исследованию же статистической экспедиции их оказалось 278 417 человек, т.е. более в тридцать семь раз»⁴. И так — по всей России. Из журнала «Слово» 1868 года, по упоминанию Пругавина: «некоторые из новейших исследователей раскола определяют цифру раскольников, в настоящее время, в 13 000 000–14 000 000. Но нельзя не заметить, конечно, что все эти цифры произвольны и гадательны»⁵.

А. С. Пругавин указывает на существенную, хотя и не единственную причину искаженных данных по статистическим отчетам; он приводит цитату из статьи профессора Казанской духовной академии г. Ивановского:

«Репрессивные меры правительства по отношению к расколу, в какой бы форме они ни проявлялись, ставят непреодолимые препятствия создать раскольническую статистику; потому что при таких отношениях раскольники будут скрываться от взора правительства; только под условием веротерпимости и возможна более или менее верная статистика раскола»⁶.

Были еще и так называемые сектанты самых различных толков, которые вместе со старообрядцами составляли внушительную цифру. «По данным переписи, общее число старообрядцев, сектантов и уклоняющихся в России определялось в 2 173 738 человек (по официальной статистике. — А.Б.); между тем как, по имеющимся сведениям, численность их достигает 14–15 млн.»⁷. Чтобы как–то упрятать в официальных отчетах большое количество

инославных, счетчикам предписывалось действовать различными лукавыми путями. К примеру, Протокол 29 заседания Главной переписной комиссии от 6 июня 1896 г. гласит:

«Предложить доверительно гг. губернаторам Привисленских губерний с большим униатским населением сделать распоряжение по своим губерниям, чтобы «колеблющимся» не предлагалось счетчиками вопроса о вероисповедании, а отметка о вероисповедании делалась по ближайшим указаниям заведующих переписным участком на основании сведений, имеющихся у местных должностных лиц, и чтобы в счетчики в местностях с большим униатским населением избирались лица православного вероисповедания и притом близко стоящие к духовенству»¹.

Стоит ли комментировать такое предписание?

Понятно, что мы не можем знать подлинные данные о христианском инакомыслии, но даже приблизительное исследование дает информацию к размышлению. «Неизвестно, например, как официально агенты переписи на местах относились к бывшим униатам, которые венчались за галицийской границей по католическому обряду, как они отнеслись к детям, родившимся от такого брака, как они отнеслись, наконец, к нашим многочисленным сектантам»². По мнению вполне компетентного в этих вопросах В. Д. Бонч-Бруевича, раскольников было в конце XIX века 25 млн, сектантов — 10 млн. Это при населении около 100 млн!

«По географическому распределению сектанты сосредотачиваются по преимуществу на юге России, в то время как на севере господствует раскол»³

Мнение, как увидим, весьма спорное. В Нижегородской епархии тоже разбирались «дела» о сектантах. Вот Дело № 446 в консистории о крестьянине Жегалове села Лопатино Арзамасского уезда, 25 лет. Исследование дела показывает, что «крестьяне ездят на заработки в Баку, где есть опасность заразиться штундобаптизмом»⁴.

Капризна география распространения христианского неправославного мышления. Из Малороссии, к примеру, высылали на Кавказ в надежде, что среди мусульман сектантам будет неповадно противиться казенной вере. Но внутренние «эмигранты» выживали, и инакомыслие распространялось. В архивах Синода мы находим переписку государственных чиновников, которые решали для себя непростой вопрос: куда еще сослать сектантов? Вот «секретная» бумага из Министерства земледелия, адресованная министру внутренних дел об отмене распоряжения о высылке сектантов в Закавказье и о высылке в Приморский⁵ и в Уссурийский край⁶. Есть конкретные запросы, куда высылать сектантов?⁷. Беспокойство было понятно:

«С другой стороны, однако, возрастающее число административных высылков по делам этого рода и притом в различные местности, возбуждает опасение в смысле искусственного перенесения вредной пропаганды в другие местности, до того времени свободные от них»⁸.

Отвлечемся и скажем, что православно-полицейский сыск чинился не только над простолюдинами. Хотя и придется к этому вопросу еще возвращаться, но вспомнились слова

1
2
3
4
5
6
7
8

В. В. Розанова из его статьи «Когда начальство ушло...» по поводу смерти Победоносцева:

«Кто не помнит, в начале царствования императора Александра III, инцидент с командующим чуть ли не военным округом, помнится — Барклай де Толли (не родственником ли героя Отечественной войны? — *А.Б.*), который вынужден был оставить службу оттого, что, женатый на православной и сам будучи лютеранином, крестил детей своих в лютеранство же, вероятно, не без согласия их матери, русской? Пусть оба родителя решили веру ребенка: ее перерешило духовное ведомство во главе с Конст. Петр., который с жадным досмотром заходил в спальни и склонялся над детскими колыбелями. Может быть, Россия и приобрела лишнюю православную душу, лишнего «прихожанина нашего прихода» и плательщика «за наши требы»; но сколько потеряла Россия, когда ее общество с грустью и вся Европа с негодованием увидела это сухое чиновничество, вторгающееся в дома и допрашивающее каждого: «как ты веришь?»¹.

Но закончим беглый обзор архивных данных по Нижегородской епархии. «Дело» № 420 о сектанте из села Маресево Лукояновского уезда². Епископ Владимир в отчете о состоянии епархии за 1890 год отмечает, что в Сергачском уезде — пашковцы³. Так и было, если вспомнить что граф В. А. Пашков, один из видных деятелей движения евангельских христиан с центром в Санкт-Петербурге, имел поместья в Нижегородской губернии и был очень активен в своей деятельности, за что и поплатился высылкой из России пожизненно; умер в Риме.

Отпадающих от православия было все больше, так что нижегородские благочинные должны были составлять рапорты и специальные ведомости о совратившихся. В архиерейских отчетах читаем, что пастыри с терпением объясняли заблудшим их заблуждения, но дело о возвращении их не продвигалось.

«К сожалению, должно сознаться, что немногие из священников умеют говорить с народом живым, понятным языком»⁴.

«Если священник произносит поучение с церковной кафедры, то содержание этого поучения, большею частию, состоит из общих, отвлеченных понятий Веры и правил нравственности; общими чертами изображается пороки человека и обязанности христианина без всякого приложения к жизни своих пасомых»⁵.

Если мы упомянули — как будто бы совсем некстати — об униатах, которых в Нижегородской епархии не было и в помине, то это лишь для того, чтобы показать, с каким сложным явлением приходится иметь дело при изучении нашей истории и как невозможно все четко систематизировать. Тут случаются находки в архивах совершенно по разным ведомствам, сбивчивые и противоречивые официальные сведения. В последнее время усилилась настойчивость православной Церкви вернуть себе государственные архивы, относящиеся к епархиальной жизни, что вполне понятно. Если это произойдет, то изучение проблем истории России еще более усложнится.

Профессор А. Воронов в 1884 году писал в «Русском Вестнике»:

«Важнейшие церковные обряды и церемонии, исполненные глубокого смысла и значения, — погребение, поминовение усопших, закладка дома, крещение, а также праздники, особенно храмовые, сопровождаются обильными возлияниями Бахусу, сборищами и гульбищами у корчмы со всеми вытекающими отсюда безобразиями, ссорами, драками..., переходят в дома, и здесь являются причинами бесконечных неприятностей, отравляющих всю жизнь членов

семейства»¹.

Каков был образ жизни по-православному, может рассказать картина Перова «Крестный ход», где именно Бахус был богом, которому кадили и поклонялись, а христианский праздник был лишь формальным поводом. Кстати, художника ни тогда, ни сейчас не обвинили в клевете на духовенство — спорить с очевидным было бессмысленно.

По свидетельству архиепископа Никанора Херсонского, в те годы «на одного наполовину невежественного в вере приходилось сто совершенно темных». И после пастырского посещения храмов он пишет:

«Из служения причтом всенощной мы вынесли тягостнейшее впечатление. Боже мой! И это приходится слушать часами! Тут страдает все: и вкус, и слух, и нервы, и сердце!»².

Синод делает соответствующие распоряжения, о чем мы судим по циркуляру Воронежской консистории (из текста явствует, что явление это общее):

«На основании указа Святейшего Правительствующего Синода от 19 июня с/г, воронежская консистория предписывает в приходах преподавать христианское учение, и чтобы язык был в сих поучениях внятный и простой, «без классической сухости». Ежедневный опыт уверяет, что многие, именуясь православными, пребывают в состоянии духовного неведения; недостаточно разумеют и не могут пояснить, во что веруют; исполняя обряды, не ведают их духовного значения и примешивают к ним суеверные обычаи; поступки постыдные, сквернословие не считают грехом; напротив, некоторые пороки, например, мщение принимают за добродетель... Ныне при усиливающейся всюду потребности в просвещении ума и сердца, при умножении ложных учений и самочинных учителей, отвращающих юные души от послушания веры, — настает великая нужда церковного наставления для православного народа, и доколе есть неведающие, заблуждающиеся, должны быть и наставники»³.

В Воронеже одно время издавался ежегодник «Воронежская старина». Один священник не поленился собрать сведения о суевериях людей среднерусской полосы (в каждой губернии имелись свои дополнения):

«Вихрь поднимается при беготне и игре чертей. О медведе говорят, что он был царь и пожелал быть Богом, а жена — Божьей Матерью; за это Господь наказал его и обратил в зверя. Осина считается проклятым деревом; по преданию, на ней повесился Иуда; с тех пор она всегда трепещет. При зевании нужно совершать крестное знамение над устами, чтобы не вселился в уста сатана. Чиханием сатана отнимает здоровье и силу у человека, если никто не скажет ему: «Будь здоров»; после чего сатана становится бессилен. В понедельник не делают квас, так как в таком квасу русалка купает утопленников. В пятницу не пекут хлеба, не прядут пряжи, — по верованию: кто пятницу не почитает, у того Матерь Божия снимет череп и кострикою засыплет; оттого будет вечно болеть голова. Если сосуд с водой на ночь оставить открытым, то вода к употреблению не годится, так как в ней купалась нечистая сила»⁴.

По-видимому, такие же примеры можно привести и для других губерний.

Несколько лет назад в Воронеже проходила международная конференция памяти О. Э. Мандельштама. Если раньше участников в последний день развозили по местам

революционной славы, то ныне повезли в Задонский монастырь. Там местный монах долго рассказывал о находящейся одесную его иконе Божьей Матери. Эту икону, оказывается, написал в свое время апостол Лука во время тайной вечери со Христом; ввиду того, что написать лик Присно–девы было не на чем, апостол Лука сделал это на крышке стола; таким образом все это в целости и сохранности дошло до нас. Помнится, монаха того звали Никодимом; он очень долго укорял стоявших перед ним интеллигентных женщин, что они делают для своих косметических нужд маски из спермы. И так далее. Но возвратимся к иконе: апостола Луки как такового не было, а был евангелист, что не одно и то же; он не мог присутствовать на известной тайной вечере вместе со Христом перед Его страстями, так как Лука уверовал много позже; Матери Иисуса там тоже, если следовать тексту Евангелия, не было; наконец, и стола там тоже не было, так как, по тогдашним обычаям, вкушали пищу, возлежав на циновках или коврах (по достатку); Леонардо да Винчи на своей картине изобразил, возможно, итальянский быт, но не палестинский. Вроде бы мелочи. Конечно, но из таких мелочей ткалась ткань христиано–языческих представлений, и современники не случайно и употребляли слово «язычество» по отношению к православию.

Это был не «хлеб жизни» — говорим словами Христа, потому и не удивительно, что народ удовлетворял духовные потребности в своих оригинальных праздниках (вспомним тургеневского Касьяна).

«Это учение, призывающее к разрыву с общественным ярмом, со всем ненавистным, что давала окружающая жизнь, оправдывавшее давнюю склонность русского простонародья к бегству от разных горя–злосчастий, затрагивало за живое умы и сердца народные, возвещало всем закрепощенным и алчущим новой жизни светлый свободный путь»¹.

В. В. Розанов в православном мире многие недолюбливают за откровенно высказываемые взгляды. На самом деле он болел и скорбел душой от увиденного и хотел, чтобы православная вера не была запятнана. Может быть, неприятно услышать диагноз болезни, но ведь правильно поставленный диагноз — половина лечения. В своей книге «В темных религиозных лучах» он пишет:

«Русские были крещены в 988 г. при киевском князе Владимире от греческого духовенства. Хотя они приняли христианство еще до формального и окончательного разделения Церкви на Восточную и Западную, — однако так как связи у них были только с одной Византией, то по скором отделении Византии от Западной Церкви и русские были уведены из древнего общего христианского русла в специальный поток византийского церковного движения. Или, исторически точнее: русские вслед за Византией вошли как бы в тихий, недоступный волнениям и вместе недоступный оживлению затон, тогда как западноевропейские народы, увлеченные за кораблем Рима, вступили в океан необозримого движения, опасностей, поэзии, творчества и связанного со всем этим черным трудом неблагообразия. Разница между тишиной и движением, между созерцательностью и работой, между страдальческим терпением и активной борьбой со злом — вот что психологически и метафизически отделяет Православие от Католичества и Протестантства и, как религия есть душа нации, — отделяет и противопоставляет Россию западным народностям»².

«Византийцы частный повод своей ссоры с папами, а именно упрёки константинопольского патриарха Фотия папам за некоторые формальные отступления от «Устава церковного» (другой способ печения просфор и т.п.), возвели в принцип, окружили нервностью, придали ему принципиальное значение и постарались всю эту мелочность поводов разделения привить вновь крещенному народу, новому своему другу, помощнику и возможному в будущем защитнику

своей исторической дряхлости. Разлагаясь, умирая, Византия нашептала России все свои предсмертные яроги и стоны и завещала крепко их хранить России. Россия, у постели умирающего, очаровалась этими предсмертными его вздохами, приняла их нежно к детскому своему сердцу и дала клятвы умирающему — смертельной ненависти и к племенам западным, более счастливым по исторической своей судьбе, и к самому корню их особенного существования — принципу жизни.

... Дитя-Россия приняла вид сморщенного старичка. Так как нарушение «Устава» папами было причиной отделения Восточной Церкви от Западной, или разделения всего христианства на две половины, то Византия нашептала России, что «устав», «уставность» — это-то и есть главное в религии, сущность веры, способ спасения души, путь на Небо. Дитя-Россия испуганно приняла эту непонятную, но святую для нее мысль; и совершила все усилия, гигантские, героические, до мученичества и самораспятия, чтобы отроческое существо свое вдавить в формы старообразной мумии, завещавшей ей свои вздохи»¹.

Горестные, но не злорадные размышления. И если довлели уставность, обряды и окрашенные под христианство поверья (рекомендую читать книгу дьякона Андрея Кураева «Оккультизм в православии»), то не станем удивляться, что «религиозное неведение доходит до невероятного. Если вы спросите кого-нибудь: «Кто важнее, Святой Николай или Христос?», — то в большинстве случаев получите ответ: «Конечно, Святой Николай»².

Журналист С. Мельгунов в своей статье «Какая должна быть церковь в свободном государстве» сетовал:

«Существовал такой порядок: родившийся в православной вере должен был на всю жизнь оставаться православным, хотя бы на деле он признал другое вероучение более правильным; власть строго следила за тем, чтобы не было открытых выступлений от господствующей веры. В глубине души, конечно, всякий мог верить по своему желанию..., но никто не смел об этом говорить открыто и хотя бы лицемерно должен был показывать себя верным сыном господствующей церкви. Так государство приучало своих подданных ко лжи и притворству»³.

Насилие влекло за собой невежество. Священник Г. Петров, в начале нашего столетия много подвизавшийся на ниве духовного просвещения, писал:

«Крестьяне крестят своих детей, венчают, ходят на исповедь или «на дух», как они говорят, ходят в церковь, соблюдают посты и праздники, служат панихиды, молебны просто потому, что не делать этого — «грех». А в чем этот «грех» заключается — они не знают. Стоя в церкви, они вслух между собой разговаривают. После службы заходят по пути в кабачок. Во время крестных ходов они так же ведут беседы, полагая, что главное дело заключается именно в обнесении икон около деревни, а не в молитве. А если бы священник отказался ходить около деревни в праздник, то они, наверное, устроили бы бунт. Иконы они называют богами, безразлично, будут ли на них изображены Спаситель или святые. «Вишь, Боженьку принесли», — говорит мать ребенку при входе священника с иконами. Если ребенок, играя в руках матери, ударил ее ладонью по лицу, мать, показывая ему на икону, говорит: «Не смей драться, а то Боженька-те палкой — у! у!». В одной из записанных мной былиц рассказывается, как деревенский сход хотел продать икону Николая Чудотворца за неисполнение данного обещания. «Продадим его», т.е. образ, «а то какой же это бог, коли он смотал (обманул)» — советуются между собой крестьяне»⁴.

Упоминавшийся уже нами Г. М. Калинин в эпиграфе своей книги поместил высказывание известного славянофила И. О. Аксакова:

«Свободное мнение в России есть естественная опора свободной власти, — ибо в экстазе этих двух свобод заключается истинная крепость земли и государства»¹.

Славянофилов очень часто понимают превратно и однобоко; будто бы вся их заслуга заключалась в том, что они отстаивали русское «древнее благочестие» в противовес западникам. Даже такой светский человек, как С. Ю. Витте, бывший в начале нашего столетия председателем Комитета Министров, обнаруживая глубокую озабоченность по поводу духовного состояния в России, понимал роль славянофилов гораздо глубже:

«Между тем если взирать на будущее не с точки зрения, как прожить со дня на день, то, по моему мнению, наибольшая опасность, которая грозит России, — это расстройство церкви православной и угашение живого религиозного духа. Если почтенное славянофильство оказало России реальные услуги, то именно в том, что оно выяснило это еще пятьдесят лет тому назад с полной очевидностью»².

Как видим, славянофилы были реалистами и ситуацию оценивали трезво.

Мы приводим в данной работе мнения людей весьма православных, не принадлежащих к какому-либо оппозиционному кругу. Информация наиболее правдива тогда, когда по времени максимально приближена к изучаемой ситуации.

«Что такое было у нас в области веры до 17 апреля (Манифест о даровании начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. — А.Б.) — ум мрачится думать, да и на языке совестно формулировать. Стоял какой-то «график» вер, как стоят «графики поездов» на железнодорожных станциях... Сколько бы живой человек, какой-нибудь федосеевец ни говорил, что он «не православный», или литовец и белорус ни кричал, что он католик или униат, — делалась простая справка, как были «записаны» его родители, часто 30–40 лет назад и под давлением специальных «временных мер», — и по справке этой писался «православным» человек, ни разу в православном храме не бывавший и, словом, вовсе не православный. Все текло «по документам», ничего по живому состоянию души. И вот вступал человек на службу, по документу православный, в действительности никогда им не бывший. Начинались требования, чтобы он ходил на исповедь и к причастию в православный храм, крестил детей в православии, когда ни он, ни родители его никогда православными не были, а только родители или деды под влиянием застрашивания какого-нибудь Собакевича 40–60 годов назад дали почти немое согласие на занос их в «православные вероисповедные росписи», или даже и согласия не давали, а только в страхе промолчали на вопрос, уже содержавший в себе и ответ: «так мы вас запишем в православные? не опротестовываете?...»³.

Г. М. Калинин говорит о том, что вероисповедная принадлежность к православию или к неправославию влияла на человека по службе. Не будем наивными и не станем делать вид, что это была лишь формальность. И не злобным наветом звучат горестные слова современника тех лет:

«Пастыри церкви... думают лишь о том, чтобы стадо численностью было цело, а что их овцы томятся от голода и жажды, до этого им нет никакого дела. Такой порядок вещей возможен лишь в омертвелом общественном организме, и наша церковь, насколько она есть человеческое общество, действительно

омертвела оттого, что мы уморили лежащее в ее основе начало соборности»¹.

Далее Калинин как бы вступает в полемику; он хорошо знает вопросы своих оппонентов и отвечает им их же аргументами. Известно — и это до сих пор широко практикуется, — что ссылки на предания или мнения Соборов являются для православного человека весомым аргументом, и автор как бы парирует, приводя выдержки из Апостольских правил или постановлений того или другого Собора. Для нас это будет звучать непривычно, но все же познакомиться с некоторыми «выборными местами» нужно.

«Епископ или пресвитер, или диакон игре или пьянству преданный, или да перестанет, или да будет извержен». «Иподиакон, или чтец, или певец, подобное творящий, или да перестанет, или да будет отлучен. Такжеже и миряне»².

И после каждой выдержки стоит вопрос автора — «Кто теперь считается с этим правилом?»

«Вчиненным единожды в клир определено не вступать в мирской чин: иначе дерзнувших на сие и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали, для Бога, предавать анафеме (отлучению от Церкви. — А.Б.)»³.

«Епископы или клирики, украшающие себя... пышными одеждами, да исправляются; аще же в том пребудут, подвергать их эпитимии (церковному наказанию. — А.Б.)»⁴. —

И Калинин:

«Вспомните разноцветные шелковые и бархатные рясы наших пастырей и архипастырей».

«Кровь какого бы то ни было животного каким-либо искусством приготавливающих в снедь и тако оную ядущих благорассмотрительно эпитимии подвергаем. Аще убо кто отныне ясть будет кровь животного каким-либо образом: то клирик да будет извержен, а мирянин да будет отлучен»⁵.

И напоминание: «Вспомните бифштекс с кровью», вкушаемый клириками и пастырями.

Г. М. Калинин приводит целый ряд нарушений правил различных Соборов священством. Заканчивает он так: «Не будем касаться фактической стороны дела — вопроса о том, кого уже давно приготавливают наши духовные академии в кандидаты на епископство в лице разных отставных офицеров, гимназистов, «смирненных» юношей из семинарии и прочих неудачников, потерявших естественную надежду стать в жизни не ниже своих товарищей и потому давших «кому следует» обет монашества в огнеопальном чаянии архиерейства»⁶. Чтобы кто не подумал, что это — выдумки, напомним, что «Миссионерское обозрение» (издание православное) опубликовало это в 1905 году в № 7–8.

Весьма эмоционально цитирует Калинин «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1898 год № 341, где митрополит Палладий восклицал:

«Где теперь Церковь? Где она? Нет ее!»⁷.

Известен тезис, что небесная благодать, снизошедшая на рукоположенного священника, остается на нем всегда, независимо от того, живет ли по-христиански этот священник или нет. Так внушали людям, чтобы упрочить в сознании непререкаемость авторитета церковнослужителя. В. В. Розанов в статье «Талантливость и бесталанность в духовенстве» писал:

«Отец Матвей Ржевский кричит Гоголю (при первой встрече): «Зачем не подходите под благословение мое? Значит, бегаєте благодати?». Он сам себе представляется каким-то мешком с благодатью, из которого она сыплется, как мука. Это, можно сказать, зверски-невежественное понятие о благодати и смешение себя с Богом — очень распространена как на Западе, так и у нас. «Значит, вы Богу не хотите повиноваться», — говорят вам, если вы выказываете поползновение не повиноваться духовному лицу; — «значит вы Бога не признаете», — отвечают вам на попытку полемизировать с явно невежественной статьей духовного журнала. Развился фетишизм лица, фетишизм фигур, фетишизм целого сословия: они все — маленькие боги, ходящие среди человеков, — и движущиеся мощи, каждая ждущая своей канонизации»¹.

«Тяжко от этой несломимой гордыни. Гордыни, источник которой — смерть сердца и память прошлого, непоправляемого, принцип которого — неисправимость»².

Не думается, что все лица, мнения которых здесь приводятся, являлись злопыхателями по отношению к казенной религии. В их словах слышна боль и желание лучшего.

«Там, где нет свободного обмена мыслями, свободы слова и суждений, — нет жизни. Казенная, обязательная вера потеряла силу. Церковь была как бы разбита параличом, по меткому выражению одного глубоко верующего человека, знаменитого русского писателя Достоевского; церковь стала напоминать сухую смоковницу, — как выразился другой писатель Мережковский. И все истинно верующие люди уходили от нее»³.

Такой же горечью наполнены и размышления неоднократно упоминавшегося юриста А. Ф. Кони:

«Вместе с тем, наше религиозное развитие давно уже мерцает очень слабо. Религиозные начала в течение десятков лет, за немногими исключениями, являлись у нас замкнутыми в рамки формализма, — и у многих живые основы верований систематически заслонены и даже упразднены мертвою обрядностью. Говорить о вопросах веры, сознаваться, что интересуешься ими и тревожишься их разрешением в ту или другую сторону, значило, по большей части, рисковать прослыть неразвитым, скудоумным человеком»⁴.

После такой совершенно непредвзятой оценки религиозного состояния народа уже не удивляешься результатам одного исследования, о котором упоминает священник А. Полозов

«...в результате одного опроса учащейся молодежи, что она читает — получились нижеследующие красноречивые ответы: в центре внимания стоят Дарвин и Тимирязев. Естествознание занимает первое место. Непосредственно за ним следует литература политико-экономическая (Зомбарт, Исаев, Чупров). В литературе читают: Ницше, Толстого (691 отв.), Горького (586), Достоевского (3-е место), Тургенева (470), Чехова и затем Писарева (437) и Добролюбова. Пушкин,

Лермонтов и Гоголь получили лишь только 100 ответов. Печально—одинокое место занимает в этом великом деле влияние на учащихся наш православный отец—законоучитель»¹.

И контрастом звучат слова любования христианским невежеством священника—миссионера И. Айвазова:

«В результате получилась простодушная, своеобразная, древнерусская религиозность, бедная своим внутренним содержанием, но богатая самой причудливой и разнообразной внешностью. Будучи таковой, она не в состоянии была преодолеть даже глубокую тьму языческих суеверий»².

Так что своеобразным предсказанием были опасения С. Ю. Витте:

«Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов... Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует... У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковное служение — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России»³.

Религиозная, в частности христианская, вера — не есть предмет отвлеченных рассуждений, и ее нельзя подменять обрядоверием. Это нравственно наказуемо. Мы помним из «всепопданнейших Отчетов», из рапортов благочинных, что вменяемое всем русским в обязанность быть обозначенными в определенном формальном религиозном состоянии приводило к прямо противоположным результатам.

«Что же касается до тяжелого вопроса о проституции, то в этом отношении мы ограничимся ссылкой на известную речь по сему предмету сенатора А.Ф.Кони, который на основании добытого им материала, указывал, что среди петербургских падших женщин и девушек оказался поразительно малый процент из старообрядок—раскольников, и, как нам удалось выяснить, причиной тому служит решение старообрядческой церковной общины не допускать своих женщин и девушек до позорного ремесла» («Русские Ведомости» Д891, № 84)⁴.

Вынужденно пространный экскурс в прошлое автор данной работы оправдывает и объясняет тем, что нужно хорошо представлять себе фон, на котором развилось неправославное мышление, пожелавшее веру свою основывать не на легендах, а на Евангелии. Как на Западе Реформация началась со времени перевода Библии с латинского языка (*Вульгата*) на немецкий и, позднее, на другие национальные языки, так и в России решающим фактором оказался перевод той же Библии на русский. Народ был невежествен в вопросах веры (для этого мы и приводили характеристики современников), но одичал не настолько, чтобы духовные запросы ему были совершенно чужды, — о распространившемся духовном голоде мы также читали. Слово «одичал» сказано не в укор самому народу, а тем условиям, в которых он был вынужден жить. Похоже, слова поэта:

«там рабство дикое, без чувства, без закона,
присвоило себе насильственной лозой и труд,
и собственность, и время земледельца,
там девы юные цветут
для прихотей развратного владельца» —

воспринимаются нами сейчас как некая метафора, хотя и зловещая.

Конечно, можно обвинить автора в том, что он «люто ненавидит Россию», как и было сделано, когда он опубликовал ряд своих статей на эту тему. Найдутся и «аллилуйщики» из вчерашних комсомольцев и партийцев, как и из сегодняшних фашистов. Но — если сказать без патетики — пусть рассудит нас Бог. А история, похоже, ничему не учит.

Ко времени, совпавшему с отменой рабства, был издан Новый Завет. Трудно сейчас сказать, каков был по объему первый тираж, но когда Новый Завет несколькими годами позже был издан уже в большом количестве, то весь этот тираж был сожжен на кирпичных заводах Санкт-Петербурга... по распоряжению Св. Синода. Причина? — Простому народу нельзя читать Евангелие; видимо, у членов Синода, митрополитов, были серьезные опасения, что молодое вино, влитое в старые мехи, с неизбежностью прорвет их, — а это для духовенства процесс неуправляемый и непредсказуемый. Уж лучше «устав», «уставность», по словам Розанова, чем новые неудобные вопросы, честный ответ на которые был бы не в пользу самого духовенства.

Как бы там ни было, желание найти и прочесть (а многие и учились грамоте, чтобы только иметь возможность самому прочесть) таинственное Евангелие (оклад которого давали в храмах лишь поцеловать) было в народе настойчивым. Благодаря книгоношам люди могли купить эту Книгу буквально за символическую плату — Российское Библейское общество, возродившее свою деятельность после запрета Николаем I в 1826 г., изыскало возможность издавать для бедных дешевые Евангелия.

Предложение всегда определял спрос, духовный голод требовал утоления, и православные люди стали самостоятельно читать Евангелие, и с ними стали происходить перемены: они переставали пьянствовать, к семье, к труду относились уже как подобает христианину. Но вместе с тем стало заметно охлаждение к православию. Если, как мы видели из рапортов благочинных, и раньше народ ко храмам Божиим не притекал, то теперь отток становился все более сознательным. Человек должен становиться христианином через осознанный приход к Богу, а не в силу обязательного детокрещения по происхождению. Они вычитали из Евангелия «даром получили, даром и давайте», а им во храмах с рождения до смерти в буквальном смысле этого слова приходилось за все платить, когда платить, оказывается, не надо было ни за что, ибо духовное благословение за деньги не продается. Как тут возразить этим простолюдинам? —

«...как будто бы и без этого мало нас притесняют и разоряют попы; отдельно мы платим за крестины, за обедню, за причастие, словом, при всяком удобном случае поп берет с нас деньги. Теперь попы выдумали новый источник доходов: кто венчается после 8 часов вечера, платит 25 рублей; они нам причастия не дают без денег...»¹.

Но, конечно, не только в деньгах было дело. За то, чтобы священники за нас решали наши вопросы перед Богом, люди более грамотные и развитые и сейчас готовы отдавать деньги за всякие требы, лишь бы переложить ответственность личной совести перед Богом на жреческую касту. Повторяем, дело было не только в этом. Ведь читали же мы циркуляры Св. Синода, чтобы пастыри учились разговаривать со своей паствой на понятном языке. Но что могли дать народу пастыри, когда они знали одни требы и праздники? Ведь одной моралью сыт не будешь. Так что Евангелие, ставшее настольной книгой у пожелавшего править свою жизнь по нему, а не по языческим обычаям, — это Евангелие стало катализатором тех процессов, которые неизбежно и должны были происходить.

Но здесь нам придется прервать последовательность изложения. Одни фактические данные, которые мы собираемся приводить, будут мало понятны, если мы не познакомимся с той негативной ролью, которую сыграл в вероисповедной жизни России обер-прокурор Св.

«Вице–император»

Историки разных школ по–разному оценивали роль личности в истории. Однако обойти вниманием личность Константина Петровича Победоносцева, с 1880 г. по 1905 г. занимавшего пост обер–прокурора Святейшего Синода, невозможно. Он был влиятельнейшим лицом в правительстве при трех императорах. Кое–кто называл его даже «вице–императором», и мы видим в этом косвенное подтверждение его влияния. Автор данной книги не склонен абсолютизировать роль Победоносцева, но не считает правильным и умалять ее.

Вехи его жизненного пути, ступени его восхождения, закончившегося в общем–то бесславной кончиной (конкретное место захоронения до сих пор предположительно), мы описывать не будем. Нас интересует только, если можно так сказать, «профессиональная деятельность» К. П. Победоносцева в русле темы данной книги.

Владимир Соловьев и Сергей Трубецкой отдавали себе отчет, когда совместно написали эпиграмму на «вице–императора»:

*«Сановный блюститель
Духовного здравия,
Ты, рабства, бесправия,
Гонений ревнитель,
Кощей православия!»¹*

Обозначенный период можно по праву назвать победоносцевским — в течение четверти века К. П. Победоносцев победоносно реял черным ангелом над инославящими христианами. Хотя А. Блок скажет о нем иначе:

*«В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла;
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл...»*

Можно не соглашаться с поэтом относительно «сна и мглы», потому что Россия не спала; да и нельзя назвать «мглой» время, когда общественную мысль представляли такие корифеи, как Тургенев, Некрасов, Толстой, Достоевский, Соловьев, Чехов, Лесков, Короленко. Но все же «совиные крыла» покрыли своей тенью всю империю (вспомним письма Лескова).

Невозможно забыть фотографический портрет Победоносцева: почти голый череп, запавшие глазницы, из которых смотрят леденящие душу глаза, настороженно растопыренные уши, «совиные крыла»... Как не вспомнить мудрое наблюдение, что лицо — зеркало души. Предоставим, однако, слово тем, кто знал его воочию. Послушаем, как они воспринимали Победоносцева в период, когда освобожденные крестьяне, студенты, правоведы, философы, журналисты, немалая часть духовенства хотели, чтобы россиянин обрел, наконец, право самостоятельно решать свою судьбу хоть в религиозном, хоть в каком ином смысле.

Как ни сильно было влияние обер–прокурора Св. Синода, но под напором возмущения засильем этого Святейшего ведомства, который князь Евг. Трубецкой назвал «духовным

департаментом полиции», Николай II вынужден был в 1905 г. отправить Победоносцева в отставку. Перед этим отмечался своеобразный юбилей — четверть века его руководства Синодом. Касаясь празднования Победоносцевым весной 1905 года 25-летия службы в звании обер-прокурора Св. Синода, газета «Гражданин», которую уж никак нельзя заподозрить во враждебности к консерватизму, беспощадна в своем приговоре:

«Страшна была, — пишет князь В. П. Мещерский, — роковая судьба нашей церкви в лице ее Синода: в течение каких-нибудь 60 лет три долгих века аракчеевых в должности обер-прокурора — первый (граф Протасов) в лице воспитанника иезуитской школы, второй (граф Толстой) в лице деиста, третий (К. П. Победоносцев) в лице самого, казалось бы, фанатичного любителя культа церкви православной. Результаты оказались одинаковы: все трое сыграли одну и ту же роль Аракчеева по отношению к церкви, заглушив все живое, самостоятельное и независимое и требуя рабского перед своей личностью преклонения...»¹.

Оказавшись не у власти, Победоносцев, будучи уже глубоким стариком, все-таки пытался замедлить процесс церковного реформирования. Первенствующий в Синоде митрополит Петербургский Антоний и председатель Комитета министров С. Ю. Витте старались ускорить принятие решения о церковной реформе, о возвращении к православной соборности, — и даже в преддверии смерти Победоносцев посылает царю свои многочисленные возражения по поводу подготавливаемого проекта. Трудно все перечислить, но по каждому пункту у него в разных вариациях следует лишь одно: «нельзя».

Сразу после смерти отставного обер-прокурора Св. Синода Николай Бердяев пишет о нем статью «Нигилизм на религиозной почве», пишет со свойственной ему интеллигентной сдержанностью и с нескрываемой христианской болью:

«Победоносцев вызывал к себе жгучую ненависть, он был надеждой темных сил, долгие, тяжкие годы был он кошмаром русской жизни. Но, когда читаешь его, ненависть слабеет: звучат у него такие искренние ноты, искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому быту...

Какая основная черта Победоносцева, его умопостигаемый характер? — *Неверие в силу добра* (выделено Бердяевым. — А.Б.), неверие чудовищное, разделяемое русской официальной Церковью.

...Победоносцев был религиозный человек, он молился своему Богу, спасал свою душу, но к жизни, к человечеству, к мировому процессу у него было безрелигиозное, атеистическое отношение; он не видел ничего божественного в жизни, никакого отблеска Божества в человеке: лишь страшная, зияющая бездна пустоты открывалась для него в мире, мир не был для него твореньем Божиим, он никогда не ощущал божественной мировой души. Этот призрачный, мертвенный старик жил под гипнозом силы зла, верил в зло, а в Добро не верил... Он — из числа загипнотизированных грехопадением, закрывшим бытие, отрезавшим от тайны Божьего творения.; добро, божественное не имеет объективной силы, на нем нельзя строить жизнь, с силой добра нельзя связывать никаких исторических перспектив»².

Бердяев делает отступление:

«Государственный абсолютизм есть учение православия о том, как устроить землю, как задержать победный ход зла в мире. Русский абсолютизм называют теократическим, но очень неточно: освященный православием абсолютизм есть результат неверия православной Церкви в возможность теократии на земле, Царство Бога и правды Божией на земле. Так как Божья правда не для земли, а для неба, то на земле пусть насилием удерживает человечество от зла государственная

власть, — вот суть православного учения об абсолютной монархии.

...Победоносцев — трагический тип, это один из тех, в которых христианство убило Христа, для которых Церковь закрыла Бога. Христос сделал Бога бесконечно близким человеку, усыновил человека Отцу Небесному; дух Победоносцева делает Бога бесконечно далеким человеку, превращает сына в раба»¹.

«Почему Победоносцев, скептик во всем, так верит в государство, в его добрую природу? Только государственная власть казалась Победоносцеву хорошей и доброй, единственной светлой точкой на земле, тут скепсис его прекращается. Это понятно.

...Это все та же теория и практика Великого инквизитора, не верившего в человечество, спасавшего его с презрением и насильственно. Атеистический дух инквизитора движет Победоносцевым, он, подобно этому страшному старику, отвергает свободу совести..., отстаивает религиозный утилитаризм... Повторяю, я не сомневаюсь, что Победоносцев был лично религиозный человек, что душа его питалась культом и таинствами православной Церкви, но для мира и человечества в нем ничего религиозного не было, одна пустота, заполненная призраком государственной власти»².

О победоносцевском обскурантизме с горечью писал и известный юрист А. Ф. Кони:

«Мог ли я тогда думать, что через четверть века после этого тот же Победоносцев, к которому я вынес из Университета большую симпатию как к своему профессору, будет мне говорить с презрением «о той кухне, в которой готовились Судебные уставы», и, сделавшись моим влиятельным хулителем, станет жаловаться на то, что я «ставлю палки в колеса» миссионерской деятельности православного ведомства моими публичными обер-прокурорскими заключениями по вероисповедным преступлениям, дела о которых доходили до уголовного кассационного департамента, — и настаивать, чтобы некоторые согласные с этими заключениями решения Сената, вопреки закону, не печатались во всеобщее сведение?»³.

А. Ф. Кони был авторитетом в области юриспруденции, обер-прокурором Уголовного Кассационного департамента при Сенате; до него доходили «дела» осужденных за религиозное инакомыслие. По каким-то из этих «дел» Кони публично выступал, показывая вопиющее беззаконие, творившееся при судебных производствах.

В. В. Розанов опубликовал статью «Скептический ум», где рассуждает о «Московском сборнике» Победоносцева.

«Неужели люди так глупы и непоправимо глупы, что могут только сломать шею, идя вперед. Неужели люди так дурны в обыкновенном и пошлом смысле, что если они хотят идти вперед, то делают это как злые и испорченные мальчишки, только с намерением дебоша, а не чего-нибудь прекрасного?.. Автор как бы рассматривает все худое в увеличительное стекло, а все доброе в отражении вогнутого уменьшительного зеркала»⁴.

«Автор любит многие институты: Церковь, отечество, закон; больше всего — церковь и древности. Но человека в его индивидуальности? Не видим этого. Человек представляется ему несчастным червяком, который ползет в великом мавзолее истории. Это бедное и неверное представление»⁵.

В статье «Когда начальство ушло...» Розанов припоминает инцидент, случившийся в

жизни тогдашнего обер-прокурора:

«Однажды в Севастополе Победоносцев, всходя на палубу, оступился на сходни и упал в воду на глубоком месте. Нашелся добрый чудак, который его вытащил. Это — Осип Фельдман, известный гипнотизер. Затем между спасителем и спасенным произошел следующий выразительный разговор:

«Это вы меня вытащили? — Я. — Благодарю. — Помилуйте! Мой долг. — Ваша фамилия? — Фельдман. — Какого исповедания? — Еврей. — Креститесь». Этот благочестивый совет был единственным знаком признательности...»¹.

Розанов припоминает протокольные выдержки из речи только вступившего во власть обер-прокурора Победоносцева на заседании Государственного Совета 8 марта 1881 г.:

«Что такое конституция? Орудие всякой неправды, источник всяческих интриг»;

«К чему привело освобождение крестьян? К тому, что исчезла надлежащая власть, без которой не может обойтись масса темных людей»;

«Что такое новые судебные учреждения? Новые говорильни адвокатов...»;

«Что такое печать? Самая ужасная говорильня, которая... разносит хулу и порицание на власть...»².

И далее:

«В царствование Николая I Апраксин или Бутурлин откровенно заявили, что Евангелие следовало бы запретить, если бы оно не было так распространено. Победоносцев Евангелие не запретил, но упорно изгонял из России, душил ссылкой и тюрьмой всех людей, желавших жить по Евангельскому идеалу... В своей статье о школе он прямо протестует против введения Евангелия в систему школьного образования. И, действительно, с тех пор, как Победоносцев имеет влияние на судьбы русского просвещения, религиозный элемент угас в последнем, окончательно сменяясь церковно-обрядовый... Я не знаю, верит ли в Бога г. Победоносцев, да и не мое это дело, но смело утверждаю, что никто более Победоносцева не содействовал падению веры в Бога среди школьных русских поколений; никто не принизил так религиозности русского народа, обратив ее в пустую, сухую, но скучно и досадно требовательную государственную повинность и формальность; никто не дал вящего соблазна к бегству сколько-нибудь свободных умов в материализм и атеизм, для которых, однако, г. Победоносцев имеет дерзость вздыхать по средневековым кострам»³.

Заканчивает Розанов весьма резко: «Но люди религиозного мирозерцания ненавидят и презирают его за то, что Победоносцев — это воплощенное царство от мира сего — разбивает и пачкает их идеал своим лжехристианским самозванством, что религию он превратил в полицию и священника — в участкового надзирателя по духовно-государственной части. У Победоносцева нет больших врагов, как те немногочисленные священнослужители, которые искренно веруют в свое призвание и в возможность проводить в народ евангельский идеал»⁴.

«Возвращаясь к вопросу о вере Победоносцева, мне кажется кстати повторить язвительное слово Владимира Соловьева: «если и верует, то — как бесы у апостола Павла, — верует и трепещет»⁵.

Бердяев был прав, когда признавал за Победоносцевым его искренность в отношении к государственной православности; более того, Победоносцев был убежден в том, что без самодержавной власти погибнет и православная Церковь ¹. Он исповедовал известную «симфонию» Церкви и государства. «При обсуждении в правительстве вопроса о сектантах, когда все уже согласилось, что необходимы послабления, Константин Петрович произнес следующую фразу: «Я знаю, господа, государства, в которых допущено обращение иностранной монеты, но я не знаю такого, в котором допускалось бы обращение фальшивой» ². Все, что не являлось православием, для обер-прокурора, профессора права, было фальшивой монетой, не имеющей права обращения в России. И таков дух законов, которые он фактически диктовал безропотным митрополитам, членам Св. Синода. Но зато как подписывал свои послания церковным иерархам: «Испрашивая молитв Ваших, с совершеннейшим почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства, Милостивого Государя и Архипастыря, покорнейшим слугою — К. Победоносцев». На самом же деле «милостивых государей и архипастырей он ни во что не ставил.

«На своем посту обер-прокурора Победоносцев оказал сильнейшее влияние на православную Церковь и государство в переходный период между XIX и XX столетиями. Профессор права и наставник императора Александра II... Победоносцев, несмотря на ум и усердие, был одним из тех, кто подготовил падение императорского строя. Отпечаток цинизма лежал на этом чрезвычайно консервативном государственном деятеле. Его полнейшее неверие в людскую честность и добродетель вело к политике угнетения в религиозной и культурной жизни» ³.

В этой же книге старого эмигранта, на которую мы сослались, приводится ссылка на журнал «В ограде церкви» (1933, № 3, Варшава), где припоминается характерный случай. Однажды один из почитателей Победоносцева выразил восхищение единодушием епископов на сессиях Синода под его председательством. Обер-прокурор презрительно ответил: «Они нарушают единство своими подписями: у каждого из них свой почерк».

Политический портрет К. П. Победоносцева можно было бы написать более привлекательными красками. У него были, и есть сейчас, почитатели, которые Церковь понимают не иначе как некую организацию, способствующую в тесной связке с государственной властью объединению нации. Как же не вспомнить Сергия Радонежского, благословившего князя Дмитрия на битву с татарами и своим духовным авторитетом способствовавшего собиранию русской земли. Может быть, Церковь и можно было рассматривать как государственную структуру, если бы у Церкви не было совсем иного предназначения. Уместно привести цитату графа С. Ю. Витте из его позднейших мемуаров:

«... он (Победоносцев. — А.Б.) усилил полицейский режим в православной церкви до крайности... История России могла бы принять другой оборот, и если бы это случилось, возможно сегодня мы не имели бы подлой и бесчувственной революции и анархии» ⁴.

Справедливости ради отметим: не Победоносцев сделал из православной Церкви духовно-полицейское ведомство; многие говорят, что начало тому положил Петр Великий. Следует, однако, признать, что упразднение патриаршества было реакцией Петра I на чрезмерное и нескрываемое желание православной Церкви в предшествующие века стать выше царя. После Петра светский человек единолично правил Церковью (а через него

фактически сам государь).

«Обер-прокурор имеет в русской церкви такую власть, какой не может иметь никакой патриарх. Всякий патриарх в своем округе ограничивается мнением своего Синода и собирающихся в церкви соборов, а обер-прокурорская власть в России со стороны церковной ничем не ограничивается. Будучи исключительным посредником между светской властью и Синодом, обер-прокурор никому не представляет отчета в своих действиях, кроме одного Государя, и притом представляет в таком виде, как сам хочет; апелляция почти что невозможна... Никто не может обличить его ни в какой неисправности или своеволии; все находится в безусловной зависимости от него. Над всяким решением собственно духовных членов Синода он во имя общих государственных интересов всегда может произнести *veto*»¹.

Такая же система власти церковной была на местах.

«В епархиальном управлении, вместо древнего собора пресвитеров, учреждены были так называемые «консистории» — бюрократические коллегии из четырех-пяти членов из духовенства, назначаемые Синодом по выбору епископа, при светском чиновнике-руководителе. Таким образом от представительства отдельных приходских обществ на епископальном соборе — в консистории не осталось и следа»².

Даже если не говорить о политике Победоносцева по отношению к многомиллионным неправославным христианам, она и для православной Церкви оказалась губительной.

«Крупным фактом, изменяющим судьбу и масштаб всего дела о церковной реформе, без сомнения, явился конституционный манифест 17 октября. После этого К. П. Победоносцев как крайний монархист и охранитель должен был подать в отставку, и на его место 20 октября назначен князь А. Д. Оболенский, человек более широких современных воззрений и с тенденциями к реформе Церкви в духе В. С. Соловьева. Уход железного канцлера нашей Церкви знаменует собой решительный перелом в ее жизни от рабства к свободе, от застоя к движению...»³.

Как мы говорили выше, даже после своей отставки Победоносцев делает все, чтобы повлиять на Николая II. Он чувствовал свой политический закат, и еще весной 1905 г. в его письмах императору звучат интонации человека, судорожно старческими руками цепляющегося за власть. Когда вопрос относительно отмены синодального управления православной Церковью и необходимости созыва всероссийского православного Собора был уже близок к разрешению, Победоносцев пишет царю:

«Они (русские люди. — А.Б.) испытали и знают, что архиерейское управление почти всюду наполнено неправды, хищений и самовластия. Все видели себе заступничество и прибежище в обер-прокуроре и теперь страшатся архиерейского всевластия»⁴.

Вот так сам обер-прокурор оценивал положение с церковной властью на местах.

Впрочем, этот штрих, напоминающий образ Иудушки Головлева, не кажется уже нанесенным искусственно. В свое время «железный канцлер», не погнушался под своим именем перепечатать книжку статс-дамы Бахметьевой, на что Вл. Соловьев отозвался эпиграммой:

*«В разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиэтист позорил имя Бога
И как юрист старушку обокрал»¹.*

И напоследок: «вице–император» знал, чего стоит насильственная обязанность быть православным, и в очередном письме Николаю II предостерегал:

«А на Востоке полный разгул будет мусульманам и бродячим проповедникам. Тысячи и десятки тысяч инородцев разом увеличат мусульманскую массу и дадут ей неизмеримую силу давления...»².

Его опасения пророчески сбылись; массовый отход от православной Церкви начался еще при последних днях жизни всесильного некогда обер–прокурора.

Все сошлось: и характеристика Н. Бердяева, когда он говорил о Победоносцеве как верующем только во внешнюю принудительную силу государственной власти; и замечание В. Розанова, что обер–прокурор не верил в доброе начало в человеке как творении Бога, потому и был циничен по отношению к этому человеку. Правы были и те, кто опасался, что политика террора и репрессий по отношению к инакомыслию со стороны Победоносцева обойдется России слишком дорого. Теперь же мы переходим к изложению религиозных нормативов, по которым обязаны были жить россияне. Решающее слово в законотворчестве было за Победоносцевым.

У кого учились большевики?

Мы открываем весьма непопулярную страницу нашей истории. Автор данного исследования знакомил с содержанием ряда статей религиозного законодательства своих знакомых, в этом вопросе совершенно неподготовленных. Их первой реакцией на услышанное было недоверие. И это здоровая реакция психически здоровых людей, потому что мало кто в современной России может предполагать, что у нас тоже была «святая инквизиция» с той лишь разницей, что наша работала вплоть до февраля 1917 г.

Конечно, никогда об этом не скажут церковники, внедряющие в сознание россиян мысль, что в России всерьез можно говорить лишь об «исторической и первенствующей» Церкви; они не скажут, что Церковь — это и православие, и католицизм, и протестантизм, и что по численности даже (если уж так учат мыслить по принципу: нас много — значит, мы и правы) православие стоит далеко позади двух первых деноминации.

Уже вырисовывается и «железная рука», которая будто бы намерена положить предел экономической и прочей анархии. А под эту благую цель нам предложат и государственную религию не просто де–факто, что уже есть, а и де–юре. После этого не нужно будет тратить время на идеологическую обработку «электората», тем более, что с ним возиться и так много не нужно: «ах, обмануть меня не трудно, — я сам обманываться рад». Народ, по Бердяеву, никогда на самом деле свободу не любил (имеем в виду «свободу совести» в добром смысле этого слова, а не разнузданную вседозволенность). По Достоевскому же, нет заботы для человека мучительнее того, как, ставши свободным, скорее сыскать бы того, кому эту свободу отдать. Пусть проблемы совести решает кто угодно: государство, традиционная религия, — а мне останутся те или иные предписания, те или иные магические обряды, освященные веками. Таким образом я могу быть спокоен перед Богом. И в самом деле, что может быть проще: отнеси умершего, в жизни своей бывшего откровенного безбожника, в храм и закажи за деньги панихиду, — и можешь, как говорит налоговая инспекция, спать

1

2

спокойно: умерший — соответственными таинственными обрядами жрецов — обрел себе блаженство в небесных обителях, где несть печали и воздыхания.

Всегда непросто идти к Богу лично, а не косяком. Проще — всем сразу, «всем — не страшно», как поучал Штирлица в поезде эсэсовец. Эту психологию хорошо изучили те, кто хочет властвовать. Что это была за власть и на каких законах она держалась, — об этом данная глава.

Автор поначалу наивно полагал, что в царской России при ее дотошном чиновничестве существовал конкретный свод религиозного законодательства и что не составит большого труда вникнуть в его статьи и сделать выводы. Но с наивностью пришлось расстаться. Встречались упоминания об отдельных законах, ссылки на них, их разъяснения и даже отдельные цитаты, но все это было россыпью, и доньше невозможно составить представление об интересующем нас законодательстве в его целостности.

Пришлось перебирать Свод Законов Российской Империи (СЗРИ), и лишь тогда стало что-то конкретизироваться. Но именно «что-то». Когда сбор научного материала уже подходил к концу, удалось—таки найти книгу упоминавшегося нами видного тогда государственного деятеля сенатора А. Ф. Кони под названием «На жизненном пути». Это мемуары. Уже в 1911 г. («уже» — потому что позади были фанфарно прозвучавшие манифесты о даровании начал веротерпимости, свободы совести, слова, собраний), выступая на Государственном Совете с докладом по вопросу о веротерпимости, он свидетельствовал о ненормальном положении дел даже в расположении законов относительно друг друга в СЗРИ:

«Такие вопросы, как о свободе вероисповедания, нельзя затушевывать или запихивать куда-нибудь в дальний уголок свода законов и помещать, например, в 14 том, — в устав о предупреждении и пресечении преступлений, между уставами о ссыльных и законами об азартных играх, пьянстве и непотребстве. Этих вопросов, путем недоговаривания, нельзя ставить так, чтобы недоумевающие обыватели не знали, на что они имеют право, и, для разрешения сомнений о пределах свободы своей совести, вынуждены были обращаться к подпольным советчикам и мелким ходатаям по делам, подвергаясь всякого рода злоупотреблениям и подчиняясь всевозможным истолкованиям»¹.

Удивляться, собственно, не приходится: в России инакомыслящих всегда помещали рядом с уголовниками. Неупорядочение законов о религиозных вопросах, кажется, было сознательным: чтобы запутать людей, пытающихся выяснить свои права в области вероисповедания.

Итак, прежде всего исследуем основные статьи свода Законов издания 1906 г. Делаем акцент на этом издании по двум причинам: во-первых, поправки к интересующим нас статьям не делались с 1832 года, а если что-то и изменялось, то только в сторону ужесточения; во-вторых, позади — Манифест 1903 г., Манифест 1904 г., Высочайший Указ 1905 г. о даровании начал веротерпимости, — и после всего этого цитируемые ниже статьи по уголовным преступлениям. Придется сказать сразу: вероисповедная сторона жизни россиян регулировалась Уложением о наказаниях уголовных деяний.

Основной материал находим в 14-м томе, как и говорил А. Ф. Кони, хотя и в других томах обнаруживаются отголоски: в статьях о земельных наделах, о правах и обязанностях семейственных...

При вчитывании в какую-либо статью, самую на первый взгляд разрешающую, не приходится доверять ее букве, потому что «буква» следующей статьи может начисто стирать значение предыдущей.

Вот ст.39 (раздел 1, гл. 3, отделение 1):

«Отпадение от православной веры в другие христианские исповедания или

вероучения *не подлежат преследованию* (курсив мой. — А.Б.)»².

Видимо, эта статья была написана для того, чтобы показывать ее иностранцам, и те, законопослушные, должны были сразу успокоиться: в России в вероисповедных вопросах все нормально. Кстати, так К. П. Победоносцев и делал. Но уже в 3-м отделении этого же раздела читаем 53-ю статью:

«Запрещается заводить или распространять между православными какие-либо ереси»¹.

Чиновнику дано полное право судить, что есть «ересь».

Заметим: в Своде Законов есть статьи о признанных в Российской Империи христианах римско-католического и армяно-католического исповедания, христианах протестантского исповедания (для лиц иностранного происхождения), Евангелическо-Аугсбургской Церкви, караимах, евреях, магометанах, ламаитах (так в источнике) и даже язычниках. Но нет ясности о русских неправославных христианах, ибо русский Свод Законов не мыслит их вне лоноа православной Церкви, хотя сектанты существовали во все века, просто сведения о них не всегда исчерпывающи, да и сами сектанты часто как бы уходили «в подполье». Кроме того, официальные источники не всегда давали верную информацию.

Ересью охотно называли любое инакомыслие (раскольники-старообрядцы или скопцы здесь не в счет, их как-то все же отделяли).

В следующей главе, 4-й, этого же раздела статья 70 гласит:

«Одна господствующая церковь имеет право в пределах государства убеждать непринадлежащих к ней подданных к принятию ее учения о вере»².

Следуем дальше. Вот том 15, гл. 2, ст.73:

«Виновный в возложении хулы на славимого в единосущей Троице Бога, на Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, на Бесплотные Силы Небесные или на Святых Угодников Божиих; в поругании действием или в поношении Святых Таинств, Святого Креста, Святых мощей, Святых икон или других предметов, почитаемых Православною или иною христианскою церковью священными; в поношении Священного Писания или Церкви Православной и ее догматов или вообще веры христианской, —

за сие богохуление или оскорбление святыни наказывается:
если оно учинено:

1) при отправлении общественного богослужения или в церкви: срочной каторгой или ссылкой на поселение

2) в часовне или христианском молитвенном доме, или публично, или в распространенных или публично выставленных произведениях печати, письма или изображений: ссылкой на поселение

3) с целью произвести соблазн между присутствующими: заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в крепость на срок не свыше трех лет»³.

Мы позволим себе только небольшие пояснения. По 73-й статье: конечно, хулить и кощунствовать относительно религиозных чувств нехорошо. Это нравственно осуждалось всегда. Но соизмерима ли степень наказания за столь «тяжкое» преступление? Кроме того, иной христианин вполне согласен со всеми членами Апостольского символа веры и по

2

1

2

3

каждому из них он с верою скажет «аминь» — «воистину так». Но вот во святые мощи не верует, и не понятно ему, почему это ни один православный храм не освятят, если в антиминс (покрывало на алтарном жертвеннике) не будет защита частица мощей какого-либо «святого». И сколько бы он ни веровал в единого Спасителя Христа, сколько бы он ни доказывал, что зашитые в антиминс частицы мощей — это чистой воды язычество, его уже ничто не спасет от срочной каторги. И если даже такой «нечестивец» выразил свое убеждение не во время богослужения, то это не значит, что несчастный будет сидеть в исправительном доме «не свыше трех лет». Практика показывала, что в местах лишения свободы с заключенными проводились периодически душеспасительные беседы, и если заблудшее чадо оказывалось строптивым и у него снова из уст вырывались какие-либо «хуления», то ему срок продлевали, чтобы ему было время подумать о своей заблудшей душе (см. Приложение).

Закон этот был широк по-русски: любое неосторожное слово или движение могло трактоваться как поношение веры православной.

Возьмем «хуление» на Приснодеву Марию. Если прочитавший Евангелие россиянин не находил там никаких поводов считать мать Иисуса Христа Небесной Владычицей, если об этом ни полсловом не обмолвились апостолы (а они обо всем необходимом христиан наставляли); если даже на первом Соборе вопрос этот даже не упоминался, то как было понять это человеку, имевшему возможность своими глазами читать Евангелие? Впрочем, если некоторые обстоятельства вашего преступления окажутся смягчающими (например, вскрыли ваше письмо, где вы приватно делитесь своими мыслями со своим близким), тогда ссылка куда-нибудь в кавказский аул, где мусульманское окружение вдвойне утяжелит положение сосланного.

Правда, были и щадящие меры, хотя и без конкретного уточнения, — возможно, на усмотрение какого-нибудь начальника. Статья 76:

«Виновный в поношении признанного в России нехристианского вероисповедания или в поругании действием, или в поношении предмета религиозного чествования этого вероисповедания, наказывается: арестом»¹.

Как видим, вполне мягкое наказание. К примеру, если кто-то станет утверждать, что евреи на Пасху приносят в жертву кровь христианских младенцев, то в самом худшем случае ему грозит арест (правда, нигде не встречались упоминания о применении сих мер пресечения по этим поводам). В лучшем случае — вообще ничего не будет, и об этом мы знаем много по самым различным источникам.

Статья 90:

«Виновный в произнесении или чтении публично проповеди, речи или сочинения, или в распространении, или в публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или учение, или секту, если сии действия учинены с целью совращения православных, наказывается: заключением в крепость на срок не свыше одного года или арестом»².

Данная статья спешит нас успокоить: наказание-то было символическим — «не свыше одного года». Ну посидит в крепости, не срочная же каторга. Но что такое для крестьянина быть оторванным от хозяйства на один год, когда и в наше время справедливы слова «иной день год кормит»? Это убранный кое-как без хозяина урожай (если арест был все-таки после посева), так что хватало лишь для жизни; семян для весны не хватит, да и сеять-то особенно некому при малолетних ребятишках («всего мужиков-то: отец мой да я»), так что и собирать придется по посеву. Вот и год пролетел, и если крестьянину не добавят в месте заключения

1

2

новые «срока», то он должен был еще Бога благодарить, что не все в его хозяйстве развалилось. Подчеркнем: мы рассуждали по лучшему варианту. А по худшему? И это только за то, что кто-то «возбудился».

Статья 98:

«Лицо нехристианского вероисповедания, последователь изуверского учения, сектант или лицо инославного христианского исповедания, а также старообрядцев, виновное в оскорблении православного священнослужителя... не во время совершения им службы Божией или духовной требы, но с целью оказать неуважение к вере и Церкви Православной, наказывается: заключением в тюрьме;

Если сие оскорбление... учинено во время совершения священнослужителем службы Божией или духовной требы, то виновный наказывается: за оскорбление — заключением в исправительный дом на срок не свыше трех лет»¹.

Здесь мы не мучаемся в догадках, кого же имеет в виду данная буква закона, — все неправославные люди подпадали под эту статью, если... А вот что такое «если»? Что такое «неуважение» к священнослужителю, к вере православной? Чем можно доказать, что ты не собирався оказывать «неуважение», например, не поклонившись церковнослужителю и не подойдя под его благословение? Вспомним у Розанова про Гоголя, не поторопившегося встать под благословение к отцу Матвею. «Значит, вы благодати бегаєте?» Как еще можно оказать «неуважение» к православной вере? Вон идет мужик, охладевший к православию, и не крестится на храм, — а ведь зазвонили к вечерне.

А что стоит за коротким «заключением в тюрьме»? Как известно из материалов, этот вопрос предоставлялся на усмотрение чиновника из тюремного начальства.

Впрочем, в статье 58–1 из Уголовного и исправительного Свода делается намек на некоторую упорядоченность, но сроки ссылок зависят опять же от волеизъявления церковного чиновника, виды церковного покаяния и сроки продолжения одного определяются духовным начальством. Ссылаемые на поселения, если они с тем вместе приговорены и к церковному покаянию, предаются оному в месте ссылке на срок, назначаемый тамошним епархиальным начальством»². Чем быстрее покаешься, тем лучше: может, срок не продлят. А если не покаешься? А если останешься в своем неправославии и подтвердишь, что и впредь будешь «бегать благодати» — не пойдешь под благословение попа?

Но вот ссылка закончилось, и можно бы уже собираться в родные края. Ан нет. Продолжая развивать законотворчество, служители синодского пера в статье 58–2 разъясняют:

«Всем, означенным в предшедшей 58–1 статье, лицам, подвергаемым по судебным приговорам надзору полиции, воспрещается жительство или пребывание:

- 1) в столицах и во всех местностях столичных губерний;
- 2) в губернских городах, их уездах и во всех местностях, отстоящих от губернских городов ближе двадцати пяти верст;
- 3) во всех крепостях и местностях, отстоящих от крепостей ближе двадцати пяти верст;
- 4) в тех городах или местностях, в коих, по особым Высочайшим повелениям, не разрешается водворение поднадзорных»³.

Что ж поделаешь? — Уклонявшиеся от православия сами виновны: не надо было уклоняться.

Легко соблазнить «малых сих»: ты сидишь где-нибудь у себя на завалинке и разговариваешь с одним-двумя приятелями, высказывая при этом сомнение в том, что

1

2

3

необходимо молиться на иконы. Приятели вдруг обернулись свидетелями — ты хотел поколебать их веру. Закон знал, как и в таком случае поступить:

«Учинивший означенное... преступление, хотя и не публично и не в многолюдном собрании, но однакож при свидетелях, с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, приговаривается: к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение»¹.

Хорошо, что у себя на завалинке, а то:

«Кто в публичном месте, при собрании более или менее многолюдном, дерзнет с умыслом порицать христианскую (в смысле — православную. — А.Б.) веру или православную церковь, или ругаться над Священным Писанием или Святыми Таинствами, тот подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу на время от шести до восьми лет»²(соответственно 177-я и 178-я статьи).

Так уж создан человек: он хочет не просто иметь собственное мнение или убеждение, но он хочет еще и распространять его возможными способами. Бдительное око Закона предусматривало и это:

«Кто в печатных или хотя и письменных, но каким либо образом распространяемых им сочинениях дозволит себе богохуление, поношение Святынь Господних или порицание христианской веры, или церкви православной, или ругательства над Священным Писанием или Святыми Таинствами, тот подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение; сим же наказаниям подвергаются и те, которые будут заведомо продавать или иным образом распространять такие сочинения»³.

Что ни статья, то перл; статья 187:

«За совращение из православного в иное *христианское* (курсив мой. — А.Б.) вероисповедание виновный приговаривается: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения (по пятой степени статьи 31 сего Уложения»⁴.

Даже из текста видно, что речь идет не о переходе, допустим, в буддизм, а в христианское же исповедание, но — «иное». Невозможно не процитировать из Евангелия от Луки: «При сем Иоанн сказал: Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте; ибо кто не против вас, тот за вас» (9.49–50). Впрочем, увещевать словами Христа бессмысленно тех, кто свое представление ставит выше наставлений Спасителя.

Откуда берутся последователи того или иного учения? Совершенно очевидно, что из передачи информации в устном или другом виде, ибо если человек молчит или будет что-то высказывать только в кругу своей семьи, то никакие идеи не могут иметь распространение. Это аксиома, и это так же естественно, как дышать. Однако правящая церковь смотрела иначе и приготовила для россиян статью 189:

«Кто в проповеди или сочинении будет усиливаться привлекать и совращать православных в иное, *хотя и христианское* (курсив мой. — А.Б.) вероисповедание,

или же еретическую секту, или раскольнический; толк, то за сие преступление подвергается:

в первый раз, лишения некоторых, на основании статьи 50 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев;

а во второй, заключению в крепость на время от двух лет и восьми месяцев до четырех лет, также с лишением некоторых, по статье 50, особенных прав и преимуществ;

в третий же раз, он присуждается к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к отдаче в исправительные арестантские отделения по четвертой степени статьи 31»¹.

Статью 196 понять не так уж просто:

«Виновные в распространении существующих уже между отпадшими от православной церкви ересей или расколов, так и в заведении каких-либо новых, повреждающих веру, сект, подвергаются за сии преступления: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение: из Европейской России в Закавказский край, из Ставропольской губернии и Закавказского края в Сибирь, и из Сибири в отдаленнейшие оной места»².

Карается всё — от явного соращения из православия до какой-нибудь «возбуждающей» мысли, — и карается без намека на христианское милосердие. Но, по всей вероятности, духовные отцы проявляли заботу, так сказать, наперед. Вдруг какой-нибудь вольнодумец, отпадши от православия, уйдет не в старообрядчество или хлыстовство, что уже в России было, а станет — это новое — евангелистом. Так вот, чтобы неповадно было, пусть таковой знает наперед, что любое инакомыслие — старое или новое — повлечет за собой лишение всех прав состояния и ссылку на поселение без права возвращаться на свою малую родину.

Надо отметить, что ст. 196 чиновники как-то особенно любили; вспомним хотя бы настоятельные рекомендации К. П. Победоносцева привлеченных к следствию отпадающих от православия обвинять по указанной статье. Своей всеохватностью она сама просилась в руки. К чему вникать в суть вопроса, делать экспертизу, разбираться во всех этих вероисповедных тонкостях? Весьма показательно, как судили в начале нашего столетия священника Гр. Петрова, который вовсе не собирался соращаться из православия, а просто, как и наш современник протоиерей А. Мень, больше уделял внимание Евангелию. И вот любопытный диалог из книги Н. Г. Высотского после фабрикации «дела»; автор разговаривает с иерархом православной церкви, участвовавшим в разбирательстве:

«Что делать? Мы вынуждены были судить дело, явно не подлежащее никакому суду. Мне лично его стиль как проповедника и как писателя не нравится., то же самое преклонение перед Евангелием и евангелизмом, перед изречениями Христа и требование трезвой, честной и трудолюбивой жизни... Это слишком трудно для православного. Как будет жить трезво народ, пьющий тысячу лет, и в жилах которого уже наследственно играет алкоголь и требует «добавочек»? Неисполнимо и тяжело... Я его искренно ненавижу... Я должен остаться при своем негодовании, не имея повода вчинять какой-либо иск в суде.

— И при том в таком суде, как ваш, духовный: без прокурора, без защитника, без свидетелей и даже без присутствия подсудимого, который мог бы сказать свое слово в защиту себя...

— Да, да! Мы все это... по благодати.

— Возвращаясь к делу, скажу вам, что цензурному комитету было поручено

рассмотреть все его сочинения, и, конечно, никаких вин он в них не нашел...»¹.

Напомним, что священника осудили в 1907 г., и что он был очень авторитетным общественным христианским деятелем. Что же происходило с никому не известными людьми, задолго до Высочайше дарованных свобод?

Что касается детей «лишенцев», то о них есть специальная статья 188:

«...До возвращения их (совратившихся. — А.Б.) в православие принимаются правительством для охранения их малолетних детей от совращения указанные в законах меры. В имениях их, населенные православными, на все сие время назначается опека, и им воспрещается иметь в оных жительство»².

Судьбы детей покалечены, никакие опекуны не могли поправить свершившегося беззакония. И на какой срок эта разлука? — «До возвращения их в православие...» А если не возвратятся?

Дикие сцены изъятия детей даже у неосужденных родителей, вышедших из православия, имели, так сказать, место, о чем писал журналист А. С. Пругавин в своей книге «Вне закона»:

«Когда до Самары дошли слухи о том, что по селениям Николаевского и Бузулукского уездов разъезжают по ночам становые приставы и урядники, насильно отбирают от молокан детей, мальчиков и девочек, заранее намеченных отцами-миссионерами (православными. — А.Б.), и куда-то их увозят, — то долгое время никто не хотел верить подобным слухам и рассказам, — так они казались невероятными... Однако, это недоверие вскоре должно было исчезнуть, так как в Самару прибыли родители тех детей, которые были взяты полицией и куда-то увезены. Смущенные, подавленные, растерянные — они не знали, что делать, что предпринять. Смутно сознавая, что с ними сделали что-то глубоко незаконное, они ходили к губернатору, архиерею, жандармскому полковнику, миссионерам, но нигде не могли добиться толку. Губернские чиновники уверяли их, что губернатор в этом деле ни при чем, что это дело архиерея. У архиерея же им ответили, что владыка не имеет никакого отношения к этой истории, что это дело полиции и т. д.

Только с большим трудом им удалось узнать, где находятся отобранные от них дети. Оказалось, что они размещены по разным мужским и женским монастырям Самарской епархии. Долгое время никто не мог или же никто не желал объяснить несчастным родителям, надолго ли заключены в монастыри их дети и будут ли они когда-нибудь возвращены им. Но вот являются православные миссионеры и говорят убитым горем отцам и матерям: «Ваши дети до тех пор будут в монастырях, пока вы, их родители, не покаетесь, пока вы не отречетесь от молоканской ереси и не присоединитесь снова к лону православной церкви... Вы губите своих детей, так как не крестите их и воспитываете в молоканском духе, а в монастырях их окрестят по православному обряду и будут воспитывать согласно учению святой церкви»³.

Вот она, святая инквизиция, воскресшая накануне XX столетия.

«Из Самары были посланы корреспонденции в столичные более независимые и более либеральные газеты с просьбой огласить приведенные выше факты. И, хотя в справедливости и точности этих фактов у редакций газет не могло быть ни малейших сомнений, тем не менее ни одна из газет не решилась, не осмелилась напечатать о том, что творили в самарских степях отцы-миссионеры совместно со становыми и урядниками. Так велика боязнь у русских органов печати перед тем

1

2

3

всемогущим лицом, которое стоит во главе русского церковного управления (имеется в виду Победоносцев. — А.Б.), которому путем двадцатилетних репрессий удалось терроризировать редакторов и издателей наших газет и журналов»¹.

Чем же закончилась эта жуткая история? Телефонного права тогда, возможно, не было, но влияние авторитетных лиц все же было. Вмешался граф Л. Н. Толстой совместно с редактором «Санкт–Петербургских Ведомостей» князем Ухтомским. Дочь писателя графиня Т. Л. Толстая лично отправилась к обер–прокурору; К. П. Победоносцев уверил графиню, что дети немедленно будут возвращены родителям, что самарские власти «черезчур переусердствовали».

Все это звучит невероятно дико, слишком уж неправдоподобно: и законы, и исполнительское «творчество» на местах, и боязливое умолчание тех, кому надо было по совести использовать свои возможности вполне гласно, через печать, чтобы противостоять произволу. Увы, проблема по–прежнему остается актуальной. Может быть, какая–нибудь петербургская или московская газета и поднимет вопрос о нынешнем беззаконии епархиального начальства, но на местах даже свободололюбивые редакторы на это не отважатся. Формируется новая несвобода, которая будет не легче коммунистической. Абсурд? — Возможно. Но не фантазия, ибо исторический опыт, как мы видим, был, и большевики в готовом виде взяли от своих идеологических предшественников и форму, и суть духовного рабства.

Но закончим анализ религиозного законодательства, приведя еще пару законов, напрямую связанных с незавидной судьбой детей:

Статья 120:

«Родители, которые быв по закону обязаны воспитывать детей своих в вере православной, будут крестить их или приводить их к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого *христианского* (курсив мой. — А.Б.) исповедания, присуждаются за сие:

к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев;

Дети отдаются на воспитание родственникам православного исповедания, или, за неимением оных, назначенным для сего от правительства опекунам, также православной веры»².

Всегда ли воссоединялись семьи? На местах епархиальное начальство само решало, настал ли срок освобождения сектанта. Не лучше ли было бы, чтобы он (или она) еще посидел и подумал. А дети? Дети у "добрых» опекунов, потому что, как правило, у родственников своих ртов хватало, чтобы кормить еще какую–то «штунду».

Родители опять же сами виновны, причем вдвойне: в том, что ушли из православия, и в том, что нарушили подписку. Какую? — Статья 67 («О правах и обязанностях семейственных»):

«Если жених или невеста принадлежат к Православному исповеданию, в сем случае... везде требуется, чтобы рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах Православного исповедания; *подписка* (курсив мой. — А.Б.) сия берется священником перед совершением брака по форме, при сем приложенной; по совершении брака подписка представляется епархиальному Архиерею»³.

Если дети рождались от родителей, уже отпавших от православия, то на них метрик не

выписывалось, а это значит, что детей этих как бы и не было, раз незаконнорожденные, т. е. не крещены по православному обряду. Это «аукалось» в течение всей жизни например, на такого «незаконнорожденного» сына не выделялся земельный надел.

Иван Карамазов Достоевского не соглашался с тем, что людей часто обвиняют в звериной жестокости. Нет, говорил Иван, зверь не жесток; он терзает свою добычу просто потому, что хочет есть. Но зверь никогда не сможет быть художественно, артистически жесток, как может человек. Вчитаемся снова в законы с их инквизиторской утонченностью, художественной изощренностью. Порою даже не сразу уловишь их репрессивную направленность.

В Уставе для иностранных исповеданий на территории России была статья, которая гласила:

«Подлежит наказанию так же и тот, кто принимал православного в свое исповедание по обрядам своей веры»¹.

А за обращение в православие из других исповеданий правительство награждало ревнителей орденами.

А что сейчас? Православие по-прежнему осуждает прозелитизм на своей «канонической территории»...

Инквизиция до...

Мы говорим «инквизиция», но имеем ли на это право? Это слово ассоциируется с мрачной эпохой Средневековья, когда в странах Западной Европы еретиков сжигали на кострах.

Но иначе как инквизицией не назовешь действия властей, когда кормящую мать заключали в каталажку, не давая даже напоследок покормить грудью свое дитя, и осуждали на срок, какой рекомендовали по своему усмотрению миссионеры–инквизиторы. «Всем известно, какую роковую, решающую роль играют в сектантских процессах эксперты. Мы получили сведения от самих сектантов, которые писали нам: «Что нам делать? Нам сообщили, что в суд будут вызваны в качестве экспертов миссионеры С. Никольский и М. Кальнев. Какой же это будет суд? Ведь эти миссионеры наши явные враги, не раз говорившие нам, что ждут не дождутся нашей гибели»².

«Наиболее реакционным в Священном Синоде был обер–прокурор Победоносцев, который организовал движение под названием «внутриправославная миссия», цели которой официально определялись как борьба против любого рода сектантских учений. Эти миссионеры поистине сделали себя полицейскими агентами. В результате их доносов, докладов многие проповедники Евангелия были направлены в тюрьмы или высланы. Среди наиболее ревностных миссионеров был Скворцов. Позднее среди гонимых штундистов все миссионеры назывались «скворцами». Если в их письмах часто упоминалось выражение «скворцы прилетели», каждый понимал, что прибыли православные миссионеры и ожидайте преследований и арестов»³.

«Победоносцев получил прозвище «российского Торквемады», «черного папы»... После его смерти в 1907 г. о нем писали, что он был «человеком приказа и опричнины» и пытался уничтожить в народе стремление к образованию и просвещению»⁴.

«Каждый должен помнить, что в это время законы относительно религиозной жизни все еще действовали, запрещая отделение от Православной церкви.

Наказания были суровыми. Запрещались религиозные общения среди русских, за исключением богослужений в Православной церкви, организация любых религиозных обществ и церквей была также запрещена. Все Евангельские собрания были секретными или неофициальными, и во всех губерниях и местах ссылки были сотни тех, кто страдал за свои религиозные убеждения. Как я считал в то время, вся Россия представляла собой огромную тюрьму»¹.

Слово «инквизиция» достаточно часто звучало уже в то время в среде возмущавшихся и протестовавших против беззакония. Уместно ли его употребление сейчас? Не исключено, что может быть подано исковое заявление о возбуждении судебного разбирательства по статье о клевете, о ложных сведениях, порочащих честь и достоинство... Все возможно в «стране чудес». Участвовал же автор данной работы в судебном процессе со свастикалюбивыми, которые в зале суда умудрились вслух пообещать перестрелять всех, кто противостоял им. И ничего, прокуратура по Воронежской области не нашла в этой публичной угрозе состава преступления. Если российская Фемида так судит о реалиях сегодняшнего дня, то где гарантия, что она разберется во вчерашнем?

Предоставим слово документам, свидетельствам и другим материалам, прямо касающимся поднятой проблемы.

Вопросы о преследованиях за веру в восточной половине христианского мира изучались еще до советского периода. Правда, имели в виду в основном Византию. Но уже при князе Владимире Красном Солнышке византийские же епископы, судя по летописям, рекомендовали применять казни инакомыслящих².

«Приказ инквизиторских дел возглавлял архимандрит московского Данилова монастыря Пафнутий. В распоряжении этого приказа были свои подьячие, своя охрана и собственная тюрьма»³.

Выше мы говорили о духовном голоде российского люда и о заметном охлаждении его к православию. Катализатором этого процесса явилось ставшее наконец—то доступным Евангелие. Тогда начались судебные разбирательства (пока еще в единичных случаях). К примеру, в Бердянском уезде в 1860–61 гг. был привлечен к суду ряд лиц из крестьян.

«На допросе Васецкий и его сотрудники заявили, что они не сектанты, а православные, и собирались лишь для чтения Евангелия, не предполагая, что это может навлечь на них подозрение в расколе...»⁴.

«Штундистские общины (и даже в значительном числе) существовали уже, как видно из всеподданнейших Отчетов обер—прокурора Святейшего Синода за 1873–1886 г.г., в следующих губерниях: Волынской, Подольской, Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Орловской, Бессарабской, Воронежской, Харьковской, Калужской, Пензенской, Рязанской, Нижегородской, Тамбовской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Смоленской, в земле Войска Донского и даже в Москве»⁵(почему «даже» и почему упущена Киевская губерния, важнейший очаг нового религиозного движения? — А.Б.). Перечень, разумеется, неполный. Ничего не сказано о северных окраинах России — возможно, в силу того, что эти данные до 1885 г. Позднее товарищ обер—прокурора Св. Синода В. Саблер пошлет сочинение архимандрита Павла, где, между прочим, упоминается о существовании в Архангельской губернии секты под названием «утковайзет»⁶, видимо, завезенной из финской окраины Российской Империи. Если это так, то транскрипция искажена, и слово

должно читаться «усковайсет» — «верующие» (из финского языка). Архимандрит дает описание этой секты — она аналогична евангелистам.

Есть данные за 1860–65 гг. о распространении баптизма в Курляндской губернии ¹. В Канцелярию обер-прокурора поступали Отчеты «о состоянии штунды в Могилевской губернии» ², посылавшиеся епископом Могилевским и Мстиславским. Выписка из донесения настоятеля Лодзинской церкви «о сношениях лодзинских баптистов с южнорусскими штундистами» ³, а г. Лодзь был тогда российским. Крестьянин Еркин села Пришиба Царевского уезда Астраханской губернии просит позволить ему и его жене состоять в молоканско-воскресенской секте евангелического исповедания: «...А посему осмелюсь припасть к стопам Вашего Высокопревосходительства и верноподданнейше просить разрешения нам желание сердец наших...» ⁴; «Его Высокопревосходительство» изволили отказать. Газета «Рижский Летник» от 9 мая 1883 г. за № 100 сообщала, что баптистов в России около 12 тысяч, и «местами распространения баптизма в России служит юг России, Царство Польское и Прибалтийский край. К прибалтийским баптистам нужно еще отнести последователей баптизма, живущих в Петербурге и в губерниях: Новгородской, Псковской, Витебской» ⁵. Следует отметить, что многочисленные сосланные в Закавказский край были естественными пропагандистами Евангелия, и там существовали общины. Крестьянина Леонтия Мороза и Афанасия Негрицу приговором Херсонского суда (еще один очаг. — А.Б.) за принадлежность к штундизму приговорили «к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Закавказский край» ⁶.

Как видим, почти вся Империя была охвачена новым движением, по которому «следует признавать лишь то, что прямо и ясно указано в Библии» ⁷. Даже Сибирь и Дальний Восток имели общины христиан нового времени, что косвенно видно из одного доклада: «В одной только Сибири, которая вдвое больше всей Европы, у нас есть лишь один проживающий там проповедник, и мы должны ежегодно посылать туда проповедника» ⁸. Общины были немногочисленные по причине большой удаленности друг от друга и, в отличие от европейской части России, слабой плотности населения. Но, надо полагать, к концу XIX века инославных христиан там стало гораздо больше за счет ссыльных из России. Упоминается об одном подвижнике: «самым замечательным делом... были его первое и второе героические путешествия с проповедью Евангелия и раздачей книг Св. Писания от Петербурга до Сахалина — через всю беспредельную Сибирь — где поездом, где пароходом, где в тарантасе» ⁹.

«В августе 1891 года обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев созвал в Москве большое совещание православных духовных деятелей из всех 41 епархий России, чтобы обсудить жгучий вопрос о сектантах, особенно о штундистах... На совещании было установлено, что из 41 епархий — 21 епархия были сильно заражены штундизмом, и что развитие его идет с такой быстротой, что духовенство уже не в силах его задержать» ¹⁰. Какое было решение этого совещания, скажем несколько позже.

Нет точной даты самого раннего появления нового религиозного явления — да и возможно ли это, если речь идет не об одной и даже не о нескольких губерниях? В 1867 г. тифлисский купец Никита Воронин принял крещение, сознательно уверовав во Христа (а не в детском возрасте по российскому обычаю), в реке Куре. Евангельские христиане-баптисты в 1967 г. отмечали повсеместно свой столетний юбилей. Но более тщательное изучение

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

вопроса дает основание для перенесения даты по крайней мере лет на десять назад. Даже орган Всесоюзного Совета евангельских христиан–баптистов «Братский Вестник» за 1980 г. в № 6 дает уже иные данные: «Новое заметное духовное пробуждение началось с 1856 года...»¹. К этому времени относится упоминание о том, что пионеры русского штундизма «Ратушный вместе с Балабаном (Витенко), Капустяном и Осадчим ездили в колонию Рорбах на религиозные беседы немца штундиста Капеля»².

Московский градоначальник 25 февраля 1908 г. за № 2445 на запрос Департамента полиции по поводу газетной заметки о принадлежности, евангельских христиан к «масонской шайке» уведомил, что в г. Москве еще с 60–х годов существует так называемая секта «Община евангельских христиан», именуемая в миссионерской литературе «штунда баптистов»³. Здесь подтверждается сказанное ранее о терминах—одно и то же явление (или общество) называли кому как хотелось. Что касается принадлежности к масонам, то это журналистский вымысел, который не приходится даже и оспаривать.

По этому вопросу хотелось бы привести историческую справку. При Александре I в 1812 г. было основано Библейское общество, в 1818 г. уже были переведены на русский язык четыре Евангелия. В 1822 г. на русском языке была напечатана Псалтирь, разошедшаяся в течение двух лет в 100–тысячном тираже. Несмотря на сопротивление Аракчеева, адмирала Шишкова, архимандрита Фотия и других, после закрытия Библейского общества переводы осуществлялись в порядке частной инициативы. Здесь подвизались профессор богословия Павский, архимандрит Макарий, другие профессора⁴. Эта небольшая справка дает основание говорить о более ранних сроках появления иных христианских образований. Правда, демонстративного уклонения от православия в отчетах благочинных еще не в^дно.

Основным вопросом в различных сообщениях, рапортах и отчетах церковных иерархов, равно как и многочисленных светских авторов, пытавшихся исследовать это явление, был вопрос о том, откуда взялся этот христианский рационализм, кем порожден и каковы причины его появления?

«Стремясь во что бы то ни стало представить православие, подтачиваемое противоречиями, единым с народом, церковь неизменно объявляла любые отклонения от ортодоксии продуктом «злокозненной» иностранной пропаганды. Так и на этот раз церковь усмотрела в широком интересе, проявленном в 60–х годах крестьянами к Библии, явление немецких религиозных братств...»⁵.

В своем докладе Съезду В. Д. Бонч–Бруевич говорил: «Вам, вероятно, всем хорошо известно, что сектантство — явление далеко не новое в русской жизни; оно в своей истории насчитывает уже более девяти веков»⁶. Напомним, доклад был сделан в самом начале нашего столетия. На первый взгляд, подобное сообщение о девяти (теперь уже о десяти) веках христианского инакомыслия звучит неожиданно и неправдоподобно. Но ведь «уже в 1004 году в Киеве появился монах Адриан, который хулил православную церковь, ее уставы, иерархию и иноков; а в 1125 году на юге России явился другой подобный же еретик, Дмитр, отвергавший так же обрядность в церкви»⁷. Следует сразу же уточнить, что не всегда слово «хулил», вышедшее из уст православных священников, нужно понимать буквально. Любое сомнение в православном каноне его священнослужители с готовностью преподносят как «хуление». Было бы весьма поучительно поведать о стригольниках, жидовствующих, богомилах, нестяжателях (все это было на Руси), «взгляды которых почти во всем были противоположны общераспространенным и принятым православной церковью»⁸, — но это

не входит в нашу задачу. Отметим только, что вышеупомянутое свидетельствует о том, что инакомыслие было фактически ровесником принятого в 988 г. на Руси иноземного религиозного учения.

Надо отдать должное исследователям дореволюционного периода — среди них встречались и объективно мыслящие люди. Правда, их было немного, и ими были недовольны. На таковых, к примеру, сетует в своем «Обзоре» профессор Т. Н. Буткевич, протоиерей, которого еще его современники обличали за фальсификаторство в науке ¹. Так вот, он был недоволен тем, что даже церковные писатели последнего времени с богословскими академическими знаниями признают русское сектантство «самородным, самобытным, самостоятельным выражением духовной жизни русского народа, проявлением живого, неподдельного, искреннего, переходящего в страстность чувства», а причинами его происхождения называют «печально сложившиеся исторические обстоятельства», «тяжелое общественное положение нашего простолюдина», даже «недостаток свободы в жизни гражданской» и, наконец, «неудовлетворенность форм, которые предлагаются православной Церковью» ².

«Его (сектантство. — А.Б.) старались вывести и с востока, и с запада, объясняли и из богумильства, и из ересей первых веков христианства: словом, искали его причины везде, только не во внутренних условиях народно-психологического развития, и начало его относили к самым разнообразным и отдаленным причинам, — только не к тому, когда сектантство явилось вполне естественной стадией развития народной веры» ³.

Здесь к месту напомнить, что среди прочих источников автор данной работы использовал в РГКА материалы фонда 821 — Департамента духовных дел иностранного исповедания, куда тоже подавались сведения о многоликом инакомыслии. Это показательно: ведь здесь снова усматривалась «злокозненная иностранная пропаганда».

Кстати, об иностранцах. Стоит уделить им время, чтобы определить меру их влияния на новое религиозное движение.

Представители консервативной части православия во всем обвиняли Запад и его миссионерские происки. С их точки зрения, в России все было благополучно на духовно-нравственной ниве, а вот заезжие иностранцы все испортили и нарушили «древнее благочестие». Были и зарубежные писатели, которые тоже считали, что, не будь западных миссионеров, в России ни за что бы ни возникло новое христианское движение. Такая тенденция, к сожалению, существует и донныне. Возьмем, например, книгу Джеффа Эллиса и Уэсли Джонса «Другая революция. Российское евангелическое пробуждение» (СПб., 1999). Говоря о евангельском движении в Санкт-Петербурге и подчеркивая чрезвычайно важную роль в его развитии англичанина Гренвилла Редстока, авторы без излишней скромности заявляют: «Редсток подарил России только три коротких визита, но после этих визитов Россия стала другой» ⁴. Вот так, ни больше и ни меньше: посети дикий российский край, и этот край в одночасье преобразится. Правда, немного ниже авторы «Другой революции» пишут уже не столь оптимистично: «русский медведь потенциально сильный, но неспособный двигаться, так и не перешел к развитию в новом веке...» ⁵. Можно приветствовать желание современных зарубежных исследователей высказать свое видение судьбы России, но с научной точки зрения книга написана слабо. Неверен посыл, что «евангелическое пробуждение», действительно имевшее место в России со второй половины XIX столетия до 1928 г., инициировано преимущественно иностранцами. Да, они, эти иностранцы, делали доброе христианское дело в меру своих возможностей, как делали это в

далекие времена византийские миссионеры. Их было слишком мало — Кальвейт, Онкен, Бонекем—пер, Редсток, Бедекер — и всё. Кроме того, российская почва была достаточно хорошо подготовлена (вспомним слова иерархов о духовном голоде), и были все предпосылки для развития нового христианского движения фактически одновременно — на Украине, в Санкт–Петербурге, на Кавказе, а потом и по всей Империи.

В Тифлисе молоканина Никиту Воронина в реке Куре крестил некто Мартин Кальвейт¹. Больше влияния иностранцев мы там не находим. В то же время выходец из молоканской среды Василий Павлов, овладевший двадцатью пятью языками, в том числе и кавказскими, внес гораздо большую лепту в дело распространения христианской проповеди на Кавказе.

Можно вспомнить деятельность Армии Спасения. Это «военизированная» христианская организация, правда, без оружия: генералы, офицеры, солдаты — все эти чины были лишь для соблюдения дисциплины в деле благотворительного служения. Ее представители появились в Финляндии, провинции Российской Империи, около 1869 г.². Несмотря на препятствия со стороны властей, Армия Спасения, хотя и без утвержденного до настоящего времени устава, получила широкое распространение в Финляндии³. По приводимым сведениям, в различных местностях края открыто 61 отделение (корпус) Армии Спасения⁴. Небезынтересно отметить, что будущий Генеральный секретарь Всесоюзного Совета евангельских христиан–баптистов А. В. Карев в юности был членом одного из таких «корпусов».

Теперь — на юг, на Украину. Хотя многих в то время искушал соблазн обвинить иностранцев в «злых кознях», однако реальных доказательств «козней» не было. Даже иеромонах Алексей (Дородницын), желавший искоренения штундизма, писал:

«Нет основания полагать вместе с профессором Вороновым, что наша южно–русская штунда возникла под влиянием немецких духовных собеседований, и что основателем ее был пастор колонии Рорбах Карл Бонекемпер»⁵.

Аргументируя свое мнение, Алексей приводит утверждение Евангелическо–лютеранской консистории в Санкт–Петербурге и других источников, что в России «реформаты, лютеране, меннониты совершенно чужды духа пропаганды своего учения»⁶.

«В Мелитопольском уезде рядом с меннонитами целые десятки лет живут молокане и духоборы, заимствуя от них многое в домашней жизни, начиная с одежды, но они ни в чем не изменили своих религиозных воззрений и не подчинились в духовном отношении меннонитам»⁷.

Еще свидетельство:

«То же самое видим и на Кавказе, где немцы живут с давнего времени рядом с русскими диссидентами, не подчиняя их своему религиозному влиянию»⁸.

К тому же существовали запретительные законы, препятствующие иностранцам пропагандировать свои религиозные убеждения среди россиян. Так что в любом случае не следует преувеличивать роль иностранцев.

Как же обстояло дело в действительности? Приведем здесь мнение священника А. Д. Ушинского, о котором никак не скажешь, что он был защитником «штунды». Он описывает

пастора Бонкемпера весьма положительно:

«...никого не обращал в реформатскую веру, а убеждал только учиться грамоте, чтобы читать Св. Писание и стараться... жить по-христиански»¹.

Нет основания сомневаться в порядочности самого пастора, и в его словах видна честная оценка меры влияния своих «штунден» — часов домашнего чтения Библии и молитв:

«Я все еще надеялся, что православное духовенство овладеет этим движением, само станет во главе его и сумеет придать ему вполне православный характер, не лишая его того благотворного, практического направления... Но наконец пришлось разочароваться, видя, что со стороны местных властей, духовных и светских, принимаются репрессивные меры, которые все больше и больше удаляют от Православной Церкви вновь возникающие штундовые братства и обращают их в какую-то враждебную православии, чуть не еретическую, секту»².

Так что влияние немцев было в пределах разумного. Они лишь поддерживали процесс, возникший в русско-украинской среде. «Дело» об отказе анабаптистам колонии Альт-Данциг Херсонской губернии в разрешении вызова проповедников из-за границы³ свидетельствует, что у немцев не было широкой возможности заниматься прозелитизмом («дело» рассматривалось в 1868 г.).

Кое-что заимствовалось у немцев в домостроительстве (термин, обозначающий установление правил устройства в христианской общине).

«В Гамбурге Василий Гурьевич (Павлов. — А.Б.) учился не только богословию. Он наблюдал и за порядком богослужебных собраний; перенимал опыт их повседневной жизни, и, вернувшись в Россию в 1876 году уже рукоположенным благовестником для России, полученные в Гамбурге опыт и знания В. Г. Павлов постарался передать в Тифлисской общине»⁴.

В России шел процесс, который можно сравнить с эффектом освобожденной стальной пружины, которую слишком долго сжимали, а иностранцы лишь» сдвинули сдерживающий рычаг.

«Исхитив простолюдина из рабства крепостной зависимости, реформы радикально поколебали нажитый склад его жизни, значительно повысили в его глазах его человеческое достоинство и вместе с тем пробудили некоторые потребности, не известные при крепостном режиме. Дух свободы и независимости личности, присущий этим реформам, невольно отразился в той или иной форме на многих сторонах жизни освобожденного народа, и не удивительно, что он обозначился и в религиозной жизни»⁵.

Известный уже нам епископ Алексей писал:

«Сдерживаемый крепостным правом в своих духовных правах, народ, почуяв свободу, с жадностью ищет удовлетворения прежде всего своих духовных интересов. Он осознал себя как личность, почувствовал прелесть духовной

жизни... Это был поворотный пункт в духовной жизни народа»¹.

Но ведь был еще Санкт–Петербург. Князья и графы, камергеры и фрейлины, надо полагать, не были малограмотными и наивными в религиозных вопросах. Это были люди высококультурные, широко образованные; они ездили за границу, читали не только «Четьи–Минеи». Так что приезд в 1874 г. англичанина Редстока тоже был всего лишь толчком. Да, он прожил в Санкт–Петербурге около трех лет, и в течение этого времени встречался с великосветской знатью. Он не был профессиональным проповедником или миссионером, просто читал в салонах Евангелие и комментировал прочитанное. В 1877 г. сюда же приехал доктор богословия Бедерер. И это — всё, если говорить об иностранном влиянии. Влияние на людей из высшего света, бесспорно, было, и Н. Лесков в «Великосветском расколе» представил Редстока и сам «редстокизм» в невыгодном свете; правда, в 1878 г. в своей статье «Религиозный рабочий» Лесков признал, что он несправедливо критиковал Редстока². Так чего же не хватало столичной знати? Она тоже была частью российского общества, и тоже испытывала духовный голод, и ее ли вина в том, что утолить его в рамках существующего вероучения она не могла?

Интересно письмо лидера евангельского движения И. С. Проханова к одному петербургскому протестантскому священнику от 6 марта 1895 г.: «Мы никак не можем отрицать нашей разницы с западно–европейским протестантизмом. Наше различие с ним явилось весьма естественно как продукт того, что мы, участники Евангельского движения в России, никогда не брали за образец для себя «протестантизм» Западной Европы.

... Мы вышли из среды народа, церковь которого есть только «Ведомство православного исповедания» (наподобие Ведомства коннозаводства, как выразился Аксаков), управляемое Синодом...»³.

А для православной церкви время как будто застыло. Была, правда, 44–я статья Свода Законов, как бы парадная, в которой говорилось:

«Все, не принадлежащие к господствующей церкви подданные Российского государства, природные или в подданство принятые, также иностранцы, состоящие в российской службе или временно в России пребывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной»⁴.

«Именно эту статью Победоносцев очень любил цитировать иностранцам, когда нужно было доказать, что в России существует полная веротерпимость. Многие почтенные иностранцы верили этим цитатам. Они, в своей наивности, не знали, что основные Законы в России были необязательны для министров и для обер–прокурора Св. Синода и что циркулярные разъяснения министров, и в том числе министра юстиции, совершенно искажают и уничтожают прямой и ясный смысл основных законов»⁵.

Мы уважаем В. Д. Бонч–Бруевича за его многолетнюю научную работу по изучению религиозной жизни России, но относительно «прямого и ясного смысла» законов он заблуждался. Последующие репрессивные законы Победоносцева перечеркивали 44–ю статью Свода Законов.

Впрочем, перед своими он был честен.

«В некоторых народных училищах Одесского учебного округа имелись среди учеников дети штундистов, которые или не хотели изучать закон Божий (сугубо православный учебник. — А.Б.), отговариваясь тем, что родители запрещают им

это, или не хотели исполнять религиозные обязанности и православные обряды, ссылаясь на то, что их вера не позволяет всего этого. Ober-прокурор Св. Синода, с которым в 1893 году сносилось по этому предмету министерство народного просвещения, уведомил, что в церковно-приходских школах Херсонской епархии ученики-штундисты обязаны исполнять все требования школы как относительно предметов, в том числе и закона Божия, так и относительно соблюдения православных церковных обрядов, а в случае уклонения от этих требований виновные немедленно должны быть удаляемы из школ. Признавая этот порядок правильным и согласным как с требованием церковной дисциплины, так и с задачей школьного воспитания, действительные тайный советник Победоносцев высказался за применение той же меры и к детям штундистов, посещающим начальные народные училища, ведомства министерства народного просвещения»¹.

У нас нет никаких оснований полагать, что относительно других епархий Победоносцев был иного мнения.

«Глубоко верующий..., умный человек и тонкий политик, считавший петровские преобразования исключительно полезными для русской Церкви, К. П. Победоносцев полностью использовал рычаги государственного контроля за деятельностью главной конфессии Империи, являя собой пример идеального «блюстителя» за исполнением законных постановлений по духовному ведомству»².

В свою очередь,

«Синод не имел лица, голоса подать не мог и подавать его отвык. Государственное начало заглушило все. Прима́т власти подавлял свободу Церкви сверху донизу: архиереи зависели от губернаторов и должны были через священников проводить их политику... Эта долгая вынужденная безгласность и подчиненность государству создали и в самом Синоде навыки, искони церковным началам православия не свойственные — решать дела в духе внешнего, формального церковного авторитета, непререкаемости своих иерархических постановлений»³.

И интеллигенция, и политические радикалы с разными идейными взглядами страстно желали покончить «с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости от государственной церкви»⁴.

Николай Зернов, православный богослов и философ, вынужденный покинуть Россию в 1921 г. не по своей воле, писал, что в конце прошлого столетия престиж государственной Церкви упал настолько, что интеллигенцией со всей непримиримостью «православная Церковь отметалась, как часть старого строя, потому что не смогла помешать росту самодержавия и тем самым увековечила несправедливость и неравенство, царившее в русской политической системе»⁵.

Мы уже сказали, что поначалу запреты и различного рода наказания были везде, где обнаруживались люди, уклонявшиеся от православия, и для них было достаточно тех законов, которые мы цитировали. Кто мог сосчитать, сколько было этих безвестных случаев, тем более что далеко за пределами столицы не нужно было никаких санкций, — достаточно дать знак пьяным односельчанам. «Тогда начался грубый произвол любомирского священника: на Пасху 1871 года один брат был привязан к церковной ограде, а прихожанам

священник повелел плевать в него»¹. Правда, здесь же упоминается и результат такого «пастырского попечения»: на селе только три семьи остались в православии. «В 1876 г. толпа крестьян и мещан г. Вознесенска при участии сотского Кривенко наказала розгами штундистов. Особенно сильному наказанию подверглись супруги Шименко, Зиновий и Прасковья. Зиновий получил более 50 ударов, Прасковью же били три раза. По врачебному освидетельствованию... еще немного, и Прасковье угрожала смерть»².

«В начале 1867 г. односельчане во главе со старостой по инициативе местного духовенства без суда высекли розгами и арестовали М. Ратушного, Г. Балабана, А. Капустина и Осадчего, после чего последние были заключены в тюрьму»³.

Позже М. Ратушный скажет:

«Когда меня вторично посадили в тюремное заключение, то народ еще больше начал обращать внимание и доставать Евангелие. Вот таким образом это больше распространилось, а не так, как думают некоторые, что я распространил»⁴.

Судебные исполнители судили пока просто «за отступление». Но вот 27 марта 1879 г. Государственный Совет постановил признать законным существование баптистов (направление в христианстве, где считается, что крещение должно совершаться только по личной вере самого крещаемого; само крещение должно было совершаться посредством полного погружения в воду). Многие отпавшие от православия поспешили воспользоваться этим законом — тем более что никакой разницы не было между собственно баптистами и новообращенными. Но помогло это ненадолго. В 1882 г. появилось разъяснение Министерства внутренних дел, в котором говорилось, что вышеназванный закон не распространяется на русских. В чем и была вся суть. Для русских свободы быть не могло. Если ты русский, то ты обязательно должен быть православным.

Такая «упертость» была весьма стойкой. «Если министр юстиции Н. Муравьев своим циркуляром отменял статью основных законов, то товарищ министра внутренних дел сенатор П. Дурново совершенно не считался с разъяснениями сената и в своем секретном циркуляре от 17 мая 1900 г. писал:

«Принимая во внимание, что баптизм, как особое вероучение, признан законом 27 марта 1879 г. сектой евангелическо-лютеранской церкви..., русских баптистов не может быть с точки зрения закона». Итак, сенат определенно установил различие между баптистами и штундистами, а министерство внутренних дел отвергло это различие и запретило баптистам именоваться баптистами»⁵.

«Сенат разъясняет, что баптизм — не штундизм, что принадлежность к баптизму не карается русскими законами и что баптизм в России существует не только среди немецкого, но и среди коренного русского населения»⁶.

Но —

«В 1900 г. Победоносцев вошел в соглашение с министрами юстиции и внутренних дел и настоял на издании секретных циркуляров, уничтожавших даже само название «баптистов» для лиц русского происхождения»⁷.

Законы всегда выходят в свет, когда есть уже некое явление, на которое нужно реагировать юридически. Так вот, данное явление уже было массовым, но на местах духовное начальство действовало «по благодати», т.е. как вздумается. В августе 1872 г. Киевская консистория препроводила целую группу уклоняющихся от православия в тюрьму, где людей пытали, потом судили. Несколько человек из тюрьмы не вернулось ¹.

И все же главное было впереди, наступал победоносцевский период. Победоносцев начал свою законотворческую деятельность с «благодения»: от 3 мая 1883 г. был издан Закон о даровании раскольникам всех вероисповеданий (само определение уже юридически неграмотно: были раскольники–старообрядцы и были совершенно другие неправославные христиане) права богослужения. Можно было только радоваться! Правда, статья пятая этого Закона уточняла, что все раскольники (по тексту закона, все неправославные. — А.Б.) имеют право на свои духовные потребности, если они не будут влиять на православных. Весьма мудро: вроде бы и дал, и в то же время отнял, потому что здесь же можно применить, к примеру, статью из СЗРИ 90-ю о «возбуждении» (см. выше). Прочтем и пункт пятый упомянутого закона:

«Раскольникам дозволяется творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам как в частных домах, так равно и в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь неперменным условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка» ².

Скажем, с улицы слышно, как в избе поются «гимны», как их называют сами верующие. Не возбуждает ли это кого из православных? Вестимо, возбуждает; таким образом нарушается маленькая оговорка в конце статьи — «общие правила благочиния и общественного порядка».

Хорошо, если дадут лишь 90-ю статью, но ведь есть и более жесткие — 187, 189, 196. Воображение неистоимо, а воображение юридическое тем более. И самое замечательное, что уже в конце второго тысячелетия православное духовенство пролоббировало такой же закон о несвободе совести (1997 г.), где такая же лукавая казуистика.

«Всегда там, где наступает духовное пробуждение.., силы темноты выступают с решительной контратакой. Для верующих в России наступил период преследований и строгой репрессии, схожей с инквизицией. Церковь православная пошла по следам Церкви римско-католической в период средневековья» ³.

Еще в 1882 г. Победоносцев докладывал молодому государю Александру III о расширении географии влияния недовольных православием и настаивал на принятии безотлагательных мер. Известна и резолюция императора: «Надо непременно обратить самое серьезное внимание на штундистов и баптистов». На местах с готовностью откликнулись на высочайшую рекомендацию. Как свидетельствовал епископ Алексей, «молящихся изгоняли из домов, где они собирались для богослужений, избивали кольями, выволакивали полуобнаженными на трескучий мороз. Жалобы властям, как правило, оставались без ответа; бесчинствующие почти никогда не наказывались, это поощряло их на новые бесчинства» ⁴.

Не следует путать этих несчастных с тогдашними террористами или социалистами. Они были законопослушными православными. «До семидесятых годов штундисты не отделялись совершенно от православной церкви: они крестили новорожденных детей в

церкви, исповедовались и причащались Св. Тайн, в страстную седмицу соблюдали пост»¹. Но долго нельзя было скрывать своего нового духовного состояния. «Як нам жити в православии, колы к ему нэма доступу; все берут гроши»². Обличалось не только стяжательство, но и низкий нравственный уровень иных батюшек, что у многих было на глазах. «Неудовольствие местного населения против священника Промыслова дошло до таких размеров, что однажды, когда обход местных жителей увидел, что в одном доме священник Промыслов с Жуховским и разными распутными женщинами пустились в пляс, даже без нижнего белья, то хотели отрезать Промыслову его косы»³.

Взгляды и суждения своих же бывших чад, жизнь, в нравственном отношении изменившаяся к лучшему, — все это не могло остаться незамеченным, и священники, спекулируя на невежестве большинства односельчан, устраивали травлю тех, чья вина была лишь в том, что они перестали пить водку. Мы сознательно не уделяем много внимания нравственным изменениям этих новых христиан, чтобы не отвлекаться от основной темы, но изменения в действительности были таковы, что оспаривать их было бессмысленно, и тогда священники не нашли ничего лучшего, как выдвинуть весомый для темных в вере православных аргумент — «не в нашего Бога веруют». В чем была вера в «их Бога», односельчане и сами бы не сказали, но вот «не в нашего Бога» — это понятно, это побуждало к действию. В. И. Ясевич–Бородаевская, известный юрист и квалифицированный специалист по религиозному законодательству, была свидетелем всех издевательств, надругательств над гонимыми и оказалась не в силах передать ту дикую картину повсеместных православных погромов:

«Право, дух захватывает, когда вспоминаешь об этих ужасах, которые можно лишь сравнить с временами инквизиции и пыток»⁴.

Эта страница нашей отечественной истории еще неизвестна широкому кругу читателей. Мы хотим восполнить этот пробел.

«Отчаянные усилия Церкви не допустить перевод Библии на русский язык объясняются ее страхом перед возможностью того, что народ повернет Библию против церкви»⁵.

Но прорыв был сделан, и тысячи книгонош–добровольцев разносили по всем углам Империи свежие экземпляры Евангелия⁶.

«Как на Западе перевод Библии на новые языки внес новые элементы в жизни народов и породил разные религиозные течения.., так нет ничего удивительного, что перевод Библии на русский язык расшевелил пробу–женное уже народное сознание...»⁷.

«Освободив народ, мы должны были дать здоровую пищу для его ума и сердца...»⁸.

«Сначала стремление к духовному возрождению в народе сказалось в склонности к аскетизму, и в период, предшествовавший освобождению крестьян, заметно было усиленное хождение по монастырям; многие ударились в крайний мистицизм и примыкали к общинам отщепенцев–мистиков...»⁹.

«Освобождение народа от крепостного гнета и пробуждение народного

самосознания в сфере религиозной этики нарушило и в этой области вековечный сон: и здесь, вместо того, чтобы проникнуть вглубь вопроса, анализировать новое явление, и, став с ним лицом к лицу, призвать свою совесть к ответу, — на что не хватило ни мужества, ни порядочности, — стали обвинять немцев-баптистов, которые тогда действительно пошли навстречу этому пробуждению, желая помочь народу выбраться из непроглядной тьмы»¹.

Не менее сложен вопрос о великосветских салонах, и недоумение было где искренним, где казенным.

«...Где же причина такого странного явления, каким образом этот слой (аристократия. — *А.Б.*) мог служить почвой для сектантского движения?»².

Протоиерей Орнатский, явно настроенный против пашковцев (Санкт-Петербург) отвечает: «Почвою было — после многих лет неверия или формализма и холодности в деле веры (это на «святой Руси». — *А.Б.*) — искание ее, толкование духа по глаголам вечной жизни. Таково было настроение многих по рождению православных людей — высшего столичного общества в 70-х годах прошлого столетия, после увлечения отрицательными учениями»³ — имелись в виду различные модные веяния, нигилистические в вопросах религии, или спиритизм.

Но вот приезжает в столицу Гренвилл Редсток в 1874 г., не имея богословского образования, без ораторского красноречия, прямо и просто, отчего многих с изысканным вкусом и коробило, задает вопросы как будто бы христианам и попадает в больное место Опустошенной души. Характерный пример с полковником В. Пашковым, богатым помещиком, личным другом Александра II, особняк которого стоял почти рядом с Зимним дворцом на набережной Невы. Когда жена Пашкова стала проявлять интерес к встречам с Ред-стоком, муж неодобрительно отнесся к ее увлечению. Когда же она пригласила англичанина к себе на обед, то Пашкову как воспитанному хозяину ничего не оставалось делать, как присутствовать. Заезжим гостем было сказано немного, но хозяин потерял покой и, вынужденный согласиться с правотой Евангелия, стал с этого времени одним, если не первым из высшего света, активным распространителем Новых Заветов и проповедником открывшегося ему учения Христа.

Граф А. Бобринский, полковник Почетного Корпуса и министр транспорта, решил аргументированно воспротивиться Редстоку и для этого, вооружившись Новым Заветом, стал готовиться опровергнуть несостоятельные, как ему казалось, ссылки Редстока на священные тексты. Но до диспута дело не дошло, потому что, возможно, впервые в жизни, граф прочел эти тексты осознанно, так, как они написаны, — и в результате последующая жизнь и состояние Бобринского были отданы на «благовесте», как было принято говорить.

Барон М. Корф, лорд-камергер императора; Е. И. Черткова, жена генерал-адъютанта царя; княгиня С. Ливен; граф Пален, министр юстиции; княжны Голицыны, со своей матерью княгиней Голицыной; князь Ливен, оберцеремонимейстер при царе; мать Великого князя Александра Иосифовна; жена графа Шувалова, начальника 4-го Отделения, т. е. Главного жандармского управления, графиня Е. Шувалова (во время преследований она проводила так называемые молитвенные собрания в подвале своего особняка); княгиня В. Гагарина... Всем этим титулованным особам было что терять, и тем не менее они шли на жертвы в силу их осознанного обращения к христианской вере.

Огонь разгорался, и скоро распространился по многим губерниям. О новом христианском явлении в Петербурге «толковали даже такие люди, которые не умели выговорить его имени...»⁴.

Не станем отрицать — из всего можно сделать моду. «Между тем число последователей Редстока в Петербурге постоянно увеличивалось. Не быть редстоковцем в то время значило уронить себя в глазах общества и получить название «человека отсталого». Возражать учению английского лорда в частном доме было бы равносильно нанесению оскорбления хозяйке»¹. Если учесть, что это писали в «Миссионерском обозрении», то понятно сознательное смещение акцентов, — журнал не был способен к объективной оценке в силу предвзятости. Для кого-то в том была лишь некая пикантность, экстравагантность, но для большинства это было серьезно. Процитированные слова напечатаны в 1898 г., вовсю действовал Закон от 1894 г. (мы будем о нем говорить специально), были репрессированные даже из числа приближенных ко Двору, а с простолюдными вообще не церемонились; так что моды как таковой уже не было, а вот внимание к проповедям Евангелия было широким, это верно.

Разве у людей богатых, вроде Пашкова, раздававших деньги нуждающимся, открывавших дешевые столовые для бедных, приюты для сирот, мастерские для не имеющих возможности зарабатывать на хлеб насущный, устраивавших молитвенные богослужения, где сидели рядом на обтянутых шелком стульях «аристократы и их дворники, кучера и другие слуги»², разве у этих устроителей благотворительных мероприятий было только модное желание побыть на короткое время филантропом? Может, все это было лишь пасторалью? А как же те репрессии, которые выпали на их долю?

Император Александр II был близок и дружен со многими. Надо полагать, что сказывалось благотворное влияние целого ряда лиц из его окружения, которые прошли через очистительное действие духовного пробуждения. Достоверно известно, что император готовил к Пасхе 1881 г. Манифест о свободе совести и веротерпимости, — на четверть века раньше Манифеста 1905 г. Влияние высокопоставленных лиц из аристократии было настолько авторитетным, что вызывало симпатии у целого ряда лиц из Сената. Известно даже признание губернатора Санкт-Петербурга Тренева: «Если Пашков победит, то мы (т.е. русское общество) все спасены»³. Эта фраза многого стоит: разброд и нестабильность в российском обществе, очевидно, были настолько вопиющими, что на фоне усиливающейся деятельности революционеров самых различных толков новое христианское движение представлялось спасительным.

Но после роковых взрывов 1 марта 1881 г., убивших царя, наступила реакция, чего очень желали и до этого консервативные силы как в церковных, так и в светских кругах.

«Редстокистов, или пашковцев, стали считать опасной сектой, которая ослабляет православие, а так как православная церковь как государственная была поддержкой престола, то ослабление ее являлось с этой точки зрения опасностью для основ престола. Государь являлся главою церкви и был таким образом естественным ее защитником, а потому все, касающееся ее, касалось и его. На этом основании евангельские верующие рассматривались как противники существующего государственного строя и подвергались строгим ограничениям и даже гонениям»⁴.

Эти слова княгини С. Ливен, написанные в ее воспоминаниях, многие вещи расставляют по своим местам. Основная причина возникшего противостояния, которого не желали прежде всего сами преследуемые, — это слабость государственной Церкви перед Евангелием.

Прочитав Отчет Синода за 1881 год, полный сетований на безверие, нерадение к церковным службам, своекорыстие, необузданное вольномыслие, гордость, любостяжание, невоздержание и зависть, проявлявшиеся в российском обществе, Владимир Соловьев

отозвался статьей «О духовной власти в России», где высказал недоумение, что в указанном Отчете ни слова не сказано о главном недуге, «который удручает ныне русский народ в его целостности и составляет истинную причину тягостного его положения». Эта статья тем еще полезна для нашей темы, что ее автор, возвратившийся к нам из идеологического небытия, — православный богослов и философ, так что у нас нет оснований не доверять его словам.

«Помимо всех грехов и беззаконий в отдельных лицах и сословиях, русский народ в своей совокупности духовно парализован;.. не видно в нем действий единого духовного начала, которое бы... внутренне управляло всей жизнью» ¹.

«Если Россия не по имени только, но воистину есть страна христианская, то в основе ее общественной организации и жизни должно лежать нравственное *свободное* (курсив мой. — А.Б.) единение людей» ².

«И иерархия русской Церкви... стремясь *принуждением* (курсив мой — А.Б.) вернуть к единству отпавших, произвела еще большее разделение; пытаясь насильем утвердить свой верховный авторитет, подвергается опасности совсем его лишиться» ³.

«Явное бессилие духовной власти, отсутствие у нее общественного нравственного авторитета и общественного значения.., отчуждение духовенства от остального народа, и в самом духовенстве раздвоение между черным, начальствующим, и белым, подчиненным, деспотизм высшего над низшим, вызывающий в этом последнем скрытое недоброжелательство и глухой протест, религиозное невежество и беспомощность православного народа, дающее простор бесчисленным сектам, равнодушие или же вражда к христианству в образованном обществе, — вот всем известное современное положение русской Церкви» ⁴.

«Разве не истинное искание правды Божьей, стремление усвоить и осуществить ее порождает многочисленные секты в русском народе?» ⁵.

Объективности ради, к словам В. Соловьева нужно добавить некоторое уточнение: в рассматриваемый нами период немалое количество лиц из духовенства явно или скрытно выражали протест «крепостной зависимости»... от господствующей религии. «Среди православного духовенства были и честные священники, которые тяготились тем, что их заставляли служить царизму, возмущались этим. «Мы наемники своего правительства, — открыто признавался в церковной печати один священник, — мы чиновники в своих приходах, да еще с полицейскими функциями» ⁶. Подобное можно было сказать в печати лишь в короткое время некоторой либерализации 1905–1906 гг., но сказанное свидетельствует о всей священнической практике предшествовавших лет.

Но вернемся к «оперативной обстановке». В 1884 г. 24 марта в Санкт–Петербурге состоялся Съезд верующих христиан различных рационалистических направлений: молокан, баптистов, штундистов (поневоле пользуемся этим весьма условным названием), меннонитов, духоборов, евангелистов. Целью Съезда было: попытаться объединиться если не в едином порядке богослужений, то хотя бы в самом основном, вероисповедном. Весь Съезд был арестован и отправлен в Петропавловскую крепость, а В. Пашкова и М. Корфа выслали за границу, где они и умерли в изгнании.

По этому поводу помощник Л. Толстого В. Чертков писал:

«Возвратясь в Санкт–Петербург, я был возмущен новостью о том, что Пашков и его соратник по вере Корф высланы из России... Я не удивился действиями правительства, которое всегда применяло политику силы, но был возмущен тем, что церковь, которая считает себя представительницей учения

Христа, одобрила подобные действия. Я чувствую, что это последняя капля для меня. Я не разделяю взглядов Пашкова, но в тот момент, если бы меня спросили, к какой религии я принадлежу, я бы сказал — к Церкви Христовой, без упоминания какой-либо существующей деноминации»¹.

Впрочем, и самого В. Черткова вскоре тоже выслали из России. Очень показательны слова сенатора А. Ф. Кони:

«Мы виделись, впрочем, еще перед этим в 1897 г. в Петербурге, куда Толстой приезжал проститься с Чертковым, которого в то время *постыдной религиозной нетерпимости* (курсив мой. — А.Б.) выслали за границу»².

Если же вспомнить о неудавшемся Съезде, то В. Соловьев писал о так называемых сектантах:

«Значительная часть русского народа, разделившись на множество сект, сходится лишь в общем отрицании господствующей церкви»³.

Рассуждая об извращенной сущности церкви как государственной организации, философ писал:

«Правильное отношение церкви и государства существовало у нас некогда в начале. И если это отношение нарушено, то вина в этом падает не на государство. Ибо прежде, чем Петр Великий подверг церковную власть внешнему подчинению государственному, сама эта власть церковная уже допустила в себе противохристианский дух гордости, деспотизма и насилия и тем подвергла сомнению свое право на независимое существование»⁴.

Приближаясь к своему самому незаконному законодательному решению, Св. Синод Указами от 1889 г., № 8 и 1892 г., № 9 обязал преосвященных: строго наблюдать через духовенство за православными, живущими в сектантских семьях; обязать миссионеров и приходских священников ежегодно доставлять им сведения о числе сектантов, а главное *немедленно доносить* (курсив мой. — А.Б.) и притом непосредственно преосвященным, минуя благочинных и консисторию, о каждом случае появления в приходе какого-либо лжеучения или отступления от православия»⁵.

«По своему обскурантизму, реакционности и деспотичности Победоносцев, вероятно, побил все рекорды обер-прокуроров минувшего века»⁶. Несколько неожиданно и странно звучит это признание из-под пера Д. Поспеловского, который, по сути, только этим и ограничился, характеризуя правящую Церковь.

Итак, «черный папа», «русский Торквемада» поставил перед собой задачу переломить ситуацию, и 4 июля 1894 г. выходит Высочайше утвержденное Положение Комитета министров и циркуляр Министерства внутренних дел от 3 сентября 1894 г. за № 24 о признании штунды особо вредною сектою и воспреещении собраний штунды. Вот некоторые извлечения из этого Положения, ставшего Законом:

«... Считаю необходимым пояснить, что за сим права и льготы, дарованные законом 3 мая 1883 г. раскольникам менее вредных сект (? — А.Б.), не могут быть

применены к штундистам, и что всякие общественные молитвенные собрания отнюдь не должны быть допускаемы в будущее время под опасением привлечения виновных к строгой судебной ответственности в установленном для сего порядке... Подлинное подписал:

Министр внутренних дел статс-секретарь Дурново¹.

Один из главных идеологов религиозных гонителей В. Сковрцов, он же редактор «Миссионерского обозрения», издал свою книжку «Миссионерский посох». Этот чиновник по особым поручениям, статс-секретарь, мастерски «подгоняет» почти всех так называемых сектантов под одно понятие — «штундисты». Вот какой «квалифицированный винегрет» у него подучился:

1) штунда плотская, штундо-баптисты, Евангелики, или пашковцы-некрещенцы и штундо-молокане;

2) штунда духовная и штундо-пашковцы-неперекрещенцы;

3) штундо-субботники и штундо-жидовствующие;

4) штундо-малеванцы и штундо-духоборы.

Шалапутство и иоаннитство, по мнению Сковрцова, «открывают у себя почву для штундизма»². В адрес последних, так сказать, предупреждение: ждите, скоро «прилетят скворцы».

Что может понять из этого неискушенный в религиозных тонкостях человек? Тут явно видно кровожадное желание всех пустить по этапам. В. И. Ясевич-Бородаевская писала об этом беззаконии:

«В применении же к жизни это законоположение было обставлено так, что по букве его, благодаря разным дополнениям и разъяснениям, *все сектанты* (курсив Я. — Б. — А.Б.) оказались штундистами, не взирая на *совершенную противоположность их религиозных мировоззрений* (курсив Я. — Б. — А.Б.)»³.

Не всякий читатель, возможно, потрудится заглянуть в «Приложения», — так что вот «картинка» глазами члена-корреспондента Императорского Юридического общества:

«Так, например, сектантов Киевской губернии Васильковского уезда с. Снегиревки, Антоновки и др. зимой загоняли далеко в степи к глубоким оврагам для физического угнетения, надеясь повидимому, что с разбитыми физически легче справляться, возвращая в лоно православия; выгоняли их на принудительные работы, заставляя с рассвета до глубоких сумерек голыми пригоршнями насыпать во время лютых морозов снег — женщин в подолы юбок, мужчин в подолы тулупов и переносить эту бессмысленную ношу на далекое расстояние, где эти страдальцы должны были спускаться в овраги и там высыпать снег... И так с утра до вечера «работали» эти труженники Божий под наблюдением урядников, сотских и прочих мелких властей, тут вволю издевавшихся над беспомощными людьми. В сумерки, по возвращении в село, несчастных ставили в ряд у волости, на морозе, с приказанием вытягивать руки; двое стражников держали руки, один — голову, и начинались новые издевательства. Выносили водку и, зная, что сектанты ее вовсе не пьют и не курят, старались насильно всунуть сигарку в рот и залить водки в глотку. Потешившись вдоволь, водку выпивали сами стражники, разбивая пустые бутылки о головы сектантов. По ночам в окна сектантских домов сыпались груды камней, ломали двери, окна, врывались в хаты, разбирали печи и, избив хозяев, безобразники уходили, оставляя объятых ужасом малых ребят и взрослых в стуже. И под таким страхом приходилось жить ежечасно и ежеминутно! Наступала весна. Радетели-ревнители православия ловили на улице сектантов и палками загоняли по шею в пруд во время половодья, держа их там подолгу и всячески издеваясь над

ними. Летом же, женщин гоняли босыми по колючему бурьяну, доколе ноги не покрывались потоками крови, насиловали безнаказанно женщин, насмерть забивали мужчин в холодных (все это совершается в других местах с некоторыми вариациями и поныне). Право, дух захватывает, когда вспоминаешь об этих ужасах, которые можно лишь сравнить с временами инквизиции и пыток»¹.

Несколько позже в упоминавшейся уже брошюре «Вне закона» А. С. Пругавин скажет:

«К сожалению, размеры настоящего сообщения не позволяют нам привести даже самую краткую хронику тех арестов, обысков, ссылок, изгнаний и заточений, которые предпринимались в течение последних двух десятилетий, так как напечатание подобной хроники потребовало бы целой объемистой брошюры или книги»².

В разделе историографии мы упоминали о священнике Ф. Титове, произносившем свою актовую речь на соискание ученой степени по богословию (1897 г.). Признав, что у русских православных отсутствуют ясные понятия о своей вере (см. примечание 22), этот соискатель возлагает вину на «либеральную печать».

«К глубокому сожалению, среди наших писателей и даже целых литературных кружков в настоящее время, как и прежде, находятся такие, которые видят в русском сектантстве нечто чрезвычайно хорошее и светлое... Вот что, например, писала еще совсем недавно одна из подобных защитниц и покровительниц сектантства: «Мысль народная растет, направляясь в разные стороны, давая в результате многочисленные секты, обнимающие не одну тысячу человек. Эти секты выделяют своих героев, из коих многие отличаются высокими нравственными качествами и жизнью, отмеченную подвигами и страданиями за веру свою... Вечный обмен мыслей развивает самостоятельность, вырабатывает способность к критическому анализу. С просветлением ума исчезают и понятия, присущие тьме»³.

Бороться с сектантами, по мнению Ф. Титова, нужно не преследованиями и гонениями, а «ограничительными мерами»:

«В исключительных, особенных случаях по отношению к русскому сектантству, особенно современному, являются необходимыми даже ограничительные меры. Мы убеждены и понимаем, что преследование, гонение сектантов не только бесполезно, но даже и прямо вредно: оно только ожесточает, раздражает их, делает их все более упорными в своих заблуждениях. Но ограничительные меры совсем не преследования или гонение сектантов, и такие меры отнюдь не противны христианской вере, как иные думают»⁴.

И ниже: «В отношении к такому направлению современного русского сектантства опять-таки неприложима одна только духовная борьба. Это именно и есть та область, где церковь теряет всякую возможность действовать на убеждение людей. Здесь, очевидно, требуются совсем иные меры, именно ограничительные»⁵.

Вспоминается, как лет десять назад в тогдашнем еще Ленинграде писатель М. Чулаки написал статью «Инакобытие». Написал по поводу коммунистов, которые совершенно не чувствовали боли народа, находившегося под богоборческим режимом. Видимо, в инакобытии находились и те, кто по священническому своему долгу обязаны были знать

простые Христовы истины: милость превозносится над судом.

«Если церковь в деле веры прибегает к орудиям недуховным, — писал Аксаков, — если она обращается к грубому вещественному насилию, то она отрекается от собственной духовной стихии и, отрицая сама себя, перестает быть «церковью», а становится государством, то есть «царством от мира сего»¹.

«Как только нравственные отношения членов Церкви заменяются отношением формально-юридическим, а для поддержания церковного единства начинают употребляться внешне насильственные мероприятия, то это несомненный признак того, что начало церковности начало иссякать в общине, и, чувствуя ослабление своих собственных сил, она открыла недра свои для проникновения туда начала государственного»².

Нет, не случайно Победоносцев считал, что без поддержки государства православной Церкви не устоять.

Вот и нормативы Закона от 4 июля 1894 г.:

«Дети штундистов должны быть отчуждаемы от родителей и отданы на попечение родственников, принадлежащих православной церкви; а если это невозможно, то они должны быть переданы на попечение местного духовенства (т. е. в монастырь. — *А.Б.*);

— С этого времени штундистам запрещается проводить службы и открывать школы;

— Паспорта и удостоверения личности штундистов должны иметь отметку об их принадлежности к этой секте. Любой работодатель, принявший на работу штундиста, должен быть подвергнут штрафу;

— Имена членов этой секты должны быть переданы министру путей сообщения, который вывесит списки в железнодорожных конторах для того, чтобы они не могли устроиться там на работу;

— Штундистам запрещается нанимать на работу православных. Нарушение наказывается ссылкой на Кавказ на срок до пяти лет;

— Штундистам запрещается покупать или брать в аренду землю. Любой штундист, уличенный в чтении Библии или в молитве вместе с другими, должен быть арестован и немедленно выслан в Сибирь в административном порядке (без суда. — *А.Б.*); все проповедники должны быть приговорены к исправительным работам на рудниках в Сибири;

— Штундистов следует хоронить в стороне от освященной земли; для них запрещается проводить заупокойную службу;

— Всем сектантам запрещается покидать места жительства. Они должны признаваться юридически недееспособными в ведении финансовых и торговых дел;

— Проповедники и авторы религиозных работ должны приговариваться к 8–16 месячному заключению, за повторное нарушение предусматривается 32–48 месячное заключение в крепости, за третье нарушение — ссылка»³.

Чтобы не утруждать себя необходимостью входить в юридические тонкости, было решено, что «должно быть одно название, штунда, для всех сект во всех их направлениях»⁴. А вот и реакция Ясевич–Бородаевской на эту юридическую «находку»:

«Последний законодательный акт, от 4 июля 1894 года о штунде, получивший столь ж печальную известность, переполнил чашу страданий сектантов, так как превращенный в универсальное орудие борьбы, он уничтожил

всякое понятие о законности в отношении всех сектантов,...»¹.

Ну и что? Это же всё государство делало: и законы издавало, и их же претворяло в жизнь. Но религиозное законодательство вдохновлял, готовил и представлял императору на высочайшее утверждение «духовный департамент полиции», Св. Синод, а на местах с ортодоксальным рвением следили, доносили, натравливали, проклинали с амвонов смиренные пастыри. Мы уважительно относимся к многовековой православной культуре как свободному духовному волеизъявлению, хотя тенденции нынешнего дня заставляют учитывать и иное.

Одним из феноменов российской ментальности является ксенофобия. Раньше было принято считать, что корни этого общественно–психологического фактора уходят в необразованность и темноту народных масс. Но век двадцатый, век массовой образованности и просвещения, дает по–прежнему примеры подобной патологии — будь то в коммунистический период или в постсоветский. Менялись только ярлыки: штундист, космополит, баптист, враг народа.

Уже упоминалось о созыве в 1891 г. в Москве Собрания православных иерархов. Так вот, Резолюция гласила:

«Быстрый рост сектантства является серьезной опасностью для государства. Всем сектантам должно быть воспрещено покидать место жительства. Все преступления против православной церкви должны разбираться не в светских, а в духовных судах (инквизиция!). Паспорта сектантов должны быть помечены особым образом, чтобы их нигде не принимали на работу, ни на жительство, пока жизнь в России не станет для них невыносимой (антихрист!). Дети их должны силой отбираться и воспитываться в православной вере»².

Цитата взята из работы Л. И. Шендеровского и ему принадлежат восклицания, заключенные им в скобках.

В 1887 г. Св. Синод собирает первый Съезд противосектантских миссионеров. Было создано Миссионерское общество для возвращения заблудших овец в православное стадо; этих заблудших было так много, а батюшки были столь невежественны в вопросах собственной веры, что срочно потребовалось подкрепление. Общество и стало кузницей кадров для подготовки инквизиторов; им были даны и соответствующие права.

В 1891 г. состоялся второй Съезд. Вопросы обсуждались интересные:

«о воспрещении законным порядком устраивать штундистам свои молитвенные дома..., о приведении приговоров суда над штундистами в исполнение как можно скорее...»

В 1897 г. третий Съезд миссионеров вынес решение, по которому вышедших из православия можно было ссылать в Сибирь уже не через суд, а в соответствии с приговорами местных сходов. Иначе говоря, самосуд объявлялся законной нормой. Позже достаточно будет приговоров «троек».

«Эти злодеяния власти называли «стерилизацией» (?! — А.Б.), а попечение над ней было доверено православному духовенству, которое обвиняемых направляло в суд, представляя чаще всего фальшивых свидетелей, и подсудимых суд наказывал ссылкой на дальний Кавказ или Сибирь. Выход из православной церкви считался актом беззакония, и поэтому еретики (? — А.Б.) были лишены всех прав. Их браки считались бесправными и нелегальными; их дети тоже были нелегальными, не зарегистрированными и не получали метрических документов»³.

«Если «еретик» умирал, то поп местного церковного прихода не давал разрешения на погребение умершего на православном кладбище, а устройство кладбищ для «еретиков» не разрешалось. Поэтому часто умерший оставался дома долгое время, а семейство его, понятно, переносило много неприятностей. Часто совершались погребения на еврейских кладбищах или на собственном дворе, или в огороде. Можно себе представить, какие страдания переносили «еретики» по причине этого преступного действия православных духовных. Затем, очень часто, попы подстрекали своих прихожан к нападкам и избиениям «еретиков»¹.

«Все тюрьмы и места ссылок были заполнены «штундистами» — евангельскими христианами и их семьями... Дорога к местам ссылок была особенно тягостной и мученической. «Штундистов» присоединяли к криминалистам, преступникам, злодеям и убийцам (знакомая практика. — А.Б.). Многих транспортировали закованными в оковы с наполовину бритой головой, в ужасных негигиенических условиях, часто без пропитания и с очень строгим отношением жайдармов-конвоиров. Многие из них погибли на этой дороге страданий, а многие в ссылке»².

Через сто лет вышла книга, собранная из писем и воспоминаний. Приведем хотя бы несколько фрагментов.

«Тогда гонители стали хватать, чтобы отправить в тюрьму. В домах оставались грудные дети... «Пустите в дом взять ребенка, его надо кормить грудью!..» — «Обойдется и без груди», — зло смеялись гонители. Матерей погнали за 40 верст в Уманьскую тюрьму... Плачущие дети не давали покоя другим людям... Среди женщин было много евреек с младенцами. Когда они узнали, почему плачут дети, то брали их на руки и кормили своей грудью. Слезы текли по лицам этих женщин: «Бедные малютки, за что вас наказывают?»³.

«...После изнурительного заточения в Херсонской тюрьме, заковали в цепи и погнали этапом в Киев вместе с уголовниками, а жен и детей вслед за ними на подводах. Из Киева этап повели в Москву... В Москве продержали всю зиму, и нас, жен, тоже держали в тюрьме... Не дождавшись теплой погоды, этап отправили в Сибирь. Конечной остановкой был г. Томск. Наши узники шли в дождь, жару и мороз, и конвой был немилосерден к ним... Да, трудно передать все, что мы тогда видели и слышали. Почти все дети в семьях заключенных поумирали от тифа, который косил всех подряд...»⁴.

«В 1894 году... Ратушному уже шел седьмой десяток лет. Может быть это или состояние его здоровья, или то, что он уже *четырежды был под судом* (курсив мой. — А.Б.) и на последнем был оправдан, послужило то, что Ратушный не был сослан...»⁵.

«Уже в 1887 году министр юстиции граф Пален, сам последователь Редстока, сравнил преследования русских сектантов с преследованиями инквизиции»⁶.

Поторопился, впереди был еще 1894 год!

Из распоряжения Министерства народного просвещения от 19 ноября 1893 года видно, что инспекторы народных училищ исключали из школ детей тех, кто уклонялся от православия.

Молчали ли тогда передовые общественные деятели? О графе Л. Толстом хорошо известно, что он выступал и словом, и делом в защиту гонимых. Достаточно вспомнить его заботу о духоборах, которые вынуждены были выехать из России, спасаясь от репрессий.

Интересно письмо христианского философа В. С. Соловьева, написанное им

Победоносцеву в 1892 г.:

«Политика религиозных преследований и насильственного распространения казенного православия, видимо, истощила небесное долготерпение... Между тем со всех сторон от восточной Сибири и до Западной окраины европейской части России поступают вести, что эта политика не только не смягчается, но еще больше ужесточается. Миссионерский Съезд в Москве с небывалым цинизмом провозгласил бессилие духовных средств борьбы с расколом и сектантством и необходимость светского меча» ¹.

Отечественные журналы «Свободная мысль», «Беседа», газета «Неделя» и другие (см. в Приложении) публиковали сообщения с мест о репрессиях. В 1894 г. в Англии был издан роман С. Степняка–Кравчинского «Штундист Павел Руденко» о преследованиях неправославных христиан. В газете «Новое время» предводитель дворянства Орловской губернии М. А. Стахович писал: «Кто же запретил свободу совести и кто карает? Разобравшись в законах, выходит, что карает гражданская власть вместе с духовной. При этом они не только соединились, но и перепутали свои несовместимые области...» ². Предводитель дворянства напомнил случай, когда штундистов заперли в церкви и в церкви же их пороли. Это вызвало сильный резонанс, и в разных печатных органах выясняли и уточняли: в церкви ли штундистов пороли или все же в церковной ограде.

Мировая пресса «била в колокола» о мученичестве штундистов; английская писательница Гебса Стретон написала «Великий путь страданий в конце XIX века», немецкий автор Келлер написал «Соль земли».

Преследуемые вовсе не были религиозными фанатиками. Они рассуждали здраво:

«Родится у вас младенец, вы платите попу деньги за крещение, а мы сами читаем молитвы, нарекаем имя, и деньги остаются в кармане. За венчание, за похороны, за молебны вы платите попу деньги, а мы это делаем сами и без всяких расходов» ³.

При всеобщей бедности привлекала «легкость жизни без расходов на храм, без препятствий в браке и без постов... широкое развитие среди сектантов взаимопомощи в виде денег и труда...» ⁴.

Весьма показателен пример, извлеченный из «дела» окружного суда в мае 1883 г.; судили отпавших от православия:

«— Ходите ли вы в церковь?

— Прежде ходили, а теперь нет.

— Почему же вы перестали ходить?

— А чего же ходить туда? Духовенство за все деньги просит». Подсудимые осуждены, чему они были весьма рады. «Больше всего они боялись/чтобы суд им не вынес оправдательного вердикта и тем не лишил бы их возможности переселиться на новые земли» ⁵. По окончании процесса несколько крестьянских семейств обратились к судьям с заявлением, что они тоже штундисты, и просили сослать их на Кавказ, «потому что от безземелия и разных притеснений им житья не стало» ⁶. Несчастные наивные люди; они не знали, что ожидало их на Кавказе.

Для облегчения своего положения в штундистских общинах существовала денежная взаимопомощь — это давало возможность избежать долгов в налоговых платежах. Так ведь

и это было запрещено специальным распоряжением ¹(вплоть до самой «перестройки» наши власти тоже запрещали в христианских общинах взаимопомощь).

Вначале, когда говорилось о терминах, мы называли данное христианское движение рационалистическим. В самом деле, по ряду вопросов бытового, социального и даже политического характера эти верующие рассуждали весьма трезво. «Отношение членов семьи сектантской между собой вполне любовные, мирные; главенство мужа в семье признается сектантами по Писанию. К школам и учению сектанты относятся сочувственно; никакого предубеждения против книг гражданской печати в них не замечается; даже и разные научные занятия считаются полезным делом» ².

«Штундисты не только не считают за грех иметь светские книги, но даже выписывают газеты, покупают их у евреев и торгашей, выпрашивают у помещиков. Местные, более распространенные в крае газеты, читаются штундистами даже на общественных собраниях» ³.

«Сектанты останавливают мысль народа и на вопросах чисто общественного, социального и государственного порядка... Особенно часто затрагиваются... вопросы о благе всех людей, свободе, равенстве, братстве, властях, о государственных повинностях, присяге, войне и о судах» ⁴.

Победоносцев отчитывался перед царем:

«Не ограничиваясь областью веры, эти сектантские трактаты рассуждают о наболевших вопросах в духе социализма и не везде даже прикровенно» ⁵.

«В сектантской среде кроме более–менее умеренного элемента создан уже и другой, более политически развитый, несомненно настроенный достаточно оппозиционно...» ⁶.

Вот тезисы духоборов:

«Царь один, небесный, а на земле царя не должно быть... Как человек осмелился снять с Царя Небесного титул и присвоить его себе?» ⁷.

«Земля — Божия. Она создана для всех равно. Владение — грабеж. Князья и помещики ограбили народ, завладев столько земли» ⁸.

Конечно, духоборы со своим «утопическим социализмом» выглядят наивно. Но им, людям трудовым, земные заботы и проблемы вовсе не были чужды. Даже упоминавшийся выше священник Ф. Титов счел нужным сказать в их адрес похвальные слова:

«Во мнении русской администрации того края (Закавказского. — А. Б.) они всегда пользовались наилучшей репутацией как люди трудолюбивые, хозяйственные, содействовавшие колонизации отдаленной окраины государства именно в русском духе, всегда трезвые, исправно платившие всякие подати и аккуратно отбывавшие разные повинности, никогда не замечавшиеся ни в каких преступлениях и даже почти никогда не обращавшиеся к гражданскому и тем более уголовному суду; наконец, как люди, оказывавшие русскому правительству по временам весьма важные, иногда действительно незаменимые услуги. Так, например, во время последней русско–турецкой войны духоборы безмездно дали

все средства для перевозки русской армии и доставления провианта, чем оказали великую услугу своему отечеству...»¹.

Интересен ответ одной общины на письмо толстовцев Трегубова и Черткова, опубликовавших его в зарубежном «Свободном слове»:

«В первом вопросе Вы, очевидно, ошибочно поставили слово «бунтовать» (против притеснителей) вместо слова «возмущаться», а потому мы вынуждены ответить на Ваш вопрос так: бунтовать всегда дурно, но возмущаться против притеснителей всегда хорошо, и тем более хорошо, чем самоотверженное и любовнее к притесненным будет способ возмущения»².

Приведем еще ряд свидетельств. Баптистский руководитель пишет:

«Кто будет спорить, что право сходов и свободная печать есть залог прогресса? Где этого нет, там господствует деспотизм»³.

Другой руководитель баптистской общины:

«Если мы хотим свободы в России, то политическим деятелям... следовало бы начать с того, чтобы добиваться введения конституции, чтобы народ имел своих представителей, которые могли бы заявлять о его нуждах и принимать или отвергать законопроекты»⁴.

Последние данные относятся к периоду, когда протест сугубо религиозный и протест политический, как два потока, стали сходиться. Верующие не знали истинной природы революционеров, хотя внешние признаки недовольства и протеста были схожими, да и объект недовольства у них был, по сути, один: социально–политический строй. Н. Бердяев в известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма» раскрывает идеалистические, незрело–религиозные мотивации социализма на ранней стадии зарождения. Но религиозный налет быстро улечивается, и уже в народниках богоотрицание было совершенно очевидно. По этой причине народ, будучи сам темен в вопросах веры, все–таки каким–то внутренним религиозным чутьем угадал, что ему с нигилистами не по пути.

Несчастные гонимые христиане самобытного русского духовного пробуждения в поисках защиты от вопиющей несправедливости могли и не распознать, с кем они имеют дело. У нас нет конкретных сведений о принадлежности кого–то из этих верующих к партии социалистов, есть только косвенный намек: «Отчего мы не запрещаем христианам и верующим в Бога поступать в нашу партию?»⁵. Сближающим фактором, несомненно, было гонение со стороны правительства и так называемых сектантов, и революционеров. Тюрьмы и ссылки, каторга, где они вместе разделяли лишения и, несомненно, поддерживали друг друга, — это тоже, как известно, сближает. Марксисты в поисках поддержки своих идей у населения в немалой степени рассчитывали на эти факторы, хотя конкретно об определенном слое верующих вопрос возник, как мы упоминали, лишь на втором Съезде РСДРП, т. е. в начале нынешнего века.

Марксисты во главе с Лениным обратили внимание на самостоятельное демократическое движение в рационалистическом сектантстве.

«Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма... Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов

марксизма и не совершая громаднейшей политической ошибки, пройти мимо тех революционных элементов»¹.

Мы видели, что было немало судебных процессов (хотя в основном вопросы решались и без судов, о чем, как мы тоже видели, свидетельствовали иные предписания различных противосектантских Совещаний). Но желающих представлять интересы обвиняемых на суде и юридически грамотно защищать их фактически не было. Ведь понятие «политическая конъюнктура» существовало и тогда. Мы упоминали лишь об одном — И. П. Кушнерове, который и сам был «штундистом». Он «с 1884 года взял на себя труд по обжалованию несправедливых действий против верующих... В то время адвокаты обычно не брались защищать подсудимых верующих... Благодаря его (Кушнерова. — А.Б.) обращениям в высшие юридические инстанции с делами обвиняемых, кассационный департамент Сената вынужден был отменить многие приговоры»².

Но, повторяем, как правило, подсудимых никто не защищал (см. в Приложении письма Кушнерова). А среди социалистов, марксистов и революционеров различных толков были люди юридически грамотные. И если они оказывали правозащитную помощь сектантам, то это кроме благодарности у последних, естественно, ничего не вызывало.

«Мы, социалисты, идем к ним (сектантам. — А.Б.), зовем их на борьбу с угнетающим и нас, и их правительством и с православной государственной церковью»³.

Социалисты, разумеется, в своих средствах печати использовали весьма охотно многочисленные факты преследований христиан.

«Стенографические отчеты собеседований миссионеров с сектантами, речи сектантов на судебных процессах, письма сектантов, очевидно отобранные при обысках, писанная сектантами литература..., все это, вместе взятое, дает весьма солидный материал»⁴.

Ленин советовал:

«Сектантами не только не пренебрегать, а при широкой постановке дела нашей социал-демократической пропаганды нам необходимо будет воспользоваться и их настроениями и фактами их преследования»⁵.

«Сектанты охотно брали и читали революционную и социалистическую литературу и распространяли ее. Отзывы о литературе были в общем весьма благоприятны; литература не только нравилась, но, как писали сами сектанты, «открывала глаза на все сущее»⁶.

Верующие не знали, какими средствами их попутчики собирались устанавливать «царство справедливости». Но общие принципы им были понятны:

«ограничение самодержавной власти в России, провозглашение свободы, которая бы гарантировала всем неприкосновенность домашнего очага, полную свободу совести, слова и собраний и которая бы дала всем классам населения широкое самоуправление»⁷.

И вот мы уже слышим от новошундистов:

«Попы проповедуют веру языческую; мы ее отвергаем, а наша вера будет вот какова: свобода, равенство и братство»¹.

Чтобы закрыть этот вопрос, скажем, что после революции 1917 года большевики действительно несколько благоволили к сектантам в силу того, что последние, как видим, были поставлены правящей и господствующей православной Церковью в положение изгоев; а с Церковью у революционеров были, понятно, свои счета. Позднее же для господствующей уже партии было все равно — сектанты или православные, ибо, как считали большевики, все были одурманены «опиумом народа». Но в революциях 1905 года, тем более 1917 года неправославные христиане не участвовали, вовремя разглядев подлинный дух большевиков.

Но не будем торопить время. Еще только заканчивался XIX век, репрессий хватит и на начало XX, вплоть до «октябрьского переворота». А пока...

Бывшие босяки, или по-нынешнему бомжи, каким-то образом обратились к Богу через чье-то «сектантское» усердие. Разгульный образ жизни Федот Стаднюк и Агриппина оставили и решили свой брак освятить в православном храме. «Новые религиозные убеждения их уже были известны священнику и диакону церкви. Венчание прошло обычным порядком, без приключений, но когда священник уходил в алтарь, то, давая свое благословение новобрачным, хотел было, чтобы они поцеловали у него крест и по обыкновению руку его, но Стаднюки отказались. Тогда подскочил к Стаднюку дюжий (здоровенный) диакон с псаломщиком, схватил его за руку и впившись когтями в его тело, поволок его к алтарю целовать иконы. Стаднюк наотрез отказался. Тогда клиросники (диакон, псаломщик и некоторые другие) подхватили Стаднюка на руки и хотели с размаху угодить головой в большую застекленную икону, но Стаднюк, предвидя могущее быть поранение от стекла, послал вперед не голову, а свои ноги, отчего вдребезги разлетелось иконное стекло. Клиросники еще больше рассвирепели и ожесточились: они хотели Стаднюка свалить с ног и стоптать ногами, но последний не один раз в своей босяцкой жизни уже испытал такое положение и сразу сметил их намерение: всею силою ухватился за перила ограды около алтаря и так долгое время оставался. Они же, не имея возможности оторвать его от перил, били его кулаками под боки и всячески старались причинить ему мучения.

Крики и смятение людей, бывших в церкви, не помогали до тех пор, пока не приехал в церковь какой-то фельдфебель со своими солдатами, которому и удалось прекратить избиение Стаднюка.

После сей «пастырской любви к заблудшим овцам православного стада» Стаднюк долго болел ребрами и внутренностями, от которой болезни 30 декабря 1903 года, 52 лет от роду, умер в больнице Киево-Кирилловского богоугодного заведения»².

«Грозный блюститель порядка приказал разогнать собрание. Вооруженные городовые пошли в ряды по меж молившихся с криками «разойдись!». Городовой № 413 Приходько, подойдя к молившемуся за начальство брату Семену Виткову, грубо приказал ему: «брось болтать языком!», а когда запели «Христос Спаситель, Бог вселенной, храни Россию и царя», то здесь полиция подняла такой шум, что как будто бы дело противогосударственное»³.

«Теперь я еще вам расскажу про одного молоканина. Он шел со мною этапом, очень уже стар, 96 лет. Шли трое: отец, сын и зять; заковали их в кандалы. А в другой тюрьме начальник сказал: старика расковать. Его везли и на нары высаживали спать, потому что сам не мог взобраться. С сыном шла жена и трое

детей, а зять вдов и вел троих детей. Зять в Тифлисе умер, то с него кандалы сняли, так раскованного и погребли, а дети остались в Тифлисе, а старик дошел до места, освободили и умер сейчас, а сын живет и до сих пор. Старик плакал и рассказывал мне: «Веришь ли, брат, что я им не сделал обиды и на маковое зерно, а меня выслали за ложь, да еще, голубь мой, я удивлялся бы, если бы лгали простые люди, а то сам священник учил как лгать. Один пьяница пропил все, что у него было, и уже одурел, ходил по свету так, как мара (привидение), и украл у меня один улей с пчелами и с медом, и его посадили в тюрьму, и отсидев, пришел он домой и, очевидно, рыл, рыл, рыл яму так, как свинья, и говорит: «что мне тому Поликану сделать за то, что он меня в тюрьму посадил? А тот (священник) ему и говорит: «скажи, что Поликаны хулили икону Пресвятой Богородицы, говорили на Богородицу: какая она Мать Божья, если у нее мужа нет, а дитя есть». И поставили в протокол того пьяницу свидетелем, а меня с детьми и внуками выслали понапрасну.

*Тимохвей Заиц»*¹.

Наветы применялись широко. В. Короленко вынужден был выступить в «Русском богатстве» по поводу клеветы священника Блинова на вотяков (нынешняя Удмуртия) — они обвинялись в человеческом жертвоприношении²; это «мултанское дело» было известно и А. Ф. Кони.

В. Розанов пишет в ответ на «открытое письмо миссионера (Булгакова) писателю г. В. Розанову» (Миссионер требует от Розанова доказательств, что миссионеры могут и умеют только приказывать: «Факты, факты, г. Розанов! Где они?»):

«В Тобольской губернии, г. Булгаков. Ведь в этом 1905 году, после дарования светской властью благословенной веротерпимости, расковались духовные оковы и возвращены были из Тобольской губернии на родину, в Малороссию, кроткие штундисты. Не священники же и не полиция, не умевшие различать вероучений, во всяком случае не берущиеся за это, выпроводили их: для этого нужны были «специалисты–эксперты», каковыми на суде и являются гг. епархиальные миссионеры. Эти всякое с собой разномыслие объявляют «особо вредною сектою, не токмо опасною для Церкви, но и для Государства (почти все наши секты объявлены «особо опасными для государства»). Последняя формула есть только вариант древнего инквизиционного приговора»³.

В. Розанов пишет в сноске:

«Г–жа Бородаевская, автор многочисленных исследований о сектантстве, спросила вслух В. Скворцова (мы помним этого главного миссионера. — А.Б.): «Каких вы нашли в России штундо–баптистов, когда есть только баптисты?». Смысл вопроса в том, что баптисты — не наказуемая по законам протестантская секта, а штундизм — «особо опасная и строго наказуемая». Таким образом, вопреки свидетельству о себе самих сектантов, да и просто вопреки науке этнографии, гг. миссионеры вешают на человека бляху с подписью «волк» и уже затем требуют застрелить его, — как бы он не кричал: «я называюсь человеком! меня крестили Иваном!»⁴. Скворцов и его окружавшие не нашли что ответить.

«В то время общественные собрания были невозможны. Все встречи были тайными. Каждую пятницу братья из разных частей города (Петербурга. — А.Б.) собирались и организовывали тайные богослужения в частных домах, на которые верующие различных кварталов приглашались персонально. Каждую неделю места менялись. Встречи проходили в очень трудных условиях, часто в бедных комнатах рабочих. Особенно я вспоминаю наши встречи, которые проходили в подвальной

комнате, занимаемой сторожем в военной школе. В комнату можно было пройти через темный коридор, который напоминал мне катакомбы. Сторож сам стоял у входа в коридор, посетители проходили один за одним, внимательно следя, чтобы никто не заметил их. Сторож пропускал только тех, которых он знал, кого рекомендовали известные ему братья. Сохраняя тишину, он проводил посетителей через длинный мрачный коридор в комнату, где могли одновременно собираться от 15 до 25 человек. Никакого пения не разрешалось из-за страха привлечь внимание полиции. Обратное все участники выходили один за другим, соблюдая все меры предосторожности.

Другая встреча, как я вспоминаю, проходила в доме княгини (Проханов неточен: графини. — А.Б.) Шуваловой у пересечения Мойки и Зимней канавки. Встреча проходила в комнате, занимаемой кучером. Верующие проходили в эту комнату один за другим, стараясь не выдавать свой приход агентам полиции. Княгиня сама действовала с такими же мерами предосторожности»¹.

Графиня была женой графа Шувалова, начальника 4-го Отделения, т. е. Главного жандармского управления.

«Свобода слова и совести рисовалась воображению разных клерикалов, не в меру ретивых в своей религии, чем-то весьма опасным и для них самих, и для церкви, и для общества. Постоянное ожидание от такой свободы ужасной пагубы для всей церковно-общественной жизни заставляло ригористов-церковников повсюду ставить ей преграды, тормозить ее поступательное движение вперед, глушить и давить ее везде, где это было возможно, и всеми средствами, какими можно было располагать той или другой группе их. Забыв, что живая вера и по самой природе своей свободное слово не могут быть уничтожены никаким насилием и гнетом, они прибегали ко всякому насилию и гнету... И суд, и насилие над совестью людей представителями Церкви освящались религиозной идеей — служением Господу: убиением человеческой личности «мнили службу приносить Богу», как будто-бы Ему могут быть угодны «над вольной мыслью» человека «насилие и гнет». Санкционировав же принцип стеснения и нетерпимости к иноверию и иномыслию, в выборе средств для достижения своей инквизиторской цели духовные власти уже нисколько не стеснялись. И вот — запрещения, проклятья, послания, письма, тюрьмы, — все это служило орудием борцам за веру и нравственность против нынешней крамолы — свободы совести и слова»².

Юрист А. М. Бобрищев-Пушкин тревожился о перспективе такого состояния России:

«Разумеется, я имею в виду крупные законодательные меры, из которых можно с уверенностью заключить, что обособление сектантов в бесправном положении в собственном их отечестве признается, как и следует ожидать, слишком неудобным во всех отношениях и прямо опасным... ввиду грозной перспективы *народных междоусобных волнений* (курсив мой. — А.Б.)»³.

И простимся с XIX веком, приведя выдержки из письма В. Соловьева императору Николаю II:

«Может ли такой вид христианства (православие. — А.Б.) утвердиться насилием, владеть через принуждение совестью людей? Христос сказал: «Я есмь дверь». Позволительно ли христианам силою толкать в эту Дверь одних и силою же не выпускать из нее других? Сказано: «Приходящего ко Мне не отгоню», но о притаскиваемых насильно ничего не сказано... Зачем же тут еще принуждение, к чему эта внешняя искусственная ограда, это тройное кольцо из уголовных законов,

административных притеснительных мер и цензурных запрещений? Но как ни тяжелы и обидны эти оковы со стороны терпящей, — для различных раскольников, сектантов и иноверцев, — без сравнения тяжелее и обиднее такое положение для самой господствующей Церкви: для нее оно прямо пагубно... С каким успехом можно заблуждающихся убеждать в той истине, во имя которой они уже посажены в тюрьму или сосланы в ссылку? Оружие Церкви есть слово, но можно ли достойно обличать словом тех, кому уже зажали рот силой? Можно ли честно бороться с противниками, у которых крепко связаны руки?.. Христос в Евангелии неоднократно говорил Своим ученикам: «Вас будут гнать во имя Мое», но ни разу не сказал: вы будете гнать других во имя Мое...

Христианство нигде не осуждает вооруженной защиты земного отечества, но когда слишком ревностный апостол хотел защитить оружием воплощенную Истину, то услышал: вложи меч свой в ножны. Внемлите и Вы, благочестивейший Государь, слову Христову и властно повторите его слугам Вашим, чтобы они не оскорбляли Божьей истины недостойными способами ее защиты и распространения.

Дело идет не о каких-нибудь частных правительственных мерах, подлежащих рассмотрению в тех или других ведомствах, — дело идет о судьбах России, которые ныне вверены Богом только Вашей совести, Государь.

...Если Вы только скажете, Государь, вслух всем, что нет Вашей царской воли на стеснение Ваших верноподданных в делах совести и религии, — разом исчезнет мрак, застилающий солнце правды Христовой, разом спадет тяжелое бремя с души народной»¹.

В середине письма Владимир Соловьев проводит историческую параллель — как бы предостережение:

«Во Франции Людовик XIV, отменив закон о веротерпимости, систематическим преследованием принудил гугенотов к выселению. Цель была достигнута, вероисповедное единство восстановлено вполне. Но скоро французская революция показала, как пригодились бы нравственные и умеренные протестанты против неистовых якобинцев. Изгнали «еретиков» и воспитали безбожников; изгнали заблуждающихся верноподданных и получили цареубийц. Не гугеноты, а сыны добрых католиков, избавленные от всякой еретической заразы, разрушили во Франции монархию и подкопали *церковь* (курсив В.С. — А.Б.)»².

Россия попала в кровавую мясорубку XX века не потому, что «бесы» Достоевского замутили ее душу, душу невинной невесты.

Да, безбожные большевики сделали свое дело, хотя, по тому же Бердяеву, мотивации их были подспудно религиозны: они хотели правды и справедливости. Но, как говорил о. Сергей Булгаков, зло — это недостаток добра. Если рассуждать по-христиански, зло нельзя абсолютизировать; един только Бог — абсолют. И когда мы малодушничаем или извращаем в себе добро, получается недостаток добра, а «свято место пусто не бывает» — истина известная. То же и в обществе: изгнали из своей среды «еретиков» (по Соловьеву), посадили их в тюрьмы, уничтожили физически или выслали за свои пределы — и, не имея нравственного противоядия, Россия пропитывалась злом безбожия. Пророчество В. Соловьева, прочитанное в «публичке» Петербурга, дает смелость и как бы ободрение в верности мысли. Так называемых сектантов были миллионы, и они составляли тот нравственный резерв, который, конечно же, пригодился бы, — ведь не случайно «общество располагало к сектантам то обстоятельство, что они по большей части очень честны, трезвы и в нравственном отношении безупречны. Мнение о честности сектантов сделалось общим

местом...»¹. Но как могла эта часть России поддержать государя и Церковь, когда всё было против нее? Да и кто со сладострастием разрушал храмы, в которых крестили, отпускали грехи и венчали их, их отцов и дедов, — не сыны ли «господствующей церкви»? И как могла в одночасье залить кровью всю страну гражданская война, если все были добрые православные? Неужели же все смогла лишь кучка «бесов»? Религиозного фанатизма с биением себя в грудь — «я православный!» недостаточно, когда подлинным богом стала водка. А водка стала богом потому, что не было в душе Бога. Можно иметь всё: традиции, историческую религию, обряды, национальную гордость, но не иметь христианского духа.

Что видим мы сейчас? Те же имперские амбиции, то же слияние с государственными структурами, для того чтобы быть «господствующей» Церковью. Время благоприятное: общество более чем на семьдесят лет основательно забыло, как было «до того», а в историках недостатка не бывает: они и «не заметят» что надо, и перепишут как надо. Но живы еще архивы.

Век двадцатый начался в Петербурге необычно: 29 ноября 1901 г. открылись «Религиозно-философские собрания». Задуманы они были для встречи интеллигенции с духовенством, где можно было бы поднять общие наболевшие вопросы и обсудить возможные совместные решения этих вопросов. Какие имена: Сергей Дягилев, Леон Бакст, Александр Бенуа, Дмитрий Мережковский, Василий Розанов, Антон Карташев, Павел Флоренский, Сергей Волконский, Николай Бердяев, Зинаида Гиппиус! И с первой же встречи — глубоко обозначившийся парадокс: трудно было найти приемлемую форму разговора, чтобы понять друг друга. А ведь по другую сторону сидели тоже известные люди: епископ Сергей Страгородский, архимандрит Антонин Грановский, редактор журнала «Миссионерское обозрение» Василий Скворцов, он же чиновник по особым поручениям, он же статс-секретарь, он же — главный миссионер; присутствовало еще несколько священников-богословов.

Много позже, уже в эмиграции, З. Гиппиус вспоминала об этой встрече с церковными людьми:

«Это воистину были два мира. Знакомясь ближе с «новыми людьми», мы переходили от удивления к удивлению. Даже не о внутренней разности я сейчас говорю, а просто о навыках, обычаях, о самом языке: все было другое, точно совсем другая культура»². И еще из этих же воспоминаний: «Отцы» уже давно тревожились. Никакого «слияния» интеллигенции с Церковью не происходило, а только «светские» все чаще припирали их к стене, одолевали»³.

Может быть, на встрече была не «та» интеллигенция? Но мы хорошо знаем, что некоторые из них впоследствии стали богословами, священниками, — но уже за рубежом.

«Многие выдающиеся деятели культуры были убежденными христианами, но образ жизни, быт, интересы основной массы интеллигенции складывались вне всякой церковности. Характерный пример привел на одном из собраний (см. выше. — А.Б.) князь Волконский, описывая общую неловкость при посещении священником дома предводителя дворянства. «Ни мы с ним не умеем, ни он с нами не умеет просто разговаривать: он такой, как бы сказать, «неучастник» нашей общей жизни, для него нужны специальные темы, особенный разговор; в присутствии батюшки как бы останавливается наша жизнь, и только по уходе его мы со вздохом облегчения к ней возвращаемся»⁴.

Кстати, князь Сергей Волконский на седьмом заседании этих собраний выступил с докладом «К характеристике общественных мнений по поводу о свободе совести» (князь —

тоже в будущем эмигрант, ректор русской консерватории в Париже).

«Он напомнил собравшимся слова Петра I: «Совесть человеческая единому Богу токмо подлежит, и никакому государю не позволено оную силою в другую веру принуждать». Если церковные руководители и духовенство, — сказал Волконский, — не понимают необходимости свободы, то это только доказывает внутреннюю слабость Церкви, вынужденной цепляться за постороннюю помощь и прибегать к чужим мерам, чтобы заменить бессилие своего меркнувшего авторитета»¹.

Далее мы слышим уже отголосок известного нам Закона. Князь цитирует:

«Русский не может быть баптистом». И его весьма актуальные для сегодняшнего дня рассуждения: «Приведенный случай относится к категории фактов, являющихся результатом укоренившегося у нас пагубного смешения терминов «русский» и «православный». Смешение понятий внедряется в общественное сознание все более и более. Только православный — истинно русский; неправославный — уже не настоящий патриот.

...Обыкновенно говорят, что насилие над совестью, — хотя и не отрицается его прискорбность, — необходимо для благополучия большинства. Пусть меньшинство страдает — этим оберегается благо большинства, православных, всех нас, коренных, истинно русских. Официально это называется покровительством господствующей Церкви. Считаю такой взгляд как нельзя более ложным. Насилие над другими имеет развращающее влияние на совесть того самого большинства, ради которого творится»².

В этом контексте уместно вспомнить религиозного философа Николая Бердяева, который в работе «О теургии» писал:

«Ни на одно мгновение соборность не может (в смысле «не должна». — А.Б.) превратиться во внешний авторитет»³. И он же в «Философии свободы»: «Христианство как откровение благодати, свободы и любви не есть подзаконная мораль и не заключает в себе обязанности»⁴.

Бердяев имел в виду обязательность не с точки зрения нравственности, а как подавление личности большинством, хотя бы это даже называлось соборностью.

Архимандрит Антонин вынужден был признать:

«Когда священники приглашают к содействию полицейских, или когда на дом присылают повестки: иди и причащайся, то Церковь одинаково теряет внутреннюю силу»⁵.

«Религиозно-философские собрания» уже в 1903 г. были закрыты К. П. Победоносцевым — «черный папа» был встревожен вольными речами.

В деяниях Вселенских Соборов было записано: «По принуждению нет веры». Этот принцип формально был отражен, как мы видели, и в Своде Законов Российской Империи. Но в любой статье стоит слово «господствующая» (Церковь), да и движение по этому законодательству разрешалось только одностороннее: не хочешь к нам — не неволим, но от себя не выпустим. И вспоминается очередная «картинка», написанная с натуры: «Войдите в Петербурге в табельный день в Исаакиевский или Казанский собор. К концу литургии начинает появляться наша высшая интеллигенция, конечно, не для того, чтобы

молиться, но чтобы своим присутствием показать политическую благонадежность»

¹.

Конечно, в православном духовенстве были священнослужители, которые осознавали все уродство положения, когда силой власти и репрессий государственная религия доказывала свою правоту. Когда в 1905 г. шли жаркие споры о предполагаемой церковной реформе, многие высказывались радикально. Так в «Церковном Вестнике» от 17 марта 1905 г. было опубликовано письмо за подписью 32-х священников. В нем говорилось, что «освобождение религиозной совести от внешних ограничений приветствуется с огромной радостью всеми истинными членами Православной Церкви, несущей против ее воли и духа бремя угнетения религиозной свободы» ². По поводу «всех членов» сказать нельзя, но важно само признание и предложение «освободить приходского священника от различного рода полицейских обязанностей, вытравить из его души чувства покорности и раболепия, укоренившиеся за долгие столетия рабства» ³.

После 1905 г. черносотенцы всех мастей будут шельмовать их, навешивая ярлык «социалист», но церковные вольнодумцы заполняли собой монастырские тюрьмы задолго до революционного движения. Взять хотя бы списки заключенных Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря и Отчеты его настоятеля архимандрита Досифея за 1865, 1867, 1871, 1895 годы: «монахи, диаконы, священники, протоиереи...» ⁴.

Когда в начале XX столетия Соловецкий монастырь перестал быть и тюрьмой, то публицист того времени А. С. Пругавин писал: «Отныне ее мрачные казематы и «чуланы» не будут уже более пугать и страшить тех, чья пытливая мысль в поисках за духовным, этическим обновлением сойдет с колеи готовых, избитых шаблонов, тот выйдет из тесных казенных, официальных рамок» ⁵. Однако оказывалось, рано радовались — ведь в России было еще много монастырей, до которых очередь Соловков не дошла. Правда, если верить официальным предписаниям, исчезли пытки, не жгли более огнем на допросах, но за решимость высказать свое убеждение по-прежнему, как двести лет назад, сажают в мрачные казематы монастырской тюрьмы, — сожалеет упомянутый автор.

«Но как в прежние времена, так и теперь, в начале XX века, в наши дни, монастырскому заточению чаще всего подвергаются лица, известные у нас под именем «сектантов» и «еретиков» ⁶.

«В интересах церкви необходимо от всей души пожелать, чтобы монастыри, эти «обители мира, любви и прощения», перестали, наконец, играть роль острогов и тюрем, чтобы с монахов сняты были, наконец, несвойственные их сану мрачные обязанности тюремщиков» ⁷.

Время диктовало свои требования, и правительство издает несколько документов, которые имели чисто декларативный характер.

«Правительственный Вестник» от 27 февраля 1903 г. за № 46 опубликовал Высочайший Манифест от 26 февраля 1903 г.: вот некоторое извлечение: «Укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в основных законах Империи Российской, которые благоговейно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным Нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по

обрядам оной»¹.

Возможно, авторы Манифеста имели благие намерения. Но куда девать вопиющие статьи? Это была противоречивая ситуация, и 12 декабря 1904 г. вышел Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату; изложим его основную суть:

Пункт 6. —

«Для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же, в административном порядке, соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»².

Тогда писали витиевато, и, читая те или иные статьи, как бы даже тонешь в их словесных кружевах. О каком же «устранении стеснения» для свободы вероисповедания шла речь? Ответ ясен — «прямо в законе не установленного». Но то, что в законе было установлено, оставалось в силе.

«Так, например, брак, заключенный в Евангельской общине, не признавался законным, а рассматривался как простая связь со всеми вытекающими отсюда последствиями. В то время гражданский брак еще не был введен, так что положение молодых было чрезвычайно неприятным и в глазах мира просто постыдным»³.

И это только маленький штрих из того быта, о котором говорилось в Указе. И лишь с выходом Манифеста в 1905 году о даровании свободы совести стало лучше по ряду вопросов.

«Одновременно с ним разрешены были и браки между верующими (неправославными. — А.Б.)... Такой брак теперь считался правительством законным со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁴.

Наконец — Высочайший Манифест от 17 апреля 1905 г. Параллельно с ним вышел Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату от 17 апреля 1905 г. — «Об укреплении начал веротерпимости». Приведем несколько пунктов:

1) «Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованиям и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем, отпавшее до достижения совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию, которое оно для себя избрало; ...

11) Уравнять в правах старообрядцев и сектантов с лицами инославных исповеданий в отношении заключения ими с православными смешанных браков;...

14) Признать, что всякого рода учебные заведения в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских исповеданий таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам надлежащего исповедания и, только при отсутствии их,

светскими учителями того же исповедания»¹.

Комитет министров разработал длинный ряд положений, опирающихся на Манифест и Указ. В извлечении из Особого журнала Комитета министров от 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. говорится об изменении уголовного законодательства по делам веры; об отводе мест под особые кладбища (для неправославных)². В разделе двенадцатом:

«Возложить ведение метрических книг для записей рождении, браков и смерти старообрядцев и сектантов на их духовных лиц, под наблюдением надлежащих правительственных или общественных учреждений, по особым правилам, имеющих быть составленными применительно к ныне по сему предмету действующим»³.

Вышел еще Именной Высочайший Указ от 17 октября 1906 г.

Ему предшествовал еще один Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г., который имел декларативный характер. Но вот вышел Указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов».

Россия вступала в следующий период своей истории.

...и после дарования свобод

В предшествующем изложении мы показали, что к началу XX века в российском обществе складывалась взрывоопасная обстановка, поэтому проведение реформ было неизбежным. Понимали это все, кто желал своей Родине цивилизованного развития и благополучия. Были, разумеется, и люди вроде Победоносцева, которых пугали любые перемены, отклонения от веками сложившихся традиций.

Религиозно-философские собрания, прекратившиеся 5 апреля 1903 г. по запрету всесильного «вице-императора», были своего рода барометром, показывавшим необходимость что-то менять в религиозной политике. Это было время надежд, ибо сам Николай II отдал распоряжение об учреждении Предсоборного Присутствия, куда стекались со всех концов Империи советы, пожелания и проекты по церковной реформе (полезно прочитать книгу Николая Зернова «Русское религиозное возрождение XX века», Париж, 1991). Ждали и верили, что по монаршему благословению наконец-то, после двухвекового синодального управления Церковью, соберется Русский Собор, который должен будет восстановить патриаршество и воскресить общинно-приходскую самостоятельность, которую не помнили даже в отечественных анналах.

Эта подготовка к предполагаемому Собору — страница яркая и увлекательная. В ней обнаружилось много интересного даже для современников тех лет.

«Епископальные доходы долгое время оставались тайной. В 1909 году после настойчивых запросов Думы (Церковь была государственная, субсидировалась за счет государства, потому и нужно было знать эту статью расходов. — А.Б.) Синод опубликовал эти данные, обнаружившие, что наиболее густонаселенные епархии доставляли своим епископам весьма значительное содержание, как-то: Киев — 48 000 р., Москва — 35 000 р., тогда как другие епископы получали сравнительно меньше: Пермь — 2900 р., Псков — 3600 р., Холм — 4000 р. и т. д.»⁴.

«Они (священники. — А.Б.) получали награды и избирались в четырнадцать служебных классов, установленных Петром для поощрения и продвижения

государственных служащих»¹, — и сноски «Высшие иерархи, митрополиты, архиепископы и епископы по рангу приравнивались к генералам, протоиереи — к капитанам, а молодые священники и дьяконы — к лейтенантам»².

Целью упомянутых Манифестов и Указов было укрепление начал веротерпимости. Само название их говорит нам о многом. В преамбулах все время подчеркивалось, что во все времена российские подданные были свободны в вопросах веры, но «начала веротерпимости» — это все-таки начало или продолжение? Скорее всего, первое.

Примечательно — и одновременно трагично, — что обнаруживался уродливый перекося: все вероисповедания объявлялись свободными; декларировалось, что преследованиям они подвергаться не будут, а первенствующая и правящая православная Церковь стояла перед своей несвободой, ибо она по-прежнему была господствующей, значит, привязанной к государственной машине. Православие оказалось в заложниках собственных привилегий, что трагически — и логически — завершилось октябрьским переворотом 1917 г. со всеми его кровавыми последствиями.

Но это еще — только будет. А пока царила эйфория по поводу дарованных свобод.

Здесь не последнюю роль сыграл энергичный граф С. Ю. Витте, бывший тогда председателем Комитета министров. А. Ф. Кони писал о нем:

«К вероисповедным вопросам он относился с широкой терпимостью и горячо защищал Указы 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г., давшие гонимому доколе старообрядчеству вздохнуть свободно в своих, наконец, распечатанных храмах»³.

Что Витте был не чужд христианского духа, свидетельствуют его высказывания (см. примеч. 175).

Граф Витте готовил доклад Комитету министров под названием «Современное положение Православной Церкви». Только возвращение к каноническим формам управления, говорилось в докладе, может оживить Церковь и восстановить ее авторитет среди народа⁴.

События развивались, как в детективе:

«Победоносцев убедил царя, чтобы чтение доклада и обсуждение назревших проблем состоялись не в Комитете министров, а были перенесены в Синод, — там он был хозяином и все повернул бы по-своему. Но вдруг обер-прокурор заболел, и ему уже не суждено было вернуться к своим полномочиям, так как он был отправлен в отставку; вскоре, в 1907 г., он умер. Сразу же, после болезни Победоносцева, члены Синода, епископы, подали петицию царю о созыве Собора; Николай II благосклонно принял это предложение, но советовал созвать Собор, «когда наступит настоящий момент»⁵.

Между тем мнения по поводу обсуждаемой по всей России возможности созыва Собора были самые разные: от восторженных ожиданий до обоснованных опасений. Последние основывались на том, что заменявший обер-прокурора будущий патриарх изменит ситуацию лишь формально. На деле же останется засилье черного духовенства над белым (епископата над рядовыми священниками). Первые, в отличие от вторых, не имели права жениться; рост же по иерархической церковной шкале был открыт по преимуществу лишь черному, монашествующему, духовенству. Епископы, коль они представители господствующей Церкви под прямым началом государя, будут зависимы от последнего —

это значит, подлинной соборности опять не будет. Освободиться же от опеки государства не хотелось: тем самым православие оказывалось бы на равных со всеми другими исповеданиями. Порочный круг замкнулся, и в этом была неизбежная историческая логика.

Материалов Предсоборное Присутствие (затем Совецание) собрало много, заседаний и дебатов было тоже немало. И все это длилось вплоть до октября 1917 г.; Николай II так и не созвал Собор.

Многие увидели в Манифестах зарю свободы. В. Розанов назвал это «благословенной веротерпимостью» (см. примеч. 371). Журналист С. Мельгунов в книге «Свобода веры в России» писал:

«И по всей России раздался громкий, единодушный крик — свобода совести! Пусть каждый думает и верит так, как ему это повелевает его личная совесть, пусть каждый открыто проповедует свое учение и выясняет, на чьей стороне истина. Все русское общество требовало, чтобы в делах веры не применялось насилие, чтобы были уничтожены позорные монастырские тюрьмы, чтобы тысячи пострадавших невинно за свои религиозные убеждения получили немедленное прощение, чтобы государство не вмешивалось в дела веры и предоставило каждому по своему усмотрению верить или не верить, по своему желанию присоединяться к любой религии»¹.

Г. М. Калинин:

«Великое «ныне отпускаеши» произнес 17 апреля и народ русский в лице миллионов его простолудинов литовских, польских, латышских и всяческих других (не забудем и самих русских. — А.Б.), а за спиною их и все русское образованное, книжное и пишущее общество. Боже, вспомни только, сколько мук положено за это! Сколько разбито сердец об эту стену...»².

А. Карташев:

«Началось то, о чем наша Церковь втайне вздыхала целых двести лет и особенно за последнее столетие... Вздыхала, но не в силах была ничего предпринять для изменения создавшихся отношений, потому что слишком глубоко дисциплинировала себя в сторону послушания интересам государственным, точнее, государственным чиновникам»³.

Руководитель евангельских христиан И. С. Проханов говорил о дарованной верующим свободе, которая

«есть результат страданий тех, кто томился в тюрьмах и ссылках, и результат молитв многих лет. Мы с радостью пожали то, что долгие годы сеяли со слезами»⁴.

Но недолго длились восторги. Уже у С. Мельгунова в той же книге звучат ноты разочарования:

«Манифестом 17 апреля 1905 г. в России была провозглашена, наконец, столь ожидаемая веротерпимость... Но свободы совести, полной свободы веры все же этот манифест не дал.

Только тогда, когда церковь делается совершенно независимой от государства, когда правительство перестанет опекать совесть русских граждан,

когда признает веру делом внутреннего убеждения, только тогда у нас будет провозглашена действительная свобода совести»¹.

В чем дело? Неужели неблагодарному народу было мало провозглашенной веротерпимости? Оказывается, косметический ремонт и реконструкция — не одно и то же. В стране не было равенства перед Законом и сохранение всех преимуществ за государственной Церковью влекло за собой те же самые проблемы.

Мы не случайно выше цитировали статьи СЗРИ в редакции и издании 1906 г. Мы подробно комментировали законы, относившиеся к периоду «до Манифестов», для того чтобы понять всю глубину бесправия и угнетения неправославных христиан. Что-то менялось, что-то добавлялось или убавлялось, но многое оставалось и не отменялось. Этот год издания мы взяли специально, чтобы не было впечатления, будто Манифесты и Указы положили конец беззаконию.

Декларируя на весь мир многие свободы, не сделали основного — не пересмотрели уголовное и гражданское законодательство. И получалось: россияне, с радостью воспринявшие царское уверение, что отныне их не будут преследовать за уклонение от православия, искали и находили себе иные христианские Церкви — и снова подвергались штрафам, арестам, лишению всех прав состояния, ссылкам.

Буквально через несколько месяцев после выхода Указа от 17 октября 1906 г. и «Правил», приложенных к этому Указу, вышла в свет «Пояснительная записка Съезда отделившихся от православия сектантов-баптистов и евангельских христиан, состоявшегося в городе Петербурге в январе 1907 г. о желательных изменениях в статьях «Правил», приложенных при Высочайшем Указе 17 октября 1906 г.». Поправки предлагались по 23-м статьям. Обратим внимание на некоторые из них.

1. В «Пояснительной записке» задается вопрос: «Что такое исповедание веры»? Министерские чиновники требовали таковое от отделившихся от православия как условие для разрешения регистрации общин. Но, во-первых, единой формулы вероисповедания предложено и не было, а во-вторых, пытаться подогнать всех многочисленных инаковерующих (инославящих) христиан под какую-то одну формулировку — значит, породить вновь множество неприятностей.

2. В «Правилах» для каждой местности предполагался для проведения молитвенных богослужений христиан, вышедших из православия, «дом» или «помещение». Съезд обращает внимание, что это тоже уже создавало нежелательные инциденты, так как «дом» обозначался в единственном числе, а это давало чиновникам повод отказывать в признании существования других «домов» или «помещений», потому что потребность часто была не в одном только доме в данной местности. И люди, собиравшиеся на молитвенные богослужебные собрания, задыхались в буквальном смысле, потому что имели право находиться только в одном доме. Открывать же окна и двери было нельзя — продолжали ведь существовать статьи СЗРИ, которые преследовали за «возбуждение».

3. По «Правилам», все верующие обязаны были входить в состав общины, записываясь по метрическим документам. Это противоречило по крайней мере формальному духу Указа, объявлявшего свободу собраний.

4. На местах разного рода полицейские и административные чины по своему усмотрению решали: разрешать или закрывать молитвенные дома верующих. Съезд предлагал, чтобы спорные вопросы решались открытым законным путем — через суд.

5. «Правила» предписывали обязательно подпись пятидесяти лиц-учредителей. Съезд предлагал уменьшить эту цифру, так как не в каждом селе найдется столько человек, изъявивших желание взять на себя ответственность.

6. Обязательным условием — по «Правилам» — был возрастной ценз в 25 лет для лиц-учредителей. Съезд предлагал возраст в 21 год, когда человек признавался совершеннолетним.

7. Женщинам не разрешалось быть в числе учредителей. Съезд и это оспаривал. И лишь в Разъяснении МВД от 29 октября 1908 г. за № 22436 было дано согласие, что «женщины и члены одного и того же семейства не исключаются из числа лиц, которые могут подписывать заявление об образовании общин»¹.

«Пояснительную записку» подписали 64 человека, в числе которых были и юристы. Но не стоит благодушеествовать и полагать, что правительство с охотой прислушивалось к пожеланиям неправославных христиан. Пересмотры законов, конечно, делались, но ведь «этим пересмотром и занялись те самые чиновники, которые прежде установили законы, нарушающие свободу веры»².

С. Мельгунов, процитировав статью 90 из СЗРИ (см. примеч. 207), рассуждает:

«Вызванный для беседы по вопросам веры, если вздумает чистосердечно и открыто говорить о том, как понимает он христианское учение, как понимает он заповеди Христа и Евангелие, может подвергнуться за это наказанию... Что же получается? Закон позволяет переходить из одного христианского вероучения в другое; следовательно, православный, признавший правильным другое учение, может сделаться его последователем; тот же, кто дал сочинение, излагающее учение, не согласное с правилами господствующей церкви, будет подвергнут за это наказанию»³.

Прежняя практика продолжалась. А. А. Соколов приводит почти дословно одну из статей СЗРИ и делает свое замечание: «Подлежит наказанию (арестом) так же и тот, кто принимает православного в свое исповедание по обрядам своей веры» (из Устава по иностранным вероисповеданиям); а за обращение в православие из других исповеданий правительство награждало ревнителей орденами» (см. примеч. 223).

Но может быть, все дело было лишь в том, что никакую машину нельзя в одно мгновение остановить? Может, законодатели просто не успели, не проявили расторопности, хотя и осознавали необходимость свобод для всех без лицепрития?

В «Церковных Ведомостях» (1908, № 1) были опубликованы рассуждения о законопроектах, касающихся осуществления свободы совести; речь шла об Определении Св. Синода от 15–21 декабря 1907 года за №8198.

Вначале цитируется статья 70–я с напоминанием о наказаниях:

«Только одна господствующая церковь (православная) имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере, а всякое соращение православных лицами других вер и препятствования принятию православия воспрещаются и караются уголовными законами — ст. 82, 33, 95 Уголовного Уложения»⁴.

Затем Синод излагает свою позицию, рассуждая о Манифесте 17 апреля 1905 г.:

«По убеждению Св. Синода, предоставление всем вероисповеданиям одинакового права пропаганды тяжело отразится на многих слабых верою и некрепких волей, кои, поддавшись действию мер, предпринимаемых совратителями, могут оказаться потерянными для спасения... Посему Св. Синод... считает своей священной обязанностью настаивать на том, чтобы все существующие ныне в Российской Империи преимущества Православной Церкви были неизменно сохранены за нею и впредь, и чтобы право свободного распространения своего учения принадлежало только одной Православной вере, а

всем остальным исповеданиям и вероучениям было дозволено принимать в свои недра лишь лиц, по собственному побуждению к ним приходящих. Сверх того, Св. Синод находит, что в целях наивысшего охранения достоинства Православной Церкви и ее служителей от нападков, оскорбления и издевательств, в наше законодательство должны быть введены ясные и определенные постановления, карающие таковые действия, проявляемые как устно, в письме и печати, так и через посредство театральных и иных зрелищ»¹.

Эта цитата дает пищу для размышлений. Синод прямо признает, что многочисленные чада православной Церкви верой своей слабы и некрепки волей. Но что же мешало господствующей Церкви в течение девяти веков (!) укрепить своих пасомых в вере, так чтобы они могли и устоять в ней? Далее: Синод настаивает, что прозелитизмом имеет право заниматься только одна православная Церковь. А иные христиане? — К ним пусть приходят лишь те лица, которые хотят этого по собственному побуждению. Но кого это можно было привлечь насильно, да еще при враждебных законах? И главное — откуда должны были прийти обращаемые «по собственному побуждению»? Не из Персии же, конечно. Но если они из России, то это грозило нарушением Закона, ибо совсем нетрудно обвинить ту или иную неправославную христианскую общину в совращении из православия.

И кончается обширная цитата из Определения тем, что Синод предлагает ужесточить законодательство против инославящих Христа, доведя его до характера карательного.

Время было непростое: Россия потрясена революцией 1905 г. Последующие годы были, естественно, годами реакции. Население было политизировано достаточно сильно. Неправославных христиан просто вынуждали политизироваться. Испытывая на себе тяготы гонимых, они поневоле задавали себе «крамольные» вопросы и подпадали под обаяние лозунгов «свободы, равенства и братства».

Полезно привести еще одно положение из Определения Св. Синода:

«Св. Синод... находит нужным сохранить статью 140, возлагающую на губернские правления, при разрешении устройства церковных и молитвенных зданий инославных исповеданий, удостоверяться у православного епархиального начальства о неимении препятствий к дозволению упомянутых построек...»².

Нетрудно представить себе, чем отвечало епархиальное начальство на просьбу ненавистных сектантов разрешить строить молитвенный дом или переоборудовать жилой дом под религиозные нужды.

И сегодня: создается какой-нибудь «инициативный комитет» из числа воцерковленных лиц, и оные ходят по окрестным домам, в подробностях рассказывая жильцам, какие ужасные сектанты хотят построить свой храм в их микрорайоне.

«Мы ведь русские — православные»!

Составляются списки протестующих и передаются в органы власти. Все законно, народ решил? Кто-то сказал:

«Мы — европейские слова и азиатские поступки».

Есть еще в том Определении небольшая рекомендация:

«Сверх того Св. Синод признает необходимым... что нижние воинские чины православного исповедания в течение срока пребывания их на действительной воинской службе, не могут переходить в другие исповедания»³.

Это тоже понятно: «святое воинство» должно быть послушным и бессловесным стадом, которое можно будет направлять на позорную бойню с иным государством (Япония, Германия) или на усмирение своего же народа, — ведь известно же, что господствующая Церковь благословляла и оправдывала всякое насилие. Об этом тяжело говорить, но ведь это — тоже наша история. И не для того ли нам сейчас так усердно показывают по ТВ многочисленные крещения в воинских частях? Но знают ли сограждане, что это происходит в силу соглашения Патриархии с Министерством обороны, МВД и прочими организациями? При этом нарушается Конституция РФ, провозгласившая нашу страну светским государством и гарантирующая равные права всем верующим, в том числе и военным служащим.

В 1909 г. с 15 апреля по 4 мая в г. Киеве состоялся Всероссийский миссионерский Съезд. Естественно, одним из главных вопросов был вопрос о борьбе с инославными христианами, ибо институт миссионеров и был создан для этой цели. Съезд, как и положено всякому съезду, вынес свое Постановление за № 2130 (1909 г.) о мерах борьбы со штундо-баптизмом и пашковщиной. Напомним, что ни «штундо-баптизма», ни «пашковщины» в природе не было. Были православные, которые хотели жить по Евангелию, а уж какие ярлыки им навешивала господствующая Церковь, это другой вопрос. Прочитируем из этого Постановления пункт «г»:

«Для предотвращения вредного влияния на православных баптистских «призывных» собраний рекомендовать миссионерам и их помощникам, где возможно, лично являться на эти собрания и опровергать сектантские нападки на Православную Церковь...»¹.

Это означало разрешение творить безобразия на молитвенных богослужениях означенных верующих (см. Приложение). Можно ли вообразить, чтобы в православный храм явился какой-нибудь баптист и стал бы вмешиваться в ход литургического богослужения, пытаясь переубедить верующих? Вообразить такое невозможно, тем более — осуществить.

Известный своим рвением миссионер В. Скворцов, о котором мы упоминали, в 1912 г. написал книжку «Миссионерский посох». Небезынтересно процитировать его пространные ссылки на законодательство:

«Церковь располагает одними нравственными средствами; что касается внешних и гражданских мер, то они суть дело Государево. Государство, дорожающее своим союзом с Церковью, по долгу принимает свои меры для ослабления разрушительной деятельности исповедников ереси».

И далее:

«Миссионерствующему пастырю, разумеется, подобает знать государственные узаконения о вере и Церкви. Таковые узаконения изложены в «Основных Законах Российской Империи» и в приложениях к ним — в «Уставе иностранных исповеданий» и в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений». По нынешним нашим Основным Законам, Православная Вера и Церковь признается господствующей (основные Законы» изд. 1906 г. ст. 63–66), и потому ей одной принадлежит право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения и веры. Евангелическо-лютеранской и другим инославным церквам повелевается воздерживаться от прозелитизма, им воспрещается прикасаться в делах веры к убеждениям совести последователей Православной Церкви и других вер и отвлекать их от своих»².

Перечисляя Постановления, Определения и Правила, касающиеся антисектантской миссионерской деятельности, Сковцов уделяет наибольшее внимание последним:

«Наконец — «Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви, утвержденные Св. Синодом 22–28 мая 1908 года» («Церковные Ведомости», 1908 г., № 22). Правила 1908 года являются последними по времени и имеют *главное руководящее значение* (курсив мой. — А.Б.) при организации миссионерского дела в епархиях. Соответственно всем этим синодальным распоряжениям, на миссионерствующего *приходского пастыря* (курсив мой. — А.Б.) лежит долг применения в его приходе совокупности следующих средств, способных создать сильное миссионерское воздействие на верных Церкви прихожан и на отступников:

1) Необходима для пастыря постоянная осведомленность о религиозных воззрениях местных сектантов, о личном составе их и бдительный надзор за ними, дабы они не занимались распространением своего лжеучения;

2) Должна быть точная запись лиц: рожденных в секте и совратившихся, с надлежащим сообщением о них сведений Епархиальному Начальству;

3) Церковная проповедь и внебогослужебные собеседования с положительным изложением и изъяснением прорекаемых отступниками истин веры, разбор сектантских заблуждений при внебогослужебных собеседованиях;

7) Внушать прихожанам, согласно слову Божию: всемерно удаляться от отступников, не посещать их молитвенных собраний и *не принимать их к себе в дом* (курсив мой. — А.Б.)»¹.

Всего 21 пункт.

Еще когда готовился Манифест 1905 г., первенствующий в Синоде преосвященный митрополит Петербургский Антоний «удостоверил, что положение 1894 года не достигло тех результатов, которые поставлялись целью его издания. Между тем, в жизнь местного населения была им внесена значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами»². Спасибо владыке за честное признание. Победоносцев уже лежал в сырой земле, а миссионерский посох (лучше — меч?) делал свое дело, порождая кровавые междоусобицы. Не лучше ли было бы наводить порядок там, где это было действительно необходимо? —

«Св. Прав. Синод слушали: доклад Синод. Канцелярии следующего содержания: ввиду многочисленных за последнее время краж из церквей, г. Обер-прокурор Св. Синода, находя, что охрана церквей одними только церковными сторожами, без учреждения особых ночных караулов при церквях, является на практике мерой не вполне достаточною для достижения своей цели, входил в сношение с г. Министром Внутр. Дел, чтобы сельские общества непременно и обязательно охраняли церкви...»³.

Это было еще в 1891 г., и в последующие годы «добрые христиане» только увеличивали число своих вандальских набегов на те храмы, где их самих крестили и венчали.

Но вернемся к Сковцову. Пастырь-инквизитор подчеркивает, что упомянутые им «Правила» являются последними и имеют главное руководящее значение. В чем же это руководящее значение? — В исполнении приходским священником все тех же полицейских функций слежки, доносительства и науськивания односельчан на инославных христиан. Впечатляет и концовка 7-го пункта — «отступников не принимать к себе в дом».

«Самым же важным мероприятием высшей церковной власти по делам

внешней и внутренней миссии Церкви является, без сомнения, учреждение при Синоде, по определению от 13–16-го февраля 1908 года, Особого по этим делам Совещания»¹.

«Особое Совещание»! — большевикам не нужно было ничего придумывать. Задачами и целями Особого Совещания была более эффективная миссионерская работа до полного искоренения христианского инакомыслия.

«Односторонность прежней постановки ее (т. е. миссии до 1908 г. — *А.Б.*) сознавалась всеми: все миссии сосредоточены были в руках специальных миссионеров; участие православного прихода в миссионерском делании не было вовсе; участие же приходских священников хотя и требовалось, но оно было явлением скорее случайным, чем общим, а иногда и неудачным — по отсутствию апологетическо-полемиической подготовки у священно-церковнослужителей, состоящих в зараженных религиозным лжеучением приходах»².

Суть этой фразы — в плохо скрываемом признании, что дела у батюшек шли не совсем ладно, хотя они, худо-бедно, все же кончали семинарии, а их оппоненты в оных не учились. И еще: если прежде односельчане не в каждом случае видели причину избивать своих родственников-инославных, то теперь весь православный приход должен был участвовать в «миссионерском делании». И под пьяную руку это проходило безнаказанно.

Св. Синод издал эти «Правила» в 1908 г. Сделаем из них извлечения:

«I. Народно-приходская миссия

1) В церковной народно-приходской миссии принимают участие церковно-приходские попечительства, приходские советы, кружки ревнителей Православия, миссионерские братства и другие подобные приходские учреждения;

б) С согласия священников смежных зараженных религиозными лжеучениями приходов, члены названных приходских учреждений могут посещать и их приходы, где, совместно с тамошними членами, ведут под наблюдением священников частные беседы как с православными, так и с заблудшими (всего 11 пунктов).

II. Пастырско-приходская миссия

10) Священникам заботиться об учреждении в своем приходе обществ для борьбы с пьянством и другими пороками, распространенными в народе, дабы сама жизнь православного населения могла благотворно влиять на заблудших (всего 11 пунктов). (Как же так называемые сектанты умудрялись стать трезвенниками без учреждения у себя «обществ»? — *А.Б.*).

III. Специальная миссия и специальные миссионеры

а) уездные миссионеры,

б) епархиальные миссионеры (12 пунктов),

в) епархиальный миссионерский совет.

IV. Внеепархиальная миссия (для иноверных и язычников)»³.

24 ноября 1910 г. на обсуждение в Государственной Думе было внесено заявление № 113 за подписью 45 членов-депутатов. Это был запрос министру внутренних дел по поводу издания Циркуляра этого Министерства от 4 октября 1910 г. за № 9623 «О богослужебных собраниях сектантов». Циркуляр был лоббирован правящей Церковью, представители которой составляли большинство в Думе третьего созыва, которую по праву называли «богомольной». Для справки:

«В III думу было выбрано от духовенства 47 человек., а от

1

2

3

многомиллионных масс крестьянства — 89. Делегаты от духовенства в значительной части представляли церковную иерархию — епископов, членов консисторий, миссионеров и т.п. Рядовых священников было избрано лишь 22 человека»¹.

В этом Циркуляре², подписанном Ал. Харузиным, содержалось так много положений, находящихся в противоречии с Манифестом 17 апреля 1905 г. и Указом 17 октября 1905 г., что депутаты вынуждены были расписать все по пунктам. Приводим в извлечениях:

«Надлежит, отменив положение 1894 г., ясно выразить в Законе, что Правительством признается за русскими сектантами право на существование с распространением на него и тех прав о веротерпимости, которые установлены для старообрядцев.

... точно так же право совершения общественных богомолений должно быть предоставлено всем (кроме изуверных) сектам и толкам без различия вероучения.

... Никакого законного обоснования не имеет и разделение сектантов на полноправных и неполноправных в зависимости от обладания разрешенными храмами или молитвенным местом. Такое разделение прямо противоречит ст. 10 Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г., которая устанавливает свободу богослужения как в постоянных помещениях, так и в частных домах».

В новом Циркуляре устанавливалось, что публичные собрания сектантов, посвященные чтениям и беседам по религиозным вопросам, происходят «с разрешения, в каждом отдельном случае, местного губернатора», что явно нарушало «Временные правила» от 4 марта 1906 г., которые не содержат в себе никаких специальных указаний о публичных собраниях, предметов коих являются религиозные вопросы.

Циркуляр постановлял, что молитвенные или богослужебные собрания для несовершеннолетних, хотя бы они принадлежали к семействам сектантов, разрешаются по особым ходатайствам в МВД.

Ни в Законе 17 апреля 1905 г., ни в других законодательных актах не установлено, чтобы для участия в общественных богослужениях требовалось совершеннолетие; не имеется в Законе никаких оснований и для предоставления министру внутренних дел права разрешать или не разрешать такие собрания.

Заканчивается данное заявление 45 депутатов вопросом:

«Какие меры намерен принять министр внутренних дел Столыпин для прекращения незаконных действий властей?»

Циркуляр произвольно делил сектантов на полноправных и на неполноправных, причем всех их поставил в заведомо неравные условия по сравнению со старообрядцами. Ведь последние имели свои храмы и молельни, которые в течение длительного времени были российским законодательством запечатаны, а после 1905 г. их распечатывали, т. е. открывали. У сектантов же не было ни храмов, ни молелен — им их просто не разрешали строить. Циркуляр поступил очень просто — к чему усложнять вопрос: старообрядцы имели какой-никакой храм — значит, они полноправные, а сектанты, соответственно, неполноправные из-за отсутствия у них молельных домов.

Циркуляр предписывал: если хотите, чтобы на вашем собрании были несовершеннолетние, нужно для этого особое разрешение МВД. И вообще, по Циркуляру, молитвенное собрание — это то же самое, что и светское публичное собрание, и на проведение каждого такого богослужения нужно было получить разрешение от губернатора.

По прочтении этого Циркуляра создается впечатление, что Столыпин просто «подставили», потому что, хотя документ и исходил из МВД, подписал его директор

Департамента духовных дел Ал. Харузин; это следует из приписки: «я признал необходимым издать особые правила» — и подпись.

В преамбуле прямо признается, что до 1910 г. «собрания сектантов, *не регулированные никакими постановлениями* (курсив мой. — А.Б.), вызывают на местах многочисленные недоразумения».

Молитвенные собрания так называемых сектантов всегда проводились в свободной форме, а не в строго канонической, как в православных храмах. На этих богослужениях инославных христиан вполне могли обсуждаться какие-либо текущие вопросы (разумеется, не «о сенокосе, о вине, о псарне, о своей родне» — по Пушкину), да и собственно проповеди носили довольно свободный характер. Верующие приходили на молитвенные собрания со своими болями и переживаниями по поводу притеснений и гонений со стороны духовных и светских властей. Собственно, в этом и заключался первохристианский обычай, а не в строго регламентированных обрядовых действиях.

Тем не менее именно эту самобытную творческую христианскую свободу и называли несанкционированными публичными собраниями.

§ 1. «Молитвенные и богослужебные собрания разрешаются беспрепятственно. Но это только в том случае, если община имеет официальное разрешение на проведение указанных собраний в конкретном помещении». Но все ли могли иметь специальные помещения по бедности общин или из-за препятствий построить таковые, чинимых местным епархиальным начальством? — Вспомним, как по всевозможным Положениям нужно было испросить разрешение у этого начальства.

§ 2. «Если молитвенные и богослужебные собрания совершаются вне таких разрешенных домов, то всякий раз для проведения отдельного собрания община обязана за две-три недели (в зависимости от губернии или края) подавать заявление». Если учесть, что инославные христиане, как и положено христианам, совершали богослужения обязательно в каждый воскресный день во славу о воскресшем Христе, то легко представить, что выставленные требования были заведомо невыполнимы.

§ 3. «Не допускается устройство... собраний..., не имеющих характера собственно богослужений». А какой должен быть характер *собственно* богослужения? Ясно, что не по православным канонам, — на то это и инославные богослужения. Там была живая русская речь и свобода общения. Кстати, после упомянутого Съезда в Киеве в Постановление вставили: в) «для противодействия вредному влиянию на православных *простой и доступной* (курсив мой. — А.Б.) для понимания проповеди баптистской предписать духовенству так же приближать к пониманию простого народа язык своих поучений, а для наилучшего понимания богослужебного языка стараться соблюдать ясность и отчетливость в чтении и пении»¹.

Денежных сборов на нужды общин или в помощь нуждающимся делать не дозволялось. То, что «милосердие» — понятие исконно христианское, Департамент духовных дел, видимо, не знал. Кроме того, следует уточнить, что эти многочисленные общины жили (и до сих пор живут) только за счет добровольных сборов, ибо ни за какие требы денег там не брали, поскольку считали это грехом, симонией, т.е. торговлей духовными дарами.

§ 4. Местная административно-полицейская власть назначала компетентное ответственное лицо для обязательного присутствия на таких молитвенных и богослужебных собраниях, дабы следить, чтобы «на собраниях не происходило поругания или поношения догматов, обрядов и установлений Православной церкви...»².

Итак, должностное лицо внимательно следит за ходом богослужения. Но присутствующие верующие — вчерашние православные. Если бы все догматы, обряды и установления православной Церкви их устраивали, то они и продолжали бы находиться в ней. Но вот они теперь знают из чтения Евангелия, что четвертой ипостаси Божией нет, а

1

2

есть только исповедуемая в Апостольском символе веры три–ипостасность Бога: Отца, Сына и Святого Духа. К Марии, матери Иисуса, они должны относиться с благоговением, но почему она Царица Небесная? Из подобных составляющих складывалось инославное христианское понятие, и вопрос этот — богословский, а не административно–полицейский. Тем не менее обязательно присутствующий блюститель порядка мог закрыть собрание, если ему не понравится смысл богослужения. А если подобное повторялось, то следовало привлечение к уголовной ответственности по ст.73, 74, 90 Уголовного уложения.

Если учесть, что в проповеди инославных христиан могли иметь место суждения не только о неправомочности четвертой ипостаси как ереси, но и о других многих спорных вопросах, то возможностей у должностных лиц для придирок было предостаточно.

§ 5. Если же в молитвенном собрании потребовалось сделать какое–либо сообщение, прочитать что–то по религиозным вопросам (а где для верующих была еще такая возможность?), то в каждом отдельном случае следовало обратиться предварительно к губернатору (начальнику области, градоначальнику), причем принимая все условия, оговоренные для публичных собраний. Так что если сосланный за религиозные убеждения член Церкви прислал письмо, в котором пишет общине о своих мытарствах, то для прочтения этого письма на молитвенном собрании нужно было испросить разрешение губернатора, а даст ли он просимое — это еще вопрос.

§ 6. Если общине понадобилось (по причине, к примеру, большого стечения народа) провести богослужение под открытым небом, а при этом всегда — и неизбежно — присутствовали несовершеннолетние дети верующих, то общине надлежало ходатайствовать по сему случаю перед МВД.

В примечании к § 2 «Правил» поясняется, что власти вовсе не намерены препятствовать в проведении богослужений той общине, в которой менее 25 человек. Нужно только написать заявление в местную полицию, что собрания будут проводиться постоянно в таком–то помещении, — и все будет хорошо, молитесь на здоровье. Но всегда ли та или иная семья могла предоставить возможность постоянно собираться в ее жилище? Получается, что у верующих не было возможности свободно собираться в удобном для них месте.

И. С. Проханов, один из руководителей евангельских христиан, издал тогда книжку под названием «Закон и вера», своего рода справочник, где собрал все возможные спорные вопросы, отравлявшие и без того нелегкую жизнь инославных христиан. Подробно о ней — в Приложении.

Однако вернемся к Заявлению 45 депутатов. Они напоминали: для чего–то существовал же Манифест 1905 г. и последовавшие за ним «Временные правила» от 4 марта 1906 года, которые хотя бы формально не ограничивали права и свободы верующих граждан. Но, видно, «жалует царь, да не жалует псарь». Циркуляр так и не был отменен — не зря же третья Дума была «богомольной».

Так что оставалось в силе всё, о чем мы говорили, и многое другое вроде:

«Не могут быть выдаваемы местной администрацией какие–либо особые разрешения на выезды проповедниками общин или молитвенных собраний, так как подобного рода разрешения неминуемо будут приняты как содействие проповеди вне сектантской среды... Очевидно, не может почитаться дозволенной раздача приглашений на молитвенные собрания сектантов среди лиц, данной секте не принадлежащих, или какого–либо иного рода призыва на сектантских богомольно–призывных афишах, плакатах и т. п.»¹.

Если вспомнить, как рекомендовалось, по правилам внутренней миссии, не справляющемуся со своими делами местному батюшке присылать подмогу, то так называемым сектантским проповедникам разрешения на посещение общин, нуждающихся в помощи, «не могли быть выдаваемы». И эти же запреты были в советское время.

Тот же Проханов опубликовал в 1913 г. «Записку о правовом положении евангельских

христиан, а также баптистов и сродных им христиан в России», где писал:

«Известно из положительных фактов, что лицам, состоящим на государственной службе и желающим перейти в вероисповедание евангельских христиан, заявляется, что они в случае перехода должны будут оставить службу»¹.

Что такое «оставить службу», подробно опишет в своем докладе в Государственном Совете сенатор А. Ф. Кони.

В 1911 г. Государственный Совет собирался несколько раз (4, 5, 9, 11, 16 ноября) для обсуждения законопроекта «О переходе из одного исповедания веры в другое». После фанфарно прозвучавшего дарования свобод прошло, как видим, уже шесть лет, а воз стоял на том же месте. В Совете выступал с речью адвокат и обер-прокурор Департамента по уголовным кассационным жалобам, академик А. Ф. Кони. Этот высококвалифицированный специалист по вопросам права, сам православный, в законодательных делах был беспристрастен и тверд. Достаточно вспомнить его позицию в знаменитом процессе Веры Засулич, когда он, председатель окружного суда г. Санкт Петербурга, выдержал натиск ряда сановных чиновников и даже императора. Поэтому мы позволим привести здесь довольно большие выдержки из его выступления, чтобы еще раз подчеркнуть: годы шли, а улучшений в вопросах свободы вероисповеданий почти не было.

«Я не буду долго утомлять ваше внимание, господа, члены Государственного Совета, говоря по вопросу об отклонении настоящего законопроекта, каковое предлагается с двух сторон. С одной — его считают нужным похоронить как декларацию и вывеску (в вашей комиссии еще упоминалось как о декорации и декламации) «так называемой и какой-то свободы совести», делаемую без всякой надобности. Но выражение «свобода совести» употреблено в Высочайшем Манифесте 17 октября 1905 года, в силу которого мы все собраны здесь, а то, что называется теперь декларацией, помещено в этом Манифесте не как громкое слово, лишнее внутреннего содержания, а как общее, основное руководящее положение, подробности и выводы из которого еще подлежат дальнейшей разработке»².

«Как основание к отклонению проекта указывается на то, что, воспроизведя без надобности, основное положение Указа 17 апреля 1905 года о ненаказуемости отпадения от православной веры, этот проект как бы призывает к этому отпадению... К чему это желание, чтобы закон — и какой важный закон! — стыдливо прятался в тени неизвестности? Законодатель должен действовать с открытым забралом, прямодушно, без уклонений и без задней мысли высказывая то, что он признает нужным. Ему советуют не быть откровенным, ему внушают здесь смущенное умолчание о том, что ему поручено разработать указанием с высоты Престола! Такие вопросы, как о свободе вероисповедания, нельзя затушевывать или запихивать куда-нибудь в дальний уголок свода законов и помещать, например, в 14 том, — в устав о предупреждении и пресечении преступлений, между уставами о ссыльных и законами об азартных играх, пьянстве и непотребстве. Эти вопросы, путем недоговаривания, нельзя ставить так, чтобы недоумевающие обыватели не знали, на что они имеют право, и, для разрешений сомнений о пределах свободы своей совести, вынуждены были обращаться к подпольным советчикам и мелким ходатаям по делам, подвергаясь всякого рода злоупотреблениям и подчиняясь всевозможным истолкованиям»³.

«...Казалось бы, что, считая Церковь тесно и неразрывно, в бытовом и историческом отношениях, слитую с государством, нельзя возражать против коренных начал веротерпимости, выраженных в указанных здесь неоднократно Манифесте и Указе, которыми признаны новые начала раскрепощения совести, совместимыми с положением православной Церкви в русском государстве. Да и что доказывают все эти экскурсии в область отдаленной истории, эти сочувственные оглядки назад, на XV и XVI века с их нетерпимостью к инославию, на еще более отдаленные времена, когда отступников от веры отцов побивали камнями? На этих камнях ничего построить нельзя» ¹.

«Позвольте привести слова, указывающие на то, что не стеснением свободы совести, а внутреннею самодеятельностью может быть крепка и сильна православная Церковь: «Нужно для вразумления заблудших, кроме церковного слова, и церковное дело: «сия подобает творити и оных не оставлять». А, между тем, именно общего церковного дела, общецерковных интересов у нас вовсе и нет. Нет их не только среди инородцев, но и среди русских: поэтому у нас и происходит распадение церковного общества во все стороны». Это говорит не поверхностный наблюдатель жизни, а епископ Андрей, на страницах органа братства Св. Гурия» ².

«Отклонение проекта предлагается, с другой стороны, путем предложения А. С. Стишинского, принятие которого свело бы весь вопрос о свободе совести на ничто, превратив его в вопрос о принуждении совести!

Я затруднялся поверить своим глазам и ушам, когда услышал об этом предложении и прочитал его. А. С. Стишинский желает, чтобы отпавший от православия и *принявший другое христианское вероисповедание* (выделено Кони. — А.Б.) утрачивал право поступления на государственную службу и, если отпадение совершилось, пока он состоит на службе, то подлежал бы увольнению.

Иными словами, он желает возвращения назад не только за Манифест 17 октября и Указ 17 апреля 1905 года, но и за постановления свода законов 1857 и 1832 годов, ко времени той нетерпимости, от которой отказывались в России уже в XVIII столетии» ³.

«...И затем — что значит утратить право поступления на государственную службу? Ведь это значит — утратить всю свою рабочую молодость, все права, приобретенные годами учения, все знания, достигавшиеся трудом, о применении которых в пользу общества и на благо общества мечтается всякому любящему свою родину. Наконец, по отношению к поступлению в привилегированные учебные заведения — это значит утратить права, приобретенные служебными заслугами родителей. И за что? За то, что по убеждению своей совести и разделяя возвышенное воззрение, выраженное в Высочайшем Указе 17 апреля молодой человек, равнодушный к вере, переместился из одной области христианства в другую! Потом — что значит увольнение отпавшего от службы? По статье 65 Уложения о наказаниях увольнение от службы есть служебное наказание и очень сильное. Прежде всего, это — потеря права на пенсию, т.е. нарушение договора государства с поступающим на службу лицом, которому, в случае беспорочной службы, обязанности коей изложены в присяге, обеспечивается кусок хлеба на

старости, за отданные и потраченные безвозвратно годы и силы...»¹.

«В какой стране и в какое время выражается это желание? В России, накануне празднования столетия 1812 года, столетия нашей Отечественной войны, на священных страницах летописи которой, наряду со славными русскими именами записано, например, имя инославного Барклая–де–Толли, так трогательно воспетого Пушкиным; в стране, где министрами финансов были лютеране Канкрин, Рейтерн и Бунге, где русскую науку озарил своими трудами знаменитый Бэр, где в тюремном деле светит человеколюбец католик–доктор Гааз, которому Москва только что поставила памятник!...»².

«... Скажу больше: принятие этого предложения (А. С. Стишинского. — А.Б.), твердо надеюсь, не случится, заставило бы вспомнить один из бессмертных образов Шекспира. На руке леди Макбет есть несмываемое пятно; — но такие же пятна бывают и на законодателях, забывшем о своих целях или превратно их понимающем. Таким пятном, в глазах потомства, явилось бы принятие предложение А. С. Стишинского...»³.

В нынешние дни руководители инославных христианских Церквей снова ходят по дантовым кругам отделов юстиции, для чего им уже приходится нанимать квалифицированного юристов, ибо в различных хитросплетениях Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятого в 1997 г., простому смертному не разобраться. И православная Церковь порождает этим напряжение, ибо Закон этот лоббировала она.

Приведем еще цитату:

«В государственной и общественной жизни есть область, в коих гражданин должен, становясь дееспособным и правоспособным, знать не то, что он может сделать, не то, в чем он не встретит препятствий, и не то, что, вероятно, дозволено, потому что прямо не воспрещено, — а то, что принадлежит ему как право. Поэтому законным проявлением совести и трактуются в западных законодательствах как *право* (выделено Кони. — А.Б.), а не как *дозволенная возможность* (выделено Кони. — А.Б.)... Поэтому наряду с упоминанием о *праве* (выделено Кони. — А.Б.) перехода, представляется необходимым указать и на *свободу* (выделено Кони. — А.Б.) его и тем устранить возможность предположения, что осуществимость этого права может быть обусловлена какими–либо дальнейшими ограничениями, не заключающимися в самом определении его содержания»⁴.

Дальнейший ход тех тревожных лет показывает, что ясное и здоровое правосознание не вмещалось в мышление «богомольной» Думы, которая, конечно же, стояла на своем: «запрещать и не пущать». Да и в самом Государственном Совете были не одни только светские стишинские:

«Выступая в ноябре 1911 года в Государственном Совете против законопроекта о свободе совести, варшавский архиепископ Николай и новгородский архиепископ Арсений заявили, что задача православной Церкви —

обрусить и оправославить все нерусское и неправославное»¹.

Заметим, что это было не частное мнение, его высказали перво-иерархи, выражая точку зрения Синода. В этих словах слышна плохо скрываемая надежда политическими методами осуществить то, чего не могли сделать сугубо христианскими увещаниями. Тревога сенатора Кони была обоснованной:

«Нам было сказано, что Церковь, в некоторых случаях, допуская свободу совести, тем не менее имеет в виду и политические соображения, которые могут эту совесть ограничивать. Господа, я думаю, что это опасная точка зрения: соединение политики и веры всегда приводило к дурным результатам. Дело в том, что это — как в дружбе: в дружбе никогда не бывает одинаково равноправных людей, — всегда один подчиняется, а другой господствует. То же и в такой дружбе между верой и политикой: там где Церковь подчиняет себе политику, там мы знаем, во что это вырождается: это вырождается в инквизицию; там, где политика подчиняет себе Церковь, — там, Церковь обращается в полицейское учреждение и несет службу городского в защиту веры...»².

Итак, снова слово «инквизиция». Думается, в России был некий симбиоз: вроде бы не папа стоял над государством, но нельзя сказать, что и православие не имело голоса; взятый нами материал из отечественной истории наглядно показывает, что до синодального периода у православия были нескрываемые желания господствовать над государством, чему и вынужден был положить предел Петр I. В последующие времена Синод был инициатором всех законов, секретных циркуляров, ведомственных разъяснений с грифом «печатанию не подлежит», которые были направлены на борьбу... с христианами же, только находящимися вне православной ограды. Даже в упомянутых нами законах черным по белому прописывалось, что речь идет о христианских, а не мусульманских, к примеру, вероисповеданиях. И разве уже не в наше время было опубликовано открытое письмо «Союза психиатров России», где выражалось возмущение тем, что психиатрию снова хотят сделать орудием борьбы с инакомыслием... религиозным? Кто не православный, тому соответствующую медицинскую статью.

Грешно было бы делать вид, что после манифестов и указов ничего не изменилось. Что-то изменилось, но только «что-то», потому что законы из СЗРИ и все дополнительные законы против инакомыслия (инаковерия) никто не отменял. Правило юриспруденции незыблемо: закон теряет силу, когда он прямо отменен соответствующим законодательным актом. И Бонч-Бруевич уже после 1905 г. писал:

«Чем дальше в лес — тем больше дров». Чем дальше от 1905 года, тем аппетиты реакции все разрастаются. От случая к случаю можно было бы исписать целые томы, рассказывая о современном преследовании сектантов... Преследования эти разливаются по всей России. Нельзя ли здесь усмотреть признак продуманной, совершенно определенной системы действия? И мы думаем, что никак нельзя иначе ответить, как утвердительно... Уничтожить всякое проявление свободного духа, загнать его в подполье, — вот непосредственная задача, явная цель современного режима.

Сколько еще может продолжаться такая политика, подтачивающая все живое и сильное в стране, глушащая все, начинающее подниматься и расти, и дающая простор только самым отсталым элементам народа и общества?»³.

Думается, небезынтересно привести здесь хотя бы вопросы, которые возникали в многочисленных христианских общинах по причине чинимых на каждом шагу препятствий

1

2

3

и притеснений со стороны духовных и светских властей. Приведем их из книги-справочника «Закон и вера», составленной И. С. Прохановым ¹.

«1.0 Циркуляре от 4 октября 1910 года (текст);

2. Что нужно делать человеку, отделившемуся от православия, если он хочет устроить религиозное собрание?

3. Что нужно делать, если власти не разрешают религиозных собраний, потому что нет легализованной общины?

4. Как надо понимать ограничение в 25 человек для устройства собраний?

5. Что надо понимать под постоянным помещением?

6. Как понимать нужно ограничения для сборов (денежных. — А.Б.) в общинах?

7. Кто разрешает сборы добровольных пожертвований?

8. Может ли полиция установить у входа в собрание стражу, чтобы не допускать в него православных?

9. Могут ли власти закрывать собрания из-за того, что в них присутствуют православные или приезжие сектанты?

10. Что нужно делать, если власти запрещают проповедовать в собраниях проповедникам приезжим?

11. Могут ли власти запретить кому-либо из нововерцев ездить по России, посещать общины и проповедовать в них?

12. Что нужно делать, если власти кого-либо вышлют или подвергнут какому-либо административному наказанию за собрания или за какое-либо другое дело религиозного характера, опираясь на «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»?

13. Что нужно делать в случаях, когда кого-либо постигнет какое-либо стеснение за веру и когда все обращения к местным властям остаются тщетными?

14. Что нужно делать, если кто-нибудь хочет выйти из православной церкви?

15. Какие правила существуют кроме Высочайшего Указа 17 апреля 1905 г. для руководства при отказе от православия?

16. Какой порядок отчисления от православной церкви на основании всех этих законов и правил?

17. Может ли губернатор требовать от лиц, отпадающих от православия, указания своего духовного отца?

(По непонятным причинам отсутствует пункт 18-й).

19. Могут ли власти требовать от лиц, отчисляющихся от православия, представления их метрических свидетельств?

20. Нужно ли при отчислении из православия указать какую-либо общину или какое-либо лицо, к которому отчисляющийся присоединяется?

21. Может ли полиция возбуждать стеснения из-за того, что прошение об отчислении от православия написано на печатном бланке?

22. Может ли неуважение духовенством служить причиной к его (сектанта. — А.Б.) отчислению?

23. Могут ли власти возражать против избранного общиной наименования?

24. Может ли кто-нибудь принуждать человека к исключению из православия?

25. Может ли наказываться переход из секты в какое-либо ино-славное вероисповедание?

26. Что нужно делать, если кто-либо переходит, скажем, в общину евангельских христиан не из православия, а из лютеранства?

27. На основании какого закона устраиваются и легализуются (узаконяются) общины?».

Если мы знаем, как трудно сейчас чего-либо добиться в чиновных кабинетах даже при знании своих прав, то каково же было тогда неграмотным по большей части людям? «Кто захочет переменить веру, тот должен предварительно

испросить разрешение губернатора, а губернатор, прежде чем давать разрешение, должен навести точные справки, почему желающий переменить веру православную на другую хочет это сделать, — нет ли здесь подговора с чьей-либо стороны, подкупа или чего-либо другого, добровольно ли он оставляет православие и т.д.»¹.

Но, видно, такова была «материнская любовь», что от нее бежали даже при всех чинимых препятствиях. Вот что писал А. Карташев:

«Там русское население (в Белоруссии, Литве, Волыни, Подолии, Холмщине. — *А.Б.*), искалеченное историей, сложилось в пестрые, колеблющиеся группы между двумя культурами и исповеданиями. Там было много подневольных православных, жаждавших втайне костела или унии. Теперь они сбрасывают маску лицемерия и... десятками тысяч приписываются к костелам. Пустеют целые приходы. Православие переживает громадный кризис и вынуждает напрягать все наличные ресурсы на самозащиту»².

Относительно самозащиты — вопрос спорный, но политика насильственного насаждения православия неизбежно давала свои плоды.

Даже внутри православного ведомства открыто проявлялись протесты; петиции и забастовки задели даже женские епархиальные училища.

«20 ноября Св. Синод по поводу коллективных заявлений воспитанниц некоторых епархиальных женских училищ объявил, что... «преобразование епархиальных женских училищ признано неотложно необходимым и будет произведено по получении соображений на этот предмет от советов епархиальных училищ»³.

В те годы князь Евгений Трубецкой писал:

«Какие нравственные силы может противопоставить наш духовный департамент полиции? Все, что делается за последнее время нашей иерархией, свидетельствует о полном угасании в ней Духа Божия — «о мерзости запустения в месте святом»⁴.

Что можно сказать утешительного, когда — не в 1894 г., а в 1909 г. — профессор М. Красножен в своем исследовании обращал внимание на продолжающееся законотворчество:

«Св. Синод, по определению от 12–17 июля 1907 года за № 4352, разъяснил, что смешанные браки православных с раскольниками и сектантами могут быть разрешены лишь в том случае, когда лицо, ищущее брака с православным, принадлежит к таким раскольническим толкам и сектам, которые исповедуют Господа Иисуса Христа истинным Сыном Божиим, Икупителем мира, и принимает водное крещение, правильно совершенное и неповторяемое...»⁵.

Все ли усмотрят что-либо недоброе в приведенном извлечении? И жениха, и невесту может объединять их общее исповедание веры христианской, и все же обряд бракосочетания священник не совершит, если жених или невеста (в зависимости от конкретного случая) крестились не «так», как нужно. Евангелист или баптист, к примеру, крестится посредством полного погружения в воду, ибо это, по апостолам, символически изображало погружение в

могилу, некое, в духовном смысле, умирание вместе со Христом для зла этого мира, и одновременно выход из воды — как воскресение для жизни духовной. Но священник мог возразить, что подобное крещение — «неправильно совершенное», а повторить его невозможно. А может, погружение — это правильно; но сколько раз вас погружали — один раз или три? Это, по мнению священника, настолько важно, что брак может и не состояться, хотя вы и верите одинаково по всем членам Апостольского символа веры.

После дарования так называемых свобод была опубликована «Записка Союза ревнителей церковного обновления», в который входили несколько десятков петербургских священников:

«На официальную Церковь установился взгляд не как на носительницу света и вечной истины, а наоборот — как на источник мрака и вражды в отношении ко всякому светлomu, свободному, прогрессивному движению. Поэтому Церковь все более и более теряла свой авторитет над живыми силами, которые плотно организовались вне Церкви...

...Таким образом вышло, что и современное движение в русском народе к гражданской свободе и общественному благоустройению и возникло, и развивалось, и продолжает себя проявлять помимо Церкви, даже в прямом антагонизме с Церковью»¹.

Будущий богослов и священник профессор С. Булгаков в те годы писал:

«Вековые преступления против свободы совести тяжелым свинцом лежат на исторической совести русской Церкви, и надолго еще само слово «церковь» будет вызывать ассоциации о суздальских тюрьмах, синодских посланиях, темных деяниях «миссионеров» и т. п.»².

Профессор не только сетовал, но и предлагал верующим россиянам не уходить во внутреннюю духовную жизнь, но проявлять себя в общественно–политической жизни, ибо у Церкви, по словам Вл. Соловьева, должна быть и социальная сторона ее служения:

«...Мало одних усилий личного усовершенствования и душеспасительства, но необходимо воздействие и на общественные формы и на внешние отношения людей между собой, необходима не только личная, но социальная мораль, т. е. политика»³.

Мы ранее бегло упомянули о священнике Гр. Петрове, которого подвергли церковному суду. Это дело широко обсуждалось.

«Священник о. Григорий Петров — очень крупная общественная величина. В его лице счастливо сочетались выдающиеся литературные дарования, редкий публицистический талант и блестящие ораторские способности. Многочисленными брошюрами, вышедшими из–под его пера, зачитывались все, кто стремился слышать и знать живое слово и свежую мысль, его газетные статьи били по нервам и заставляли вместе с ним плакать, негодовать и возмущаться, а когда он выступал с лекцией или докладом, залы и аудитории не могли вместить всех желающих слышать воодушевленного оратора, всегда умевшего заинтересовать публику и придать очень скучной, по–видимому, теме жизненный интерес. Его знала вся Россия и не только Россия: его имя хорошо было известно и на Западе»⁴.

Так вот, этого священника указом Петербургской духовной консистории от 10 января 1907 г. за № 16 приговорили (без суда, без следствия, без вызова самого обвиняемого — см. примеч. 217):

«1. Послать священника Григория Петрова в Черемнецкий монастырь с запрещением священнослужения в клиросное послушание...

2. Воспретить священнику Петрову его вредную публицистическую деятельность с обязательством не предпринимать впредь никаких литературных занятий без особого разрешения Епархиального начальства...»

Автор брошюры, имя которого не сохранилось, спрашивает: «В каких духовных законах предусмотрено право консистории на духовное скопчество? Древность и средневековье знало вырезывание языков... Даже Арию и Несторию не были заграждены уста. Речи Златоуста метили в самое императрицу. Его ссылали, но не лишали права писать»¹.

Именно по адресу таких интеллигентных людей высказывался небезызвестный иерарх Антоний Храповицкий: «Лучше пустить на церковный собор обитателей тюрем, чем представителей современной интеллигенции» (стенографический отчет Государственной Думы, созыв III, сессия 3-я заседание 17 февраля 1910 г.)². Что ж, пожелание иерея исполнилось через 7 лет: обитатели тюрем поменялись местами с интеллигенцией, но чем это обернулось для самого Храповицкого и иже с ним?

Кстати, о Думе. Специальным законом устанавливался особый имущественный ценз, точнее — земельный, благодаря которому легче было проходить в депутаты духовенству, отчего третья и четвертая Думы имели такое большое количество клириков и первоиерархов. Они же в слепоте своей вели Россию к пропасти. Когда в 1909 г. представители правых партий подготовили законопроект о свободе совести, откровенно говоря, что «лучше будут евангелисты, чем социалисты, пусть лучше читают Евангелие, чем «Капитал», — то этот законопроект был отклонен с подачи членов Государственного Совета епископа Варшавского Николая и епископа Новгородского Арсения (это они в 1911 г. призывали всех оправославить и обрусить)³.

Когда была распущена еще первая Дума из-за того, что в ней оказалось слишком много прогрессивных священников, последними было опубликовано и «Воззвание», которое еще называли Выборгским, потому что в г. Выборге происходило его редактирование:

«...Но прежде всего мы желали издать закон о наделении земель трудящегося крестьянства, путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных...»⁴

(см. примеч. 41, 42).

Как видим, среди духовенства, по преимуществу низшего и среднего, были лица, имевшие здравые взгляды.

«Отвратительная казенщина полицейско-крепостнического самодержавия вызвало недовольство, брожение и возмущение даже в среде духовенства.

Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его теперь пробудил гром падения старого средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованиям свободы, протестует против казенщины и чиновнического произвола, против полицейского сыска, навязанного «служителями Бога»⁵.

«Наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества, и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название «новоправославное движение»¹.

Конечно, и в этой среде большевики пытались заполучить сторонников своих идей: «Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т.д., — все это играет как нельзя больше на руку революции»².

«Писатель С. Гусев–Оренбургский, бывший в конце XIX в. священником и снявший с себя сан, в своих повестях и рассказах говорил о появлении демократических настроений у молодых священников»³.

Надежды на церковные реформы не оправдались, консервативные силы взяли верх, да и Николай II не решился созвать Собор. Из доклада бюджетной комиссии Думы:

«Изучение докладов Синода открывает постоянно повторяющиеся недочеты, показывающие, что реформы, даже одобренные Предсоборным Совещанием и отчасти самим Синодом, не были проведены. Церковная администрация находится в таком же архаическом состоянии, как и раньше, и общее положение Церкви продолжает быть в высшей степени неудовлетворительным и даже безнадежным»⁴.

Но насколько не хватало духовных сил на внутреннее возрождение, настолько же хватало инквизиторства для гонений своих же священников. Мы находим многочисленные «дела» о «противоправительственной деятельности» батюшек различных епархий: Донской⁵, Вятской⁶, Нижегородской⁷ и др. Логика церковного следствия была проста: на сходе было более 200 человек, и, кроме волостного старшины и писаря, никто не подтвердил, что священник говорил что-то противоправительственное. Однако на время следствия он был заключен в монастырь, затем, при недостаточности улик, был переведен в другой приход под негласный надзор благочинного. Это о священнике Ксенофонте Никольском из Нижегородской епархии.

Или вот еще рассуждения из книги «Камо грядеши?» (не классической, польского автора Сенкевича, а неизвестного):

«Из Вятки сообщают, что «настоятель Уржумского собора священник Тихвинский за сочувства освободительному движению и проповедь против смертной казни ссылается епископом вятским Филаретом до окончания следственного дела в дальний приход». Петров (тот самый о. Гр. Петров. — А.Б.) рассуждает: «Если бы священник за сочувственное отношение к освободительному движению был выслан светскими властями распоряжением полиции или по суду гражданскому, — это было бы понятно и неудивительно. Но епархиальным властям, духовному начальству какое тут оскорбление, огорчение, преступление?.. По какому нравственному праву, по какому Божьему закону епархиальная власть сослала в дальний приход свящ. Тихвинского? Да еще, как сообщено, и до окончания следственного «дела». Дело еще не разобрано, следствие ведется.

Окажется ли о. Тихвинский виновным или нет, — неизвестно, а топор уже на голову опущен, человек в ссылку отправлен, от своей паствы оторван, на разорение, на нужду и одиночество обречен»¹.

Впрочем, «духовному скопчеству» был подвергнут следом же и сам Гр. Петров. В этой же книге «Камо грядеши?» упоминается об отстранении архимандрита о. Михаила от профессорской кафедры Духовной академии за то, что у него были социалистические взгляды. Тогда почему, спрашивает о. Гр. Петров, других меряют иной меркой? Вон сколько всяких «союзов истинно русских людей», пасущихся внутри церковной ограды, от которых веет черносотенством. У них только и слышим крики о крови: «Уничтожим! Разнесем! Порвем на клочки! Зальем кровью!». И в эти союзы крови и убийств, ненависти, мести, злобы и человеконенавистничества духовенство может вступать свободно. Даже поощряется вступление. На сочувствии и на содействии черносотенным погромщикам духовные отцы свои карьеры устраивают»².

Совершенно неожиданно для себя самого автор данного исследования вышел на своеобразную политическую деятельность православия. Нельзя сказать, что он не знал ничего до этого о «черной сотне», черносотенцах, но он никак не связывал это с преследованием инославных христиан. Известно было о еврейских погромах, которые современные апологеты черносотенства выдают за несуществующие. На автора этой книги даже подал в суд один из воронежских «памятников» («Память») и на суде уверял, что ничего антисемитского в тех погромах не было. Собственно, и черносотенство подают сейчас нынешние свастикалюбивые чернорубашечники как благое патриотическое дело (хотя, как мы упомянули, в зале суда обещали перестрелять всех, кто перешел им дорогу).

Мы сознательно сокращаем материал о «Союзе русского народа», ибо это выходит за рамки нашей книги, но не можем не отметить, что православие, будучи гонителем всех инославных христиан, напрямую принимало непосредственное участие в черносотенстве. Мы вынуждены это показать хотя бы отчасти, потому что и в этом видится аналог с нашей современностью, потому что и сейчас сформированы, на манер «Союза русского народа», «Союза Михаила архангела», разные подобные союзы: была «Память», теперь «Русское национальное единство», кощунственно пытающееся подать себя как «Спас». У всех у них в устах обозначена приверженность православной Церкви. Если бы они выступали просто как отморозки со своими нацистскими бреднями, кто бы принял их всерьез? Но они — радители православия, и, естественно, по их программе в России всех надо «оправославить» и «обрусить». А нет — «уважай Россию или уезжай». И уезжают, как и уезжали во времена, о которых мы говорим, — но надо ли повторять ставший банальным вопрос: что же пожали от тех посевов?

Снова о мифологизации нашей истории. Советская идеология столько лет промывала мозги народу, ставшему советским, что мы теперь, шарахаясь от этой многолетней бездуховности, впадаем в другую крайность: нам все досоветское видится только в благолепном виде. Да, что-то в советских учебниках было о «черной сотне», о ее смычке с духовенством, о погромах, — но наверное это все наветы большевиков, и коммунистов в последующем. Весной 2000 г. в Воронежском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации о право-монархистских партиях на земле Воронежской губернии. То, что диссертант мог не знать о существовании отделов «Союза русского народа» по воронежским уездам, в это, хотя и с большим трудом, но можно поверить. Но когда автор данной книги задал ученым мужам несколько конкретных вопросов, как и положено при защите диссертации, те стыдливо сделали вид, что ничего об этом они и сами не знают. Так, с умолчания, формируются мифы.

К 1905 г., как известно, обострилась революционная ситуация. Православная Церковь понимала, что возможные политические перемены коснутся и ее, потому что она была

неотъемлемой частью в государственной машине. Усилить борьбу с ненавистными сектантами было удобнее, потому что в междоусобной сваре вполне можно было выдавать инославных христиан заединщиками с безбожными революционерами. Мы не нашли никаких документальных данных о совместной революционной борьбе, ибо таковой просто не было. Читать революционную литературу, протестовать против инквизиторских репрессий — это не то же самое, что идти и убивать на баррикадах или из подворотни. Но все же некая политизированность у инославных христиан была: «у нас систематически людей, думающих о Боге, делали революционерами, заставляя давлением на религиозную совесть человека думать о политическом переустройстве»¹.

Так что создание «Союза русского народа» (СРН) пришлось как раз вовремя. Уже осенью 1905 г. «выборы этих боевых дружин должны были состояться *в церквях* (курсив мой. — А.Б.) после всеночной 15 октября, причем каждый приход должен был просить настоятеля войти в состав комиссии и дать у себя помещение для его (отдела СРН. — А.Б.) делопроизводства»². Если кто с недоверием отнесется к такому неожиданному повороту, то приведем выдержку из Определения Св. Синода от 15–18 марта 1908 г.: «Предоставить епархиальным преосвященным разрешать и благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности «Союза русского народа» и других монархических патриотических обществ»³.

«Черносотенная вакханалия разыгрывается вовсю. Религиозные гонения растут. Только тогда будет вероисповедная свобода совести, когда с этих скамеек, которые сейчас занимают эти министры внутренних и других дел, уйдут эти люди...» (из стенографического отчета III Думы, 2-я сессия, заседания 23 мая 1909 г.)⁴.

Что же касается политической ориентации так называемых сектантов, то, как и большинство простых людей, веря в царя-батюшку (все-таки вышел Манифест), «в октябре 1905 г. руководители сект подписали политическую платформу «Союза свободы, правды и миролюбия» с требованием «незыблемости» монархии. О политической благонадежности сектантов говорили и полицейские органы»⁵.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство вынуждено было создать Чрезвычайную Следственную Комиссию по расследованию деяний черносотенцев (не путать с большевистской ВЧК). Как-то неловко упоминать об этом, но в материалах следствия постоянно встречаются священнослужители; назовем имена только тех, кто точно был уличен в благословении погромов и участии в них, провокаций и всевозможных столкновений среди населения; там проходят и много других имен, но ЧСК так и не завершила свою работу по причине последовавшего октябрьского переворота. Антоний (митрополит Петербургский), Арсений (игумен Новгородский), Богданович С. (священник), Восторгов И. (священник, миссионер), Гневушев Макарий (архимандрит), Илиодор (монах), Иоанн Кронштадтский (священник), Макарий (архимандрит), Митрофаній (епископ, член Думы), Скворцов В. (миссионер), Тронин (священник г. Благовещенска), Черный (священник из г. Херсона)... Это далеко не полный список, потому что, повторяем, по поводу многих других следствие свою работу не завершило, а они имеют право на презумпцию невиновности⁶.

«Среди почетных членов СРН был московский митрополит Владимир Богоявленский (один из наиболее активных и фанатичных участников. — А.Б.),

саратовский епископ Гермоген, вологодский (епископ? — А.Б.) Никон, настоятель Воскресенского монастыря Арсений (СПб), епископ Митрофан (СПб) и Иоанн Кронштадтский...»

«Петербургский митрополит Антоний Вадковский... участвовал в представлении черносотенцев Николаю II и лично преподнес последнему икону покровителя «черной рати» Георгия Победоносца» (взято из материалов ЧСК).

На съезде черносотенцев в Киеве в октябре 1906 года присутствовали митрополит Евлогий Холмский, митрополит Флавиан (Городецкий).

На московском съезде в апреле 1907 г. митрополиты Владимир, епископ Серафим, Иннокентий, рязанский епископ Никодим повторяли друг за другом: «Я считаю за честь стоять под сенью знамени СРН и быть его членом».

Архиепископ Казанский Дмитрий:

«Принимая во внимание высоко патриотическую роль СРН, нахожу помещение в храмах казанской епархии хоругвей–знамен Союза и его отделов не только возможным по существу, но и весьма желательным между прочим в тех видах, чтобы каждому было ясно, что православная Церковь вполне одобряет и благословляет высокопатриотическое святое дело Союза русского народа и принимает это дело под свой молитвенный покров» («Церковь и жизнь», 1908, № 2)¹.

Съезд в Киеве (сентябрь 1909 г.) выразил признательность духовенству.

«Следующий съезд «союзников» состоялся в 1912 г. в Петербурге на квартире обер–прокурора Синода В. К. Саблера. Это съезд принял решение поставить все организации «Союза» под непосредственное руководство церкви. В свою очередь Синод обязал духовенство принимать в организациях «Союза» самое активное участие»².

«Хоругвеносцы («Союз Михаила архангела». — А.Б.) носили особый нагрудный знак, *утвержденный Синодом* (курсив мой. — А.Б.), на котором была изображена церковная хоругвь с восьмиконечным крестом»³.

«В этой связи вполне естественно представляется нам и традиционная правая ориентация большинства депутатов–священников, среди которых был почетный член СРН (Н. Е. Якубов), несколько председателей местных отделов названного Союза и рядовые члены СРН.

Понятно, как могли они относиться к внесенным в III Думу правительством П. А. Столыпина вероисповедным положениям. Столыпин предлагал депутатам рассмотреть законопроекты, один из которых помог бы покончить с монополией официальной Церкви, разрешив свободный переход из него в другие вероисповедания»⁴.

Законы пишутся весьма искусно: одной рукой вроде и дают, а другой — отнимают. Новый Закон о свободе совести 1997 г. тоже не запрещает иные христианские конфессии, но в преамбуле не напрасно говорится о предпочтении православной Церкви. Для нее это означает покровительство, льготы, протекционизм, возможность возведения новых храмов (хотя и существующие отнюдь не переполнены молящимися, разве что по большим праздникам), тогда как многочисленные инославные христиане, образовавшие за последние

постперестроечные годы свои приходы, ютятся где придется: по квартирам, по бывшим «красным уголкам», по залам заштатных кафе...

Столыпин предложил разрешить переход, но за православной Церковью все равно оговаривалось преимущество, и

«церковники — члены Государственной Думы — приветствовали правительственную декларацию, в которой провозглашалось преимущественное положение в России православной Церкви»¹.

Аппетиты духовенства росли все более.

«С согласия правительства духовные власти готовились послать в Думу (уже четвертую, — А.Б.) 150–200 своих представителей... И на этот раз практиковалась широкая кампания подлогов. К выборам привлекали учащихся семинарий, консисторных чиновников, даже монахов путем приравнивания их к государственным служащим»².

«Попавший в Думу в результате обмана и фальсификаций елисаветградский епископ Никон был лишен депутатских полномочий. Разоблачен был так же обман при выборах одесского епископа Анатолия»³.

«Деятельность Синода и духовенства во время выборов окончательно убила доверие к нему народа... Правительство было вынуждено уменьшить намеченное от духовенства число кандидатов»⁴.

Но это не уменьшило активности духовенства в Думе. Евлогий, митрополит Варшавский и Холмский, по-прежнему предлагал решать вопрос ; отпадающими от православия полицейскими средствами, так что даже в стенах Думы слышал вопросы: «Пастырь, у которого разбегается стадо, решивший окружить его полицейскими, добьется ли желаемого? Поднимется ли там, в Холмщине, авторитет Церкви, призывающей городского на помощь епископу? Вернут ли такие меры симпатии отпавших? Будут ли сердцем принадлежать Церкви люди, которых держат за шиворот?» (482). Кто-то еще бросил реплику: «Оценка религии с точки зрения государственной пользы есть отрицание религии».

«Даже крайний правый депутат русского парламента В. М. Пуришкевич обрушился на главу ведомства православного исповедания с обвинением в содействии развалу Церкви. «И если бы спросить в данный момент, кому бы желали левые поставить памятник в Российской Империи, благодаря за то, что он сделал для разрушения Церкви, все левые ответили бы: В. К. Саблеру»⁵.

«Самодержавие открыто стало использовать духовенство в качестве своей политической поддержки, а духовенство вышло из-под ширмы «аполитичности» на определенную дорогу политической деятельности партийного характера»⁶. Это не кажется теперь невероятным, если мы знаем об активном участии духовенства в неблагоприятной деятельности СРН. Вспомним слова священника Гр. Петрова: «У них только и слышим крики о крови — «Уничтожим! Разнесем! Порвем на клочки! Зальем кровью!»

«Для подготовки проповедников к политическим темам желательного направления синодский официоз специально печатал целый ряд проповедей архиепископа Никанора на общую тему «о верноподданических обязанностях» (№ 44–52 в «Церковных Ведомостях» 1908 г.)⁷.

«Когда в 1908 году Всероссийский съезд «Союза русского народа» обратился

в Синод с ходатайством «о преподании разрешения и благословения русскому православному духовенству» вступать в Союз, то синодские отцы... охотно определили: «предоставить епархиальным преосвященным разрешать и благословлять участие подведомственного им духовенства в деятельности «Союза русского народа» (О предложении Синода от 15–18 марта 1908 г.). «Союзу русского народа» была дарована еще особая привилегия: на участие его знамен и хоругвей в крестных ходах и молебнах на площадях в царские дни. Скоро союзные знамена и хоругви водрузились и вообще в храмах наряду с церковными»¹.

И это тоже знакомо: многое у свастикололюбивых и прочих «патриотов» проходит под церковным омофором.

Архивы подтверждают слияние СРН с РПЦ; так, например, это видно по фондам Государственного архива Воронежской области²; отделы СРН были в ряде уездов — Коротоякском³, Ва-луйском⁴ и др. Отдел СРН в Коротоякском уезде сподобился даже особенного отличия: «Министерство Императорского Двора, 29 марта 1910 г. № 3925 (Канцелярия) — Воронежскому губернатору — «Его Величеству Государю Императору благоугодно было ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловать Осадчевскому отделу Союза русского народа фотографический портрет Его Императорского Величества».

Здесь же в фондах проходят и «дела» о преследуемых сектантах: о штундистах⁵, о баптистах в селах Пески и Мазурки⁶, о баптистах/прибывших из Ростова-на-Дону⁷, — все с одним результатом: осуждение по уголовной статье.

Подъем «патриотизма» в духовенстве был действительно велик. Вот какое историческое родство увидел преосвященный Иоаким, епископ Оренбургский и Уральский, произнося свое слово в Спасо-Преображенском соборе перед освящением хоругви Оренбургского губернского отдела СРН:

«Подобно братствам западного края, стяжавшим себе историческую славу, славу христианского исповедничества, и благодарность потомков, русский народ и в настоящее лихолетье по всему лицу земли родной соединяется в Союз, чтобы под сенью священных знамен дружно отстаивать свои святыни»⁸.

«И русский Союз — весь объединенный Союз Русского Народа в лице своих миллионных черносотенцев — по требованию отечественной истории в мгновение ока выросший на святой православной Руси... одною из главных задач своих должен считать громкое, открытое и честное провозглашение высокой и главной исторической идеи: «Россия — для русских!». Отныне каждый из нас должен памятовать и исполнять слова Государя: «Объединяйтесь, русские люди, Я рассчитываю на вас»⁹.

Это тоже нам не чуждо, — все столбы помечены свастикой с надписью «Россия — для русских». И ничего — офицеры ФСБ, МВД, работники прокуратуры наивно уверяют, что это просто мальчишки по молодости дурят. Конечно, пропаганда нацистских идей и разжигание межнациональной розни — это дурь. Говоря по-воронежски, нехай дурят; и каждое воскресенье в 14 часов перед Домом офицеров эти молодчики на своем посту. Посмотрели

бы на них подлинные, не дожившие до этих дней, ветераны Войны! А те, кто 9 мая выходят на улицы с орденами сегодня, — интересно, что они думают?

«Нужно только, чтобы во главе отдела стоял опытный и благомыслящий руководитель. Таким наиболее подходящим руководителем в селе, бесспорно, был приходской священник, которому естественнее всего и озаботиться открытием в своем приходе отдела.

... Против всего сказанного могут выставить уже опровергнутые много раз соображения, будто бы не дело священника заниматься политикой и т.п. Относительно этого достаточно напомнить, что СРН имеет своей задачей служение православной вере...»¹.

Ну и в Уставе РНЕ четко обозначен приоритет — почитание православия.

Правда, в той «боголюбивой рати» не так уж было внутри боголепно. и мы знаем о разделениях, о противоречиях, об интригах, ибо для руководства СРН дело это было доходное. Отголоски подобных настроений (говоря церковным языком) слышны у протоиерея Иоанна Восторгова:

«У нас нет поводов к борьбе и озлоблению: не партия, а весь Русский верноподданный народ; в убеждении мы постоянны..., власти мы не хотим и не ищем. Остаются мелкие поводы к личным неприятностям между отдельными людьми. Станем выше этого. Будем презирать такую мелочную и недостойную борьбу... Но целое общество, вся наша священная, боголюбивая, царелюбивая и народолюбивая дружина должна оставаться спокойно и делать свое дело»².

В газете «Речь» (1914, № 46) читаем жалобы членов общины евангельских христиан по поводу отказа в приобретении домов под молитвенные собрания в г. Москве:

«Но больше всего члены общины жалуются на действия миссионеров и полиции. Так например, их уполномоченный (от общины. — А.Б.) писал в Петербург: «Православные миссионеры, особенно из курсистов о. Восторгова, приходят в наши собрания и производят скандалы; хотя полиция и бывает в собраниях, но она не только не ограждает порядки в наших молитвенных домах, а наоборот, поддерживает устроителей этих скандалов».

Так обстояло дело в Москве. Что же касается московской губернии, то там и полиция, и миссионеры держат себя по отношению к сектантам еще более непринужденно.

В селе Большие Мытищи, например, полиция постоянно «вторгается в молитвенный дом евангельских христиан во время их богомоления и чтения Евангелия. Прерывая богомоления сектантов, чины полиции тут же производят полицейские дознания, занимаясь проверкой, имеют ли лица, участвующие в молитве, право присутствовать в этих собраниях»³.

Так что, «боголюбивая» дружина миссионеров спокойно делала свое дело, по мудрому совету о. Иоанна.

А вот смиренное послание иеромонаха Серапиона из Киевского Св. Николаевского монастыря; эта обитель считалась почитаемой вдохновительницей русского патриотизма:

«... берегитесь евреев и не только не берите и не покупайте у них ничего, не лечитесь, не учитесь, не судитесь у них, но и порог переступать в дом ваш еврею не позволяйте... Неудержимо устремитесь объединиться по зову Царскому в один

крепкий и вечный Союз русского народа»¹.

Эта «истина» так же вечна, как вечно безумие людское. Апостол Павел в послании к Римлянам говорит: «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? — Никак... Не отверг Бог народа Своего...» (2.1–2). И далее: «Не хочу оставить вас, братья, в неведении о тайне сей, — чтобы вы не мечтали о себе, — что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, и так весь Израиль спасется...» (2.25–26). Сдается, что все так называемые поборники православия, дышащие духом антисемитизма, а значит, по Н. Бердяеву, антихристианства, читали что угодно, но не Новый Завет. Это дух того, с кем уже много веков Великий инквизитор Достоевского.

В начале 1917 г. осуждая (правда, со значительным опозданием) духовенство за совместные действия с черносотенцами, депутат Государственной Думы священник Филоненко писал:

«Вспомним еще недавно распространение Союза русского народа, вспомним это стремление покрыть всю страну сетью таких отделов. Кто же оказывал в этом случае правительству самое энергичное содействие и поддержку? Разве не духовная власть наша не только всему этому покровительствовала, все это благословляла, назначала председателями и губернских, и уездных отделов почтенных протоиереев? Вспомним торжественные заседания союзников, на которых желанными и почетными гостями всегда являлись наши иерархи» («Церковь и жизнь», 1917, № 2)².

Мы переходим к заключительной главе. В научном труде она называлась бы «Выводы». Но самыми весомыми выводами явились годы, последовавшие за октябрьским переворотом. Так бывает: дерево, которое кажется вполне живым и сильным, вдруг в одночасье подламывается и падает, — вся внутренность оказывается гнилой. Большевикам не потребовалось много усилий, чтобы повалить эту махину. Без внутренней гнили им нипочем было бы не совладать. Ведь стержень всякого государства — духовность.

Воспоминания о вполне возможном будущем

«Следует признать, что обширная литература о революционной ситуации в России в начале XX века практически оставляет без внимания культуру вообще и религию в частности. Как правило, существующая историография ищет истоки революционной ситуации либо в политических, либо в социально-экономических отношениях. В основном она сосредоточена на анализе противоречий между партиями и между институтами, либо конфликтов между социальными группами или классами. Культурный же аспект отодвинут на второй план (или вовсе игнорируется), в лучшем случае он рассматривается как отражение более фундаментальных экономических и политических явлений.

...Речь идет не о литературе или живописи, имеется в виду культура не в узком элитарном, а в антропологическом смысле этого понятия (т.е. комплекс идей и ценностей, влиявших на восприятие действительности отдельным человеком или группой лиц)»³.

Американский профессор был бы неправ, если бы писал эти слова в последние дни уходящего тысячелетия, потому что за последние десять–двенадцать лет написано много иного, анализирующего последний период досоветской России не по марксистско-ленинской методологии. После того как был убран «железный занавес», стало возможным писать обо всем, во-первых, по причине раскрепощенности от коммунистической идеологии, а во-вторых, из-за полученных возможностей доступа ко многим материалам.

Нынешняя (последнего десятилетия) историография тоже страдает односторонностью,

хотя надо признать, что дело обстоит гораздо лучше, чем раньше. Культуре и религии теперь уделяется немалое место. Но религия, по нынешним исследованиям, — это преимущественно православие. Да, православие было стержнем нашего общества; были, правда, еще и старообрядцы, которых так стали называть только после Манифеста 1905 г., а то все — раскольники: у них, в основном, двуперстие да один «ликир» (что это за слово, автор и сам плохо знает). А сектанты? Да у них на уме одно: потушить свет во время радения и заниматься свальным грехом.

Даже Дмитрий Пospelовский, авторитетный специалист по истории русской православной Церкви, не сделал и намека на репрессии, которым подвергались в России инаковерующие. Нет, самосожжений и самозакапываний, как в никоновский раскол, у сектантов нового времени не было. Не зря же их и называли рационалистическими. Они страдания за веру во Христа принимали по-своему, но слез, надругательств, крови и загубленных жизней в тюрьмах и на каторге было не меньше. А кровь людская, как известно, не водица.

Почему же все-таки инославные христиане не занимают надлежащего места в исследованиях, в художественной литературе и, как следствие, в представлениях россиян? Прежде всего, об этом нужно знать не понаслышке и относиться без предвзятости. Вот, к примеру, баптисты. Кто они? Это искренно обратившиеся к Богу в сознательном возрасте, а не в силу магического обряда детокрещения. Отсюда — все последующее: по социолого-статистическим исследованиям, в их среде нет пьяниц (по преимуществу они не пьют спиртное вообще), семьи в основном прочные; отношение к труду — честное, заработанные деньги все — тоже честные — в дом. Однако их можно упрекнуть в замкнутости: о них не пишут в газетах, не показывают на ТВ.

Мы видели, что так называемым сектантам было не до участия в общественной жизни. Советский период тоже был к ним неласков. Случалось, что детей из баптистских семей учительница ставила столбом посреди класса, чтобы одноклассники усвоили, как это позорно — быть баптистом. Баптист, принявший крещение в сознательном возрасте, обязательно «засвечивался». О нем было известно в спецорганах, он не мог поступить в институт.

Так сформировалось социальное самоосознание инославных в обществе. Раз в институты нельзя поступать, раз там преподается безбожие, — значит, знание, в собирательном смысле, не от Бога, значит, это чуждо. Таким образом, этих людей официальной идеологией и общественным мнением насильственно отчуждали, а завершилось тем, что и сами инославные христиане не тянулись к интеллектуальным занятиям. Потому церкви инославных христиан не богаты учеными, видными музыкантами. Нет даже добротных, на научной основе, исследований по истории инославного движения в России.

Так что, возвращаясь к профессору Грегори Фризу, исследование истории и религии в России еще имеет свои белые пятна. Изучение этих вопросов — дело непростое; всегда хочется, чтобы иной исследователь все четко систематизировал, но «не всегда надо искать в этой народной философии (возвращаемся к вопросу о так называемых сектантах. — А.Б.) определенной формулировки новых требований, — не всегда ее можно найти там, где все еще находится в брожении»¹. Инославные христиане не были связаны старыми учениями и застывшими «уставами». Их «вероучение не стояло на одном месте... Напротив, мы видим постоянное крещендо, постоянное обновление форм веры...»².

Достоевский был прав, когда говорил, что человеку нужно осознать свое бытие, свой духовный смысл, — иначе он может покончить с собой, даже если бы вокруг него «все были хлебы». К таковым людям относились те, кому внушения, что они православные по крещению в младенчестве, мало что давало. «Нельзя упускать из виду, что кроме нужд чисто материальных, кроме запросов желудка, у народа существуют и другие потребности,

неудовлетворение которых отзывалось на нем также крайне болезненно и печально. Это потребность просыпающейся мысли, потребность чувства и сердца, жажда умственной, духовной деятельности»¹ — так писали о развивающемся новом христианском движении еще в 1881 г.

«Только крайняя умственная близорукость может утверждать, что наше современное сектантство представляет собой явление исключительно религиозное, чуждое всяких общественных и бытовых мотивов и стремлений»² — это тоже из того времени. И Вл. Соловьев сформулировал эту мысль более сжато: «Догмат и культ — не все христианство, остается еще социальное и политическое действие истинной религии»³.

Нам еще предстоит привести ряд материалов того времени, когда в России назревал «великий перелом». Отметим, что если и гораздо раньше духовно-нравственная жизнь была не на высоте, о чем свидетельствовали благочинные и вынуждены были признать официальные отчеты, то в начале XX столетия в этом смысле был разброд. «В начале XX века значение религиозного фактора возросло не потому, что народ стал набожнее, а потому что царский режим лишился других традиционных основ своей легитимности. В XVIII и XIX вв. «законность» существовавшего режима покоилась кроме религии также на трех других основах: военной и политической мощи государства, его способности обеспечить благосостояние населения, а также на восприятии в народном сознании образа царя как «вождя» своего народа. Эти три основы к концу XIX в. во многом утратили свое значение»⁴.

Поскольку эти факторы утрачивали свою силу, нужно было искусственно что-то делать, чтобы сохранить свой престиж, и «с целью сакрализации самодержавия проводился целый ряд мер, но наиболее сенсационной была кампания канонизации святых, получившая небывалый размах. Если с конца XVIII в. и до конца XIX в. состоялось всего три канонизации, то в царствование Николая II их было шесть и намечены новые. Теоретически эта кампания должна была способствовать сближению самодержавия с народно-религиозной культурой и ослабить реакцию масс на неудачи во внутренней и внешней политике»⁵.

Еще в 1890-е годы было возбуждено ходатайство о канонизации Серафима Саровского. Синод отнесся к этому весьма скептически и несколько раз давал специальной комиссии задание уточнить верность о чудесах. В 1902 г. императрица сама подняла этот вопрос, и Синод под давлением царской четы пошел на канонизацию, но при этом в своем официальном определении специально подчеркнул, что за этим стояла инициатива царя. Разразился скандал, связанный с плохо сохранившимися останками Серафима (был снят тамбовский епископ Дмитрий, не подписавший акт освидетельствования). Даже Победоносцев был недоволен. Митрополит Петербургский Антоний был вынужден печатно признать, что останки истлели. В народе было брожение.

Все-таки канонизация состоялась. Было 28 тысяч военных, но не было хлеба, и много чего не было подготовлено для удобства паломников. Победоносцев негодовал: на это действо потрачено 150 тысяч рублей! Но самое грустное: канонизация не вызвала воодушевления верующих и не способствовала сближению царя с народом, хотя его самого все же причислили к лику святых.

Затем последовали канонизации патриарха Гермогена (вход во храм в Москве был по билетам), митрополита Тобольского Иоанна (Максимовича) — здесь вообще была одна политическая интрига.

На мирском языке это называется — спекуляция стадными инстинктами. К этому прибегали всегда; наше время — не исключение. Бывшие партийные работники позируют со свечками в руках перед телеобъективами во храмах — не зря же их в народе называют «подсвечниками». Ничего не изменилось с тех пор, когда юрист А. М. Бобрищев-Пушкин писал: «...закон наш предполагает, что у нас верует не личность, а то или другое

национально—духовное целое: народ, нация, племя, но на самом—то деле религия все—таки остается религией, и единственным ее вместилищем является в действительности не нация, а отдельное человеческое сердце»¹.

Жаль, что подобные верные рассуждения мы слышим чаще все го не от церковнослужителей. У нас ведь раздаются призывы лишь о народной вере, о племенных традициях.

«...Во имя свободы исповедания веры никто не вправе считать себя свободным от повиновения законам данного государства, не вправе нарушать чьи—либо законные интересы; с другой стороны, *в правовом государстве* (курсив мой. — А.Б.) столь же несомненно право личности избирать или не избирать какую—либо веру, переходить из одной в другую... Всякие дальнейшие ограничения в этой сфере уже являются посягательством на свободу совести личности...»².

Немало внимания мы уделили духовно—историческому фону жизни российского народа. Мы привели тексты законов; мы показали, как эти законы служили орудием инквизиции против христианского инакомыслия. Трудно в наше время чем—то ужаснуть, но есть вполне реальная угроза массовых междоусобиц, которые не будут только словесными. Словесные уже идут; снова батюшки клянут так называемых сектантов, перечисляя их в списке наряду с сатанистами. Дела внутри современного православия не так уж гладки. Духовных проблем в нашей стране много, и не к лицу христианам второго тысячелетия множить грехи; было бы гораздо лучше, если бы совместными усилиями решались наши нелегкие проблемы.

А пока скажем, что гонения и преследования инославных христиан усиливались. При всем несовершенстве Манифестов и Указов 1905 и 1906 гг. в дальнейшем не было лучших законоположений, вплоть до конца самодержавия. Комментировать это — только повторять уже сказанное. Приведем только ряд фактов из архивных фондов.

«Киевский Вестник», 19 октября 1908 г., № 278.

Административно оштрафованы по 50 рублей херсонским губернатором и посажены на две недели под арест в Елисаветграде при полиции шесть женщин евангельских христиан *с грудными детьми* (курсив мой. — А.Б.). Они и я просим Ваше Высокопревосходительство освободить их, а так же и меня от штрафа, так мы не сделали никакого преступления, а только, беседуя в домашнем кругу, читали Евангелие.

*Жена полковника — София Гордова»*³.

«Русь», 1908 г., №216

«На своих собраниях сектанты производят — надо полагать, неразрешенные начальством — сборы в пользу бедных сектантов. Не призывая прямо «светского меча», харьковские миссионеры довольно прозрачно взывают к нему между строк. «Запретить сектантам собрания, запретите им оказывать помощь своим бедным», — вот о чем в сущности просят миссионеры, прикрываящие свои истинные вожеления хорошими словами о библиотеках, проповедях, «братском, проникнутом истинной любовью, оберегании друг друга». Во все это гг. миссионеры верят очень плохо, а вмешательству светского начальства,

запрещением, репрессиям они по-прежнему отдают полную дань уважения...

... Духовный сыск, наказание, запрещения — выше этого не может подняться мысль священников, десятилетиями привыкших опираться в своей религиозной проповеди на поддержку полиции и даже войск» ¹.

«Речь», 25 августа 1910 г., № 232

«Никогда никакой церкви не следует бояться врагов. Если Церковь обладает истиной, — а без внутреннего убеждения обладания истиной Церковь не может быть Церковью, — то никакие враждебные силы одолеть ее не могут... Но представим себе, что полномочия духовной цензуры увеличены: они простираются не только на духовную, но и на светскую литературу. Представим себе, что Розанов, Андреев, Мережковский, Горький, а с ними и вся интеллигенция, отлучены от Церкви, что старообрядцы и сектанты опять загнаны в подполье. Что от этого изменится внутри самой Церкви?

Многовековой опыт показал, что зараза боится не столько внешнего карантина, сколько внутреннего. Можно закрыть все границы Российской империи, и все-таки у нас будет холера и чума, потому что источник ее не вне, а внутри России... Но к великой радости врагов и к великой скорби друзей, наша церковная иерархия об этом и не помышляет.

Д. Философов» ².

«Русские Ведомости», 2 ноября 1912 г., № 253

«Мы накануне оставления родины тысячами русских граждан, поставленных действующей государственной практикой на положение изгоев, отщепенцев, которые вынуждены после долгих мучений, колебаний и тщетных оптимистических ожиданий выселяться на чужбину. И только потому, что им не желают обеспечить элементарной религиозной свободы... Если переселение это состоится, то Россия сразу может потерять несколько десятков тысяч людей, которые даже их врагами аттестуются как трудолюбивые, выносливые, безусловно трезвые и честные люди» ³.

«Луч», 17 февраля 1913 г., № 31

«Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер указал, что основные положения, внесенные депутатами (32 депутата внесли предложение об обеспечении свободы совести. — *А.Б.*) находятся в принципиальном непримиримом противоречии с основными законами о вере. Россия, дескать, государство конфессиональное, и господствующее в нем исповедание — православие, и государство-де не может признать все исповедания одинаково истинными.

...Таковы в общих чертах положения В. К. Саблера. Чернее его не писал и не говорил даже Победоносцев.

...Если бы даже государственная власть стала уверять, что она не принуждает, а только защищает определенное верование, то это была бы простая игра слов: всякая особая защита государством одного верования неизбежно ведет к

гонениям на всякое другое»¹.

«Луч», 15 марта 1913 г., № 62

«За несколько последних месяцев закрыто сектантских молитвенных домов: четыре в Одессе (при этом закрытие сопровождалось торжественным молебном союзников), несколько домов в Москве, Екатеринодаре, Никольск–Уссурийске, все сектантские дома в Лифляндской губернии, в ряде сел и деревень Киевской, Подольской, Нижегородской, Харьковской, Воронежской, Таврической, Ставропольской губерний, Терской и Кубанской областей.

Преследованию подвергались сектанты всех толков: баптисты, евангельские христиане, духовные христиане (молокане), свободные христиане, субботники, «новый Израиль» (последняя секта привлекла к себе особое внимание) и другие.

Но репрессиями, конечно, не задуть сектантские течения. Наоборот, история показывает, что преследования только придавали сектантству прочную, спайку.

член Государственной Думы Мат. Скобелев»².

Из Перми: Е. П. Соколов

«Были в гостях у своего единоверца в Заводе Мотовилиха. После чаепития спели несколько гимнов из «Гуслей» и беседовали на евангельскую тему. Вдруг входят пристав, околоточный и городовые. Начали составлять протокол якобы за нелегальное собрание. Отобрав у нас Евангелие и «Гусли», скрылись. Когда я возвращался домой, думал: за что так с нами обращаются? Вспомнил Манифест Государя Императора, данный 20 июля 1914 года (после объявления войны. — А.Б.), в котором говорится: «В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри» и т.д. Эти великие слова местные власти как бы обходят. Дело пошло дальше. Нас допрашивали в Жандармском Управлении. На вопрос: нет ли у нас чего-либо политического, мы единодушно ответили, что в нашем вероучении нет места такому течению...»³.

Телеграммы–жалобы из Екатеринославской губернии

«Всех названных проповедников переслали по этапу (1914 год. — А.Б.) через тюрьмы наравне и вместе с ворами и убийцами. Они просили разрешения ехать на свои средства, но в этом им было отказано. Пересылка их из Одессы в Сибирь, в Нарымский край, длилась два месяца. Письма их свидетельствуют об их невыразимых страданиях от голода, холода, грязи, оскорблений и унижений, которые им пришлось пережить.

До октября месяца вышеупомянутые все восемь человек находились в селе Алатаево близ Нарыма Томской губернии, а теперь все переведены в Уфимскую губернию и расселены поодиночке в татарских селениях. Теперешнее положение ссыльных, по их свидетельству, еще тяжелее, чем прежде...

Из Одессы распоряжением генерал–губернатора от декабря 1914 г.

отправляются в ссылку еще 54 человека»¹.

«Киевская мысль», 22 июня 1914 г., № 169

«Департамент духовных дел разослал циркуляр губернаторам с просьбой не разрешать сектантские молитвенные собрания вблизи православных церквей (курсив мой. — А.Б.), если это угрожает религиозными столкновениями...»².

«Правда», 13 июля 1912 г.

«В 1910 г. были изданы правила, которыми разрешение собраний сектантов предоставлялось всецело на усмотрение администрации. Наконец, в только что появившемся циркуляре МВД снова предписывается губернаторам относиться с «особой осмотрительностью» к собраниям сектантов, «чтобы не допускать на них проповеди (? — А.Б.) сектантства и влияние его на православие»³.

«Речь», 2 июля 1912 г.

«Местные администраторы при таких директивах из центра, ввиду трудности определить, какое собрание может или не может быть использовано для пропаганды сектантства, вероятно найдут простой выход: «осмотрительность» при выдаче разрешений просто превратится в запрещение»⁴.

В 1909 г. председатель Государственной Думы Д. А. Хомяков на одном из заседаний сообщил:

«Доходят вести даже о чисто изуверских расправах в деревнях... Когда мне рассказывали, я ушам не поверил. После разжигающей страсти проповеди священника, двух крестьян, впавших в баптизм, отвели в сельскую управу и там, наломав колючих веток сливового дерева, заставили, угрожая смертью, старика сечь своих собственных детей. И я не знаю, какой закон о свободе веры, который мы теперь вырабатываем в Государственной Думе, в состоянии будет войти в жизнь, если подобные изуверства будут иметь место...»⁵.

Такого закона так и не приняли, и инквизиция продолжалась.

В 1910 г. один из руководителей баптистов писал:

«Всех гонений и преследований после провозглашения свободы слова и свободы вероисповедания не перечислить. Дело дошло до того, что некоторые общины и отдельные семьи наших братьев решили переселиться за границу»⁶.

И к этому можно добавить, что сегодня уезжают туда же не только евреи. Российское

население угрожающе сокращается. Факторов много, и не следует их перечислять, но автор данной книги доподлинно знает, что за последние годы уехало очень много инославных христиан. Два генерала, мы помним у Салтыкова–Щедрина, решили как–то очистить свой воздух от мужика; правда, потом чуть не померли с голоду.

Об этом «исходе» в те годы писал видный журналист А. Пругавин в статье «Отчего сектанты бегут из России?» Другой журналист С. Мельгунов отмечал: «И теперь, быть может, мы находимся накануне выселения из России огромной массы наших сограждан... Невольно хочется спросить: да кто же эти люди? И больно делается за нашу страну, когда придется ответить, что это, несомненно, наиболее сознательные и передовые элементы нашей народной среды»¹.

Известно, что война с Германией принесла немало поражений русской армии. Престиж правительства и «святого воинства», окропленного многократно «святой водой» упал. На этот раз баптистов, да и вообще всякую «штунду» обвинили в том, что они являются пособниками Германии, и началась новая волна преследований. Многие были административным путем (без следствия и суда) высланы в Сибирь. Не принималось во внимание даже то, что сыновья и внуки репрессированных находились в рядах действующей армии. Верующим, своим же русским, инкриминировали «тесную связь с воинствующим германизмом».

«Киевская мысль», 30 сентября 1916 г.

«Совершенно естественно, что при наших крепко укоренившихся административных традициях за все 11 лет (с 1905 г. — *А.Б.*) мы встречались с фактами, которые могли быть отнесены лишь к категории проявления религиозной нетерпимости.

И как это ни странно на первый взгляд, эти факты значительно участились именно за последние два года... Вероятно, у читателей не исчезли еще в памяти пояснения, сопровождавшие три месяца назад принятие Гос. Думой (18 июня) внесенного с. — д. фракцией запроса по поводу усилившихся преследований сектантов со стороны местной власти... Депутат Скобелев в своей речи, обосновывавшей запрос, привел ряд примеров довольно беззастенчивых инсинуаций на этой почве по отношению к сектантам.

С. Мельгунов².

Журналист упоминает о циркуляре МВД «о незакономерных проявлениях сектантства», который предписывал «установить особо бдительный надзор за легализованными сектантскими обществами и вероисповедными общинами» и при обнаружении допущенных этими организациями нарушений закона закрывать таковые в установленном порядке.

Какой должен быть реальный результат нового министерского циркуляра? Не может быть сомнения в том, что он должен ухудшить положение сектантов, несмотря на провозглашенное объединение всех граждан России.

Не время, казалось бы, именно теперь выяснять и приводить в порядок то, что не выяснено было за истекшие 11 лет бытия религиозной свободы. Но тенденции современной административной практики заставляют думать по–другому»³.

У Р. Киплинга в увлекательной книге «Маугли» есть описание наступившей засухи, и во всех джунглях было объявлено великое перемирие. В силу этого неписаного закона никто из зверей не имел права убивать кого–либо из обитателей джунглей — разве какой–нибудь шакал нарушал этот закон.

1

2

3

Николай II после объявления войны обратился к россиянам с уже известными нам словами: «В грозный час испытания да будут забыты все внутренние распри». Но православие, пользуясь военным положением, через министерские циркуляры продолжало свое дело.

Мать автора данного исследования, рожденная в 1904 г., всю жизнь помнила впечатление своего детства, когда в начале 1917 г. к ним в дом ночью пришли трое (опять знакомые черты! она и в сталинские годы в такой же обстановке рассталась с мужем): приходской священник о. Петр (г. Воронеж, Придача), миссионер Л. Кунцевич (мы о нем упоминали, когда он в 1913 г. в г. Воронеже призывал уничтожить всех сектантов) и полицейский пристав. Они сказали, что за уклонение от православия придется высылать всю семью Жарких в Сибирь. Но не выслали — подоспела Февральская революция...

Наша работа подошла к концу. Оставшийся материал относим в Приложение. Зададим напоследок только один вопрос: «Любили ли инославные христиане свою Родину?» О чем спрашивать, — скажем мы, — это после всего того, что им пришлось испытать от нее? Вместо ответа публикуем одно стихотворение, скорее — плач (простим неискушенному автору погрешности стиля и орфографии).

«О Россия, о Россия, незабвенна наша мать.
Ты не должна своих сынов изгнанных забывать.
Мы твои сыны, хотя живем за кавказскими горами,
Но не были не будем никогда тебе врагами.
О Россия, дорогая наша мать. Разве тем только мы тебя
огорчили,
Что Иисуса Христа крепко полюбили...
О Россия дорогая и незабвенна наша мать.
Если же и мы участники с вами вместе святое Евангелие
почитать,
То за что же нас так обременять?
В замки и тюрьмы заключать, и следствие по два года
продолжать,
И в тюрьме в одиночной камере по три года содержать,
И потом суду предавать и с преступниками на подсудимую
скамью сажать,
И при закрытых дверях судить и осуждать,
Всех прав и имущества лишать и потом в Закавказье
высылать,
И по шести месяцев с конвоем провожать, —
И еще на пути в одиннадцати замках побывать.
Очень много приходилось трудно видеть.
О рассмотри-ка дорогая и незабвенна наша мать.
Это могло назад несколько столетий пребывать.
баптист Иг. Шарипов»¹.

Вспоминаются пятна крови на руках леди Макбет...

Приложение

«Когда начались массовые ссылки, и духовоборов начали высылать сотнями и тысячами в разные отдаленные уезды, то можно было подумать, что при

применении этих мер становится целью не только наказать и покарать духоборов, но и в конце разорить их. Так, когда были назначены в ссылку первые 415 семейств в Горийский, Душенский и Сигнахский уезды, то им было дано всего только три дня срока, в который они обязаны были ликвидировать все свои хозяйственные дела, распродать все свое имущество и собраться в дорогу. Понятно, какие последствия повлекло за собою подобное распоряжение.

Жилища надворных построек, хлеб на корню, картофель на полях, большую часть хозяйственного инвентаря — плуги, сохи, бороны, повозки и проч. — все пришлось духоборам бросить на произвол судьбы; остальное же имущество, как например, лошадей, быков, коров, овец пришлось продать впопыхах за гроши, за бесценок...

Такому разорению и ссылке подверглось около 5000 душ духоборов. Распоряжением губернской власти (Сибирь, г. Обдорск) духоборческие семейства, предназначенные к водворению в том или ином уезде с таким расчетом, чтобы на каждое селение приходилось не более 2–3 семей; причем они поселялись обязательно в разных концах селения, с целью устранить возможность частого между ними общения. При этом земли ссыльным переселенцам—духоборам не было дано. Им предоставлялось жить, как и чем они хотят. Но в то же время они лишены были прав, без особого каждый раз разрешения, отлучаться даже в соседнее село. Словом, люди были разорены, обездолены и в довершение всего лишены земли и свободы»¹.

«Однажды духоборы села Орловки собрались на общественную молитву. Только что они приступили к молитве, как прискакал казак с приказанием, чтобы они немедленно же отправлялись в Богдановку, куда прибыл губернатор, который требует их к себе. Духоборы ответили посланному: — «дайте нам кончить молитву, и тогда мы придем». Но им не удалось кончить этой молитвы, так как вслед за этим на них налетели две сотни казаков и начали бить их нагайками. Толпа замерла. Дети подняли страшный плач, а казаки, взбешенные столь явным ослушанием приказанию начальства, ожесточенно начали бить нагайками оцепеневшую от ужаса толпу беззащитных людей.

Эти наивные люди, всем сердцем верившие в то, что на свете нет ничего святее, нет ничего выше молитвы, устанавливающей общение человека с Богом, кинулись на колени и, простирая руки к Небу, запели духовный псалом. Увы! Это отнюдь не спасло их от казацких плетей, которые продолжали немилосердно стегать и рубить их до тех пор, пока, наконец, вся толпа, прекратив молитву, в ужасе не кинулась на дорогу... Тут казаки погнали их в Богдановку, подстегивая нагайками тех, которые почему-нибудь замедляли шаг»².

1893 г., Москва.

«Над госпожой Бороздиной учрежден был строжайший надзор полиции, причем для выезда из Москвы в пределы Московской губернии она должна была каждый раз испрашивать разрешение московского генерал-губернатора, а для выезда в другие губернии — разрешение министра внутренних дел. Когда г-же Бороздиной явилась необходимость поехать в Серпуховский уезд к своему родственнику, который занимал там должность предводителя дворянства, то ей было выдано «проходное свидетельство», причем она обязана была ехать, нигде не останавливаясь, по прибытии же на место явиться в полицию. Местные полицейские власти, начиная от исправника и кончая урядником и полицейским

десятником, получили приказание строжайше следить за каждым шагом этой опасной преступницы, вся вина которой состояла лишь в том, что она осмелилась раздавать народу Евангелие...»¹.

Выдержка из письма из Тульчи от 11 января 1897г.:

«Ужасные вещи с ним делали. Его родной брат приказал мужикам привязать его за руки и за ноги и к голому телу прикладывали горящие папирсы и требовали, чтобы он отрекся от веры. Когда он потерял сознание и кричал, они отрезали веревку от рук, он упал головой об землю, а жену пьяные мужики насильничали (а она беременна). С этого времени они оба заболели, и до сих пор с ними бывают припадки. Это было в августе 1896 года и повторилось 4 декабря того же года: обе руки и бороду зажали в железные тиски и горячим железом жгли (пекли) ему спину. Так что более 50 ран сделали ему на теле. Какие ужасы творятся на нашей Руси...»².

Письмо из Олыпаницкой общины (даты нет):

«Братьям и сестрам во Христе г. Киева.

Возлюбленные! Вам известно, что мы живем среди нашего населения и несем все общественные и казенные повинности наравне с прочими односельчанами и что мы выполняем от души, как перед Богом, все общественные и казенные налоги. Но вот нас всех еще обложили по 50 к. со двора на починку сельской православной церкви. Мы, посоветовавшись между собой, решили не платить, так как мы туда не ходим, и заявили об этом старосте. После этого один из наших братьев понес в расправу поземельные деньги, здесь был сельский староста, писарь и кассир, которым он сказал: примите от меня подать, но староста говорит — давай на церковь. Брат говорит, мы не желаем давать этого налога, тогда староста посадил его в карцер, а сами начали в отдельной комнате пьянствовать. Потом позвали его в канцелярию, и спросил его староста, чтобы дать 50 к. на церкву. Отвечай! Но он сказал не дам, нет охоты. Тогда староста стал наносить ему побои с обеих рук и побил порядочно ему голову»³.

Напрасная жестокость:

«За последние годы у нас в России по разным тюрьмам, дисциплинарным батальонам и сумасшедшим домам постоянно содержится в строгом заключении некоторое количество людей, провинившихся перед правительством в том, что их религиозные убеждения запрещают им всякое человекоубийство, и что они поэтому не могут по совести принимать участие в военной службе.

Если разбойник ради грабежа убьет человека, то никто не считает его сумасшедшим, поступок его не боятся предавать гласности и обращаются с ним самым как с человеком, совершившим то самое, что он совершил. Но если кто откажется от всякого убийства, а потому и от всякой службы, то в нем тотчас предполагают психическое расстройство и сажают его на испытание в дом умалишенных...

Недавно умер молодой человек, по имени Евдоким Дрожжин, не могший по своим религиозным убеждениям участвовать в военной службе... Таким образом он был сначала приговорен к двухлетнему заключению в дисциплинарный батальон, четыре месяца спустя он был приговорен к продлению этого срока на три года и заключению в карцере на 4 месяца; через четыре месяца после того срок был продлен еще на 3 года с заключением в карцере на 4 месяца; наконец, месяца через два он был приговорен к продлению срока заключения еще на три года с арестом в карцере на 4 месяца. Так что срок его заключения, вместо первоначальных двух лет, возрос до 11 и все продолжал бы возрастать до бесконечности, если бы болезнь и смерть не прекратили его мученической жизни» ¹.

Издано в С. — Петербурге в 1886 г. В. Г. Чертковым, тем самым, которого выслали из России. Будучи за границей, он с помощью Л. Толстого публиковал сообщения и письма.

Из письма единоверцев (духоборов), из фонда В. Черткова:

«... Мы видели их по разрешению полковника, который спросил нас: «откуда вы и зачем приехали?». Мы сказали ему: «Из Тифлисской губернии приехали посетить наших братьев». Он сказал: «Со всеми свидание не позволено, только со своими родственниками и на малое время, не более как на один час». Свидание было стеснительное; но все-таки благодаря Господу Богу мы могли узнать на счет их жестокого и немилосердного наказания. Срезаются колючие розги по пяти и шести штук в один пучок и кладут в растяжку, заходят по одному человеку с той и другой стороны, напоенные водкой, и приступают, как разъяренные хищные звери, которые раздрают смиренных и кротких овец. Секут до тридцати ударов так больно, что вся колючка лезет в мясо и рвет его кусками; по окончании этого сажают в одиночный холодный карцер на одни сутки, а ведь трудно сеченому на морозе; на другой день выпускают и дают им ружья и ведут на маршировку...» ².

Жалоба:

«Родной мой отец, Илья Поливан, подал на меня жалобу в Брусиловский волостной суд, в которой просил изъять из моего владения всю 1/4 часть надела, которым я пользовался в продолжении 13 лет. Волостной суд жалобу эту уважил и 7 сего июня приговорил изъять из владения моего означенный надел и предоставить в распоряжение моего отца. Оставшись с *девятью* (курсив мой. — А.Б.) малолетними моими детьми без законного права лишенным надела, я нахожу приговор этот лишенным всякого законного основания и подлежащим отмене по следующим основаниям. На сколько мне известно из словесных объяснений на суде моего отца, вся причина, по которой я лишен судом моего надела, заключается в том, что я изменил прежним православным убеждениям и стал веровать в Евангелие, т.е. отступил от православия и принял веру Евангельскую, которую мой отец и волостной судья называют штундистскою...
июня 20 дня 1903 г.» ³.

Апелляционная жалоба:

«Приговором мирового судьи 3 участка Новоградволынского округа 18 июня 1905 года состоявшимся, мы признаны виновными в нарушении благоговения в

церкви и приговорены к аресту по одной неделе каждый. Вся вина, за которую нас приговорил судья к аресту, заключается в том, что мы не православные, а исповедуем нашу веру в Бога по учению Христа Спасителя и Его Апостолов и не посещаем православных храмов. Отсюда возникла со стороны сельского священника ненависть к нам, который, постоянно негодуя на нас, 3 марта сего года приказал насильно забрать нас из дому и привести в церковь, где один из нас, Максим Кондратюк, от сильной тревоги и волнений, причиненных сельскими властями, заболел и стал просить сотского выпустить его из церкви на свежий воздух, так как ему сделалось дурно, но последний не выпустил его и велел нам стоять до окончания службы. Разговор этот, или лучше сказать, просьбу нашу слышал и священник Флор Синеутский, который вместо того, чтобы повелеть сотскому отпустить заболевшего Кондратюка, стал кричать на нас, чтобы мы не разговаривали, а по окончании литургии оскорблять нас словами...

июня 26 дня 1902 года с. Суемцы»¹.

Объяснение на «дело» № 116 (1904 г.) И. П. Кушнерова

(адвоката — «штундиста», который и сам был подвержен притеснениям: родной сын покалечил его за его христианские убеждения. — А.Б.):

«Паспортную книжку мне всегда выдавали из мещанской управы с надписью «исповедание Евангельское». 23 февраля сего года за № 724 мне выдали книжку уже с надписью «штундист». Почему это сделано, мне не объявили, а только сказано: «Жалуйтесь губернатору, тогда мы ему объясним». Книжку за № 724 я потерял, и на получение нового документа Киевская городская полиция выдала мне удостоверение от 11 декабря за № 11753, в дознании которого установлено и мое исповедание «Евангельское». Управа же, выдавая новую паспортную книжку 13 декабря за № 4944, снова написала мне «вероисповедание — штундист»... На вопрос мой председателю управы г. Щербинскому, на основании чего мне выставляют в мой документ кличку «штундист», он ответил: «Я убежден, что вы штундист и только, если вам не нравится — жалуйтесь на меня...»².

Выписка из «дела» № 108 Иосифа Шиманского об исходатайствовании вида на жительство дочери его Анны, рожденной в сектантстве:

«Его Превосходительству Господину Киевскому Губернатору Киевского мещанина Иосифа Даниловича Шиманского, проживающего по Юрковской улице в доме 34 Прошение

При заявлении от 11 мая сего года мною представлено в Киевскую мещанскую управу две метрические выписки о рождении детей моих Николая и Анны, которых я просил внести в мой посемейный список и выдать им, как достигшим определенного возраста, свидетельства на жительство в г. Киеве. Николаю мещанская управа свидетельство выдала и внесла его в мой посемейный список, а о внесении дочери моей Анны и выдаче свидетельства ей на жительство мне отказала на том основании, что она родилась не в православии, а в сектантстве. В виду того, что все законные мои дети должны числиться в моем посемейном списке законными моими детьми, независимо от того, родились ли они в православии или лютеранстве, совершен ли над ними какой обряд при рождении их или совсем не совершен, принадлежат ли они к православной церкви или вовсе

ни к какому вероисповеданию — отказ мещанской управы нахожу незаконным, а просьбу мою подлежащей удовлетворению»¹.

Приложение к «краткой записке» И. П. Кушнерова 8 января 1905 г.

«Дело» № 117

«Его Превосходительству Господину Обер–Прокурору Св. Синода Красно–Будской волости Гомельского уезда с. Старых Ивак крестьянина Алексея Онисимова Пархоменкова Прощение

Достигнув 20–тилетнего возраста и оставаясь по–прежнему в вере православной, я пожелал вступить в законный брак с троюродной моей сестрой девицей Натальей Афанасьевной Пархоменковой, 19 лет отроду, — обратился к местному приходскому священнику Платону Горшкевичу с просьбой бракосочетать нас, но последний просьбу нашу и просьбу моего родного отца баптиста Онисима Пархоменкова отклонил, потребовал от меня и моей невесты тут же в церкви при прихожанах произнести проклятие на исповедываемое моим родным отцом, Онисимом, вероучение. Боясь Бога и страшась делать какой бы то ни было религии, даже и магометанской, поношение, тем более проклятие на исповедываемое моим отцом Евангельское учение Христа Спасителя, мы требование это выполнить не могли, а потому и оставлены им неповенчаны. Мне кажется, что пока я и моя невеста остаемся верными православным убеждениям, требование священника Горшкевича является необоснованным, и за религиозные убеждения моего отца, или кого другого из сектантов, я не должен нести никаких ограничений по моей религии или ее обрядов. Всякие такие притеснения и несправедливости со стороны духовных наставников, при существующем в нашей семье разделении, послужат только к большему отпадению от православия остальных членов семьи»².

«Утро», 22 июля 1912 г., № 1766.

Статья по поводу циркуляра министра внутренних дел Макарова о сектантах; приводится ссылка на книгу А. Ф. Кони «На жизненном пути», где вспоминается, как от формально дарованных прав на молитвенное собрание мало что оставалось.

«Началось с формального вопроса о местах для частного и общественного богомоления... Подчиняясь толкованию духовных властей, что допущение единомышленников по вере людей молиться в частном доме — равносильно устройству особо предназначенного для этого здания, каковое влечет за собою уголовную кару, если для этого не испрашено разрешения надлежащего начальства, — толкованию, обращавшему в ничто закон 1883 г., строго разграничивавший частные дома и особо предназначенные для богослужения здания, — судебные власти начинали дело, которое обыкновенно оканчивалось в апелляционной инстанции обвинительным приговором со всеми свойственными подобным делам постановлениями...

Понятно, что очень немногие из подобных дел доходили до Сената. Когда же, пользуясь немногими дошедшими, Сенат высказал свою точку зрения, и оказалось, что она расходится с точкой зрения администрации, тогда внезапно прекратилось обычное ранее печатание руководящих разъяснений Сената в «Правительственном Вестнике» (вспомним воспоминание Кони после смерти

Победоносцева, что последний прямым вмешательством препятствовал печатать правильные рекомендации в указанном правительственном печатном органе. — *А.Б.*). Таким образом узнавать о таких решениях судьбы могли только из редко появлявшихся сборников кассационных решений, а потом и вовсе не могли, ибо некоторые услужливые первоприсутствующие, не имея возможности помешать справедливому решению, клали зато на него резолюцию — «не подлежит печатанию».

Во многих случаях стали, например, считаться общественным богомолением: частные молитвы штундистов у себя на дому в присутствии близких лиц; собрание нескольких родственников штундиста в его доме для погребения его умершей дочери, без всякого при этом внешнего доказательства ереси; прочтение вслух св. Писания и пение псалмов, или присутствие трех гостей в семье штундиста для беседы «с братом о Господе и слове Божьем». В одном из дел оказался протокол урядника о том, что, проходя мимо хаты крестьянина и заметив в ней свет, он нашел, войдя, хозяина и его свояка читавшими св. Писание, о чем и составлен им надлежащий акт с приобщением к нему книги, «именуемой Евангелие»...

... И не дешево стоили сектантам такие протоколы: за ними следовали аресты, тюрьмы, высылки, штрафы... Так, вспоминает Кони, в селе Хотомле Волчанского уезда с шести сектантских семей было взыскано за участие в религиозных собраниях, кроме арестов, 267 рублей; у другого крестьянина того же села, человека многосемейного, — у него четверо малолетних детей и жена калека, — продали единственную корову и т.д., и это еще были самые мягкие меры...»¹.

«Речь» 30 ноября 1913 г.

«МВД разослало циркуляр, в котором напоминает об обязанностях чинов полиции при производстве дознания по делам религиозных и государственных преступлений.

По делам об отступлении от христианской веры и соращения из православия преследования раньше учинялись исключительно по требованиям духовного начальства. Ныне же по этим делам установлен общий порядок возбуждения уголовного преследования...

То обстоятельство, что производство дознания по делам о государственных преступлениях возложено, как общее правило, на офицеров корпуса жандармов, не освобождает, однако, чинов полиции от обязанности производить в некоторых случаях дознания по такого рода преступлениям. Дознания по политическим преступлениям (а инославные христиане обвинялись по таковым «злодеяниям». — *А.Б.*) могут начинаться чинами общей полиции не только по предложению чинов прокурорского надзора, но и по своему непосредственному усмотрению»².

Из деревни Высокая Радомысльского уезда Киевской губернии:

«Мы: евангельские христиане (некоторые из нас исключены из православия) подали прошение Уездному Исправнику о разрешении в нашей деревне на устройство собрания, но он нам отказал в виду того, что среди подписавших есть женщины. Мы подали второе прошение, подписанное теперь уже мужчинами, но после этого нам решительно запретили собираться на молитвы. Мало того, явился стражник и переписал всех, начиная со стариков и кончая шестимесячным младенцем...»³.

Из фондов В. Д. Бонч–Бруевича:

«Преследования евангельских и сродных им христиан в России во время войны 1914–1917 гг.»

«Главный Начальник Одесского Военного Округа Генерал–Губернатор Генерал–от–Инфантерии Эбелов

Постановлением Главного Начальника Одесского Военного Округа и Генерал–губернатора закрыты все зарегистрированные в порядке закона 1906 г. сектантские общины Херсонской губернии, на основании чего Губернским Правлением предложено было уездным Исправникам и Полицмейстерам губернии отобрать от Советов закрытых общин метрические книги и общественные печати, и хранить таковые при полицейских управлениях до особого распоряжения... Новые же записи на 1915 год должны быть заносимы в городских управах и в волостных правлениях в метрические книги для сектантов...»¹.

Здесь же аналогичные распоряжения по многим другим городам: Севастополю, Казани, Москве, Московской губернии, Рязанской губернии...

апрель 1906–июнь 1908 гг. В защиту религиозных мучеников:

«...Мы привыкли думать, что времена христианских мучеников давно прошли, что если у нас в России и возможны были гонения за веру, то они тоже отошли в вечность после Манифеста о веротерпимости, изданного 17 апреля 1905 г. Но, к несчастью, и гонения, и мучения за веру Христову хотя и сократились, но все еще не перевелись окончательно, и христианские мученики у нас еще не перевелись, и они до сих пор томятся в тюрьмах и ссылках за свою верность учению Христа. Таковы: Иконников, заключенный в Но–во–Гергиевскую крепость, Гончаренко, сосланный в Сибирь, Мокрый и Молосай, заключенные в Херсонский дисциплинарный батальон, Челышев, содержащийся в Муромской тюрьме, Мельников и Резников, заключенные сначала в Кронштадтский временный дисциплинарный батальон, а потом в Архангельскую тюрьму, Кудрин, Слободинюк и Панчиков, содержащиеся в Киевской тюрьме, Шнякин — в Полтавской тюрьме, Сиксне — в Псковской, Куртыш — в Варшавской и другие.

Москва–Харьков–Полтава–Петербург

*70 подписей, в числе которых и известный нам юрист Ясевич–Бородаевская Б. И.»*².

«Биржевые Ведомости № 12634, 14 ноября 1911 г.

«Синодские круги считают крайним вольнодумством соображения, высказанные проф. Кузнецовым по поводу целесообразности признания государством невероисповедного состояния граждан, а также и идею о том, что государство должно перестать вторгаться в область церковных вопросов»³.

То есть, быть неверующим, по мнению синодских кругов, нельзя; так вследствие синодских медвежьих услуг формировалось атеистическое мировоззрение.

«Речь» 8 августа 1909 г., № 215.

«Нам доставлен следующий любопытный документ из черниговской губернии, свидетельствующий, как относятся провинциальные власти к неугодным ей законам.

«По Указу Его Имп. Величества губернское правление слушали: Батурина и Бахмача из селений: Курсин, Бахмачской волости, и Хижок, Конотопской волости и уезда. Христиане евангельского исповедания в прошении своем ходатайствуют об учреждении в г. Конотопе религиозной общины под названием «Конотопская община по вере крещенных христиан евангельского исповедания». Приказали: рассмотрев изложенное выше ходатайство и принимая во внимание *заключение епархиального начальства* (вот об этом мы и говорили, курсив мой. — А.Б.), согласно коему исповедание и распространение по вере крещенных христиан не согласно с учением православной Церкви и оказывает пагубное влияние на православной население, посему секта эта по определению епархиального начальства признана вредной для сынов православной Церкви, губернское правление, руководствуясь законом 17 октября 1906 г., определяет: ходатайство жителей названных местностей об учреждении общины под названием «Конотопская община по вере крещенных христиан евангельского исповедания» оставить без удовлетворения»

... Отказ в легализации сектантской общины на том основании, что учение сектантов не согласно с учением православной Церкви есть явное издевательство над законом (напомним, что именно этот закон разрешал регистрацию и свободу собраний верующих. — А.Б.). Неужели же министерство не призовет к порядку черниговских остроумцев? Образование общин есть право, а не обязанность сектантов, а потому отсутствие зарегистрированной общины не может служить основанием не разрешать сектантам устраивать собрания»¹.

«Русские Ведомости» 25 ноября 1911 г., № 271.

«Член Гос. Совета А.Ф. Кони предложил поправку: «Лица, числящиеся христианами, но действительно исповедующие ту или иную нехристианскую веру, к которой до принятия христианства принадлежали сами они или их родители... подлежат по их желанию исключению из числа христиан». Поправка действительно необходима, принимая во внимание наше недавнее прошлое, когда, как мы знаем, происходили массовые насильственные крещения. Гос. Совет отверг эту поправку. Он и здесь санкционировал все те насилия над свободой совести, которые производились до Указов 1905 года. Формальные приписки к православию, мало того, подчас насильственные, путем полицейских и административных репрессий, по мнению большинства Гос. Совета, является достаточным основанием, чтобы удержать на лоне господствующей церкви тех, кто числится христианами, а в действительности исповедуют нехристианскую веру. И это после Указа 17 апреля 1905 г.

*С. Мельгунов»*².

«Волжские Вести» (Симбирск) 11 сентября 1911 г.

«Со времени манифеста 17 октября 1906 г. все сектантские общины стремятся легализоваться и открыто исполнять то, за что недавно получали административные «бичи и скорпионы». Но недолго продолжалась весна сектантского благополучия. С новой силой, гораздо более осведомленные блюстители церковной незыблемости обрушились на сектантские общины, и с конца лета прошлого 1910 года гонения, носившие дотоле характер чисто случайный и местный, приняли систематический характер, снова напоминая мрачное, тяжелое прошлое»¹.

«Русское слово» 12 марта 1913 г., № 59.

«Сегодня Председателя Совета Министров В. Коковцева посетила депутация евангельских христиан и баптистов в лице Голяева, Мазаева из Ростова, Степанова — из Воронежа и С.М. Степанова — из Москвы.

Депутация обратилась с жалобой на стеснения, на закрытия обществ и неразрешение молитвенных собраний. По сведениям депутатов, МВД намерено в скором времени запретить евангельским христианам разъезжать с проповедью по различным городам России»².

Из переписки И. П. Кушнерова — 10 августа 1911 г., № 368.

«...Так как я веду судебные и административные дела всех Российских братьев, у которых так много есть дела и всякого преследования со стороны духовников и низших властей, то я прежде всего коснусь их нужд. Большинство братьев и сестер обращено из людей «ничего не значущих в сем мире», бедных, неопытных и малоразвитых, не сведующих с законами, запуганных и обращенных к Господу во время веротерпимости к нововерам баптистам, которых и до сего времени преследуют, как хотят: по суду и без суда, административно и произвольно, за дело и без дела. Вот эти все гонимые нуждаются в добрых советах, правильном направлении и ведении дела, защите их на суде и пред начальством, в узаконении их детей в школе грамоты, из которых их выгоняют и не принимают, потому что они не выполняют православных обрядов и проч., и проч.

...естественно, все эти бедняки и нуждающиеся в советах братья и общины обращаются ко мне, в пользу которых, около 20 лет я с помощью Господа работаю до изнеможения и болезни нервов»³.

Примечания

Библиография

Источники

Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург). Фонд 797 —

Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода РПЦ.
 Фонд 796 — Канцелярия Св. Синода.
 Фонд 802 — Учебный комитет при Св. Синоде.
 Фонд 821 — Департамент духовных дел иностранного исповедания при Правительствующем Сенате.
 Фонд 1363 — Уголовный Кассационный Департамент при Прав. Сенате.
 Фонд 1284 — Департамент общих дел Министерства внутренних дел.
 Фонд 1276 — Департамент духовных дел МВД.
 Фонд 1286 — Департамент полиции исполнительной.
 Фонд 1405 — Департамент Министерства юстиции.
 Фонд 733 — Департамент народного просвещения.
 Фонд 381 — Департамент общих дел Министерства государственного имущества.
 Фонд 472 — Канцелярия Министерства Императорского Двора.
 Фонд 1261 — Собственная Его Императорского Величества Канцелярия.
 Фонд 759 — Собственная Е. И. В. Канцелярия по учреждениям императрицы Марии.
 Фонд 776 — Главное Управление по делам печати МВД.
 Всеподданнейшие Отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1866–1914 гг., СПб. — Пг.
 Свод Законов Российской Империи, СПб., 1906.
 Фонды Государственного музея истории религии (г. Санкт-Петербург).
 Государственный архив Воронежской области.
 Государственный архив Нижегородской области.

Исследования

Апвазов И. (миссионер). Русское сектантство. М., 1915.
Алексий (Дородницын), епископ. Южно-русский необаптизм, известный под именем штунды. Ставрополь, 1903.
Алов В. Русские еретики XIV–XVI вв. СПб., 1908.
А. Н. (священник). К пастырской борьбе с сектой пашковцев, называющих себя «евангельскими христианами». Сергиев Посад, 1910.
Бобрищев-Пушкин А. М. Суд и раскольники-сектанты. СПб., 1902.
Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1959.
Бонч-Бруевич В. Д. Из мира сектантов. М., 1922.
Бороздин А. К. Очерки русского религиозного разномыслия. СПб., 1905.
Бродский Н. Л. И. С. Тургенев и русские сектанты. М., 1922.
Введенский А. (священник). Виновато ли духовенство в происхождении и развитии русского сектантства? СПб., 1912.
Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.
Зернов Н. Русское религиозное возрождение в начале XX века. Париж, 1991.
Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М. — Л., 1965.
Ивановский Н. (миссионер). Руководство по истории и обличению старообрядческого раскола, с присовокуплением сведений о сектах рационалистических и мистических. Казань, 1912.
Калинин Г. М. Реформы веротерпимости на пороге XX века и состояние государственной церкви в России. Нижний Новгород, 1905.
Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. М., 1965.
Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения. СПб., 1909.
Маргаритов С. История русских мистических и рационалистических сект. Симферополь, 1910.

- Мельгунов С. Из истории религиозно–общественного движения в России XIX века. М., 1919.
- Мельгунов С. Свобода веры в России. М., 1907.
- Мень А. (протоиерей). Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. М., 1997.
- Милюков П. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1906.
- Оболенский П. (магистр богословия). Критический разбор вероисповедания русский сектантов–рационалистов. Казань, 1903.
- Орнатский Ф. (протоиерей). Секта пашковцев и ответ на «пашковские вопросы». СПб., 1903.
- Поспеловский Д. В. Русская православная Церковь в XX веке. М., 1995.
- Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни. М., 1881.
- Пругавин А. С. О необходимости и способах всестороннего изучения русского сектантства. СПб., 1880.
- Скворцов В. (миссионер). Миссионерский посох. СПб., 1912.
- Соколов А. А. Отношение церковной власти к свободе совести и слова в XX веке. Астрахань, 1906.
- Терлецкий Г. Секта пашковцев. СПб., 1891.
- Титлинов Б. В. Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924.
- Титов Ф. И. (священник). О современном состоянии русского сектантства. Киев, 1897.
- Ушинский А. Д. (священник). О причинах появления рационалистического учения штунды. Киев, 1884.
- Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
- Фриз Грегори Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // «История СССР». № 2, 1991.
- Шаховской Иоанн (архиепископ). Сектантство в православии и православие в сектантстве. Сан–Франциско, 1963.
- Эллис Дж., Джонс Л. У. Другая революция. Российское евангелическое пробуждение. СПб., 1999.
- Ясевич–Бородаевская В. И. Борьба за веру. СПб., 1912.

Основная литература

- Айвазов И. Г. (миссионер). Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913.
- Амвросии (Ключарев), архиепископ. О религиозном сектантстве в нашем образованном обществе. СПб., 1891.
- Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905.
- Бердяев Н. А. Опыт оправдания человека. М., 1916.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1911.
- Бонч–Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973.
- Бонч–Бруевич В. Д. Кровавый навет на христиан. Пг., 1918.
- Булгаков С. Н. Неотложная задача. М., 1906.
- Буткевич Т. И. (протоиерей). Обзор русских сект и их толков. Харьков, 1910.
- Введенский А. (священник). Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912.
- Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960.
- Восторгов Иоанн (протоиерей). Исполняйтесь духом — в единстве духа. М., 1909.
- Высотский Н. Г. «Дело» священника о. Гр. Петрова. М., 1907.
- Голос из обители Св. Николая в Киеве (без указания автора). Киев, 1908.
- Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969.
- «За что его сослали?» (без указания автора). СПб., 1907.

- Емелях Л. И.* Критика Лениным православия. Л., 1971.
- Иванов В., Мазаев Д.* Всемирный Конгресс баптистов в Лондоне в 1905 году. Ростов–на–Дону, 1907–1909.
- Иоаким (архиепископ).* Слово, сказанное Его Преосвященством // «Оренбургские епархиальные Ведомости», 1908.
- Как должно относиться духовенство к Союзу русского народа? (без указ. автора). Киев, 1913.
- «Камо грядеши?» (без указания автора). СПб., 1907.
- Кандидов Б. П.* Церковь и 1905 год. М., 1926.
- Карташев А.* Русская Церковь в 1905 году. СПб., 1906.
- Коваленко Л.* Облако свидетелей Христовых. Сакраменто, 1996.
- Кони А. Ф.* На жизненном пути. М., 1916.
- Кони А. Ф.* Собрание сочинений в 8 томах. М., 1967.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 9, 10, 12.
- Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений в 11 томах, том 11.
- Ливен С. П.* Духовное пробуждение в России. Корнталь, 1967.
- Муратов.* Русское сектантство. М., 1919.
- Об отношении Церкви и священства к современной общественно–политической жизни // «Записка Союза ревнителей церковного обновления». СПб., 1906.
- Папков В.* Необходимость обновления православного церковнообщественного строя. СПб., 1902.
- Полозов А. (священник).* Интеллигенция и Церковь. М., 1905.
- Приложение к «краткой записке» Евангельских христиан, поданной при прошении Ивана Кушнерова, Василии Долгополова, Василия Иванова, 8 января 1905 г. (библиотека ГМИРа).
- Проханов И. С.* В котле России. Чикаго, 1992.
- Проханов И. С.* Записка о правовом положении евангельских христиан, а также баптистов и сродных им христиан. СПб., 1913.
- Розанов В. В.* В темных религиозных лучах. М., 1994.
- Розанов В. В.* Когда начальство ушло... // Сб. «К. П. Победоносцев: Pro et contra». СПб., 1996.
- Розанов В. В.* Около церковных стен. М., 1995.
- Салтамов А. К. П.* Победоносцев. СПб., 1997.
- Соловьев В. С.* Владимир Святой и христианское государство. М., 1913.
- Соловьев В. С.* Собрание сочинений. Брюссель, 1966.
- Соловьев В. С.* Собрание сочинений и писем в 15 томах. Союз Русского Народа, по материалам Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства 1917 г. М. Л., 1929.
- Чельцов М. П. (священник, миссионер).* Избранные работы // «Известия по С. — Петербургской епархии», 1908, № 6–7.
- Чертков В. Г.* Напрасная жестокость. СПб., 1896.
- Шендеровский Л.* Евангельские христиане, Торонто, 1980.

Периодические издания

- «Братский Вестник», М., 1966; 1967; 1977; 1980.
- «Миссионерское обозрение», 1897; 1898; 1900; 1905.
- «Русские Ведомости», 1891.
- «Русский Вестник», 1884, кн. 3.
- «Русское богатство», 1898. № 9.
- «Русь» (газета), 1907.
- «Современный мир», СПб., 1911, № 7.

Сборники

История евангельских христиан–баптистов в СССР. М., 1989.
К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. О религии. М., 1975.
«К. П. Победоносцев: Pro et contra». СПб., 1996.
Проханов И. С. Закон и вера (по религиозному законодательству). СПб., 1912.
Религии мира: история и современность (ежегодник). М., 1983.

Дополнительные материалы

Источники

Фонды Российского государственного исторического архива

фонд 821, оп. 1, оп. 5, оп. 9, оп. 10, оп. 11, оп. 138, оп. 150.
фонд 797, оп. 96, ед. хр. 44, 162, 183, 189.
фонд 802, оп. 10 с 1899 г. по 1909 г..
фонд 796, оп. 185, ед. хр. 3111.
фонд 1284, оп. 185, ед. хр. 39 и 106.
фонд 796, оп. 179, ед. хр. 2804.
фонд 1022, оп. 1, ед. хр. 56.
фонд 1261, оп. 3, ед. хр. 150.
фонд 796, оп. 162, ед. хр. 1731.
фонд 1574, оп. 2, ед. хр. 63.
фонд 776, оп. 34, ед. хр. 12.
фонд 1363, оп. 2, ед. хр. 566.
фонд 733, оп. 195, ед. хр. 707.
фонд 472, оп. 60, ед. хр. 2132.
фонд 1276, оп. 1, ед. хр. 181.
фонд 20, оп. 1, ед. хр. 191.
фонд 381, оп. 22, ед. хр. 14695.
фонд 1405, оп. 86, ед. хр. 3043.

Библиотека Св. Синода

Бонн–Бруевин В. Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства. СПб., 1908–1910.
Бонч–Бруевич В. Д. Сборник «Звенья» в 9 томах. М. — Л., 1932–1936.
Пругавин А. С Русские сектанты до закона 3 мая 1883 г. // «Русская мысль», 1883, №№ 10–11.

Фонды Государственного музея истории религии

фонд 14, оп. 2 (1876–1912 гг.):

№ 13 — *Бирюков П. И.* Гонения на христиан в России. Батум, 1895.
№ 157 — *Волошкевич.* Дело о сектантах–штундистах. (б.м.), 1899.
№ 172 — *Лисовой И., Зубко К.* Гонения на штундистов. (б.м.), 1895.
№ 182 — *Муха П.* Избиение крестьян с. Пристель Харьковской губ., 1896.
№ 185 — (б.а.) О гонениях на штундистов с. Скобенен Киевск. Губ., 1892.
№ 193 — (б.а.) «Отобрание детей у сектантов», (б.м.), 1897.

- № 194 — (б.а.) «Ужасы гонений в России», (б.м.), 1897.
№ 203 — (б.а.) О гонениях на сектантов в Донецкой губ.» 1903
№ 207— (б.а.) Преследование штундистов в Екатеринославск. губ., (б.д.).
№ 216 — *Павлов В.* Ужасы гонений в России, (б.м.), 1897.
№ 243 — *Трегубов И. М.* Насилие русского правительства над Кавказскими сектантами, 1901.
№ 256 — Обвинительные акты по отказу сектантов от воинской повинности, гг. 1875–1909.

фонд 13, оп. 1:

- № 68 — *Трегубов И. М.* В защиту религиозных меньшинств. 1906-1908.

Коллекция 1, оп. 8:

- № 1 — Материалы о баптистах 1898–1913.
№ 8 — Дела о привлечении к ответственности за пропаганду баптизма, 1888–1903.
№ 10 — Дела о привлечении к ответственности за принадлежность к штундо-баптизму, 1900–1911.
№ 14 — Список судебным делам, разбиравшимся в течение 1904 года (Кушнеров И. П.), 1905.

фонд 2, оп. 26/106:

- № 24 — Циркуляры о сектантах 1898–1914.
№ 29 — Различные писатели и свобода веры, 1909.
№ 48 — Баптисты, 1911–1914.
№ 69 — Пашковцы, 1898–1913.

фонд 2, оп. 25/109:

- № 2 — Официальная документация по вопросам инославных вероисповеданий МВД Департамента духовных дел иностранных исповеданий.
№ 66 — *Астромова Л. А.* Письма к И. П. Кушнерову и Д. А. Правоверову о полицейских преследованиях баптистов в Прибалтике. 1909.
№ 74 — *Кушиеров К. П.* Судебные дела 1894–1908 гг.

Коллекция 1 оп. 8:

- № 83 — *Проханов И. С.* Письма (1895–1924 гг.).

Библиотека ГМИРа

- Белоусов С.* Открытое письмо сектанта православному миссионеру А. П. Платонову. Тифлис, 1908.
Воронов А. Штундизм. СПб., 1884.
Глебов С. Полковник Пашков. Русский Редсток. СПб., 1904.
Малышевский И. О зарождении религиозных сект. Киев, 1884.
Н. П. В чем причина успеха сектантства? Нижний Новгород, 1911.
Плотников К. История и разбор учения рационалистических сект. Пг., 1914.

Преследование баптистов евангелической секты. Англия, 1902.
Скворцов В. К вопросу о борьбе со штундою. Киев, 1895.
Смолин И. Миссионерская памятка. СПб., 1914.
Толстой М. Самозванные миссионеры в православной Москве. М., 1877.
Чертков В. Похищение детей Хилковых. Англия, 1901.

Библиотека Духовной академии РПЦ (г. Санкт–Петербург)

Бороздин А. К. Русское религиозное разномыслие. СПб., 1907.
Василевский Г. А. Баптизм и свобода воли. СПб., 1914.
Гумилевский Н. История и обличение новых националистических сект. Пг., 1915.
Докучаев А. М. Краткий исторический очерк постепенного распада протестантизма на разные секты и вырождение из него рационализма. Тамбов, 1870.
Макаревский М. И. и Добромыслов П. П. 3–й Всероссийский миссионерский противораскольнический и противосектантский Съезд в г. Казани 22 июля — 6 августа 1897 г. Рязань, 1898.
Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. Разработано Центральным Статистическим Комитетом МВД. СПб., 1901.

Российская национальная библиотека (г. Санкт–Петербург)

Лйвазов И. Религиозные скитания русской интеллигенции нашего времени. М., 1913.
Бонч–Бруевич В. Д. «Звенья» в 9–ти томах. М. — Л., 1932–1936.
Бонч–Бруевич В. Д. Материалы к истории и изучению русского сектантства. СПб., 1908–1910.
Бонч–Бруевич В. Д. Религия и церковь в истории России. М., 1975.
(б.а.) В чем причина успеха сектантства? Нижний Новгород, 1911.
Верховский П. В. Политика и право в делах церковных. Берлин, 1913.
Гонения на христиан в России в 1895 году. Женева, 1896.
Двинская А. Возражения против учения пашковцев и других сект. СПб., 1906.
К церковному Собору (сборник). СПб., 1906.
Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
Крахмальникова З. В поисках обещанного рая // «Нева», 1992, №10.
Кычизин А. Отчего так быстро понижается религиозно–нравственный уровень жизни православного народа? Пермь, 1901.
Лесков Н. С. Великосветский раскол. СПб., 1877.
Мельгунов С. П. Церковь и государство в России. М., 1907.
(б.а.) О разрушении царств. Отповедь чиновнику Скворцову. СПб., 1910.
Острцов В. Черная сотня. М., 1991.
Петров Гр. Сп. Запросы современной Церкви. СПб., 1906.
Петров Гр. Сп. По совести. СПб., 1908.
Подберезский И. В. Быть протестантом в России. М., 1996.
Пругавин А. С. Вне закона. Штуттгард, 1903.
Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905.
Пругавин А. С. Религиозные отщепенцы. М., 1906.
Путинцев Ф. Политическая роль сектантства // «Безбожник», 1929.
Ясевич–Бородаевская В. И. Сектантство в Киевской губернии. Спб., 1902.